

НАКАНУНЕ XI КОНГРЕССА МАПРЯЛ

Очередной Конгресс МАПРЯЛ состоится 21-25 сентября 2007 года в морской столице Болгарии – Варне. Жемчужина Черноморского побережья Болгарии во второй раз гостеприимно встретит филологов-русистов со всего мира. В 1973 году в Варне проходил II Конгресс Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы.

XI Конгресс отличается от других конгрессов МАПРЯЛ прежде всего тем, что он будет проходить в атмосфере праздника не только для тех, кто связал свою профессиональную судьбу с русским языком, но и для всех почитателей русского языка и культуры. 2007-й год официально объявлен годом русского языка! С этим событием связана и тема конгресса: «Мир русского слова и русское слово в мире». В течение пяти дней специалисты в области изучения, преподавания и распространения русского языка, русской литературы и культуры будут обсуждать актуальные проблемы русского слова и его место в нашем глобализирующемся мире.

2007-й год связан с еще двумя знаменательными событиями. В 2007-м году МАПРЯЛ отмечает свое 40-летие. Международная ассоциация преподавателей русского языка и литературы была учреждена в сентябре 1967 года в Париже. В этом же году, в октябре месяце, основано Общество русистов Болгарии, для которого 2007-й год тоже является юбилейным. Уже 40 лет болгарские русисты, объединенные в свою организацию, содействуют распространению русского языка и культуры в Болгарии, укрепляя духовные связи двух родственных народов.

Таким образом, оба организатора XI Конгресса: и МАПРЯЛ, и Общество русистов Болгарии – отметят свой юбилей в дни проведения международного форума филологов-русистов.

На XI Конгрессе предлагается работа по следующим научно-методическим направлениям:

- Новое в системно-структурном описании современного русского языка.
- Речевая деятельность: современные аспекты исследования.
- Функциональные разновидности русского языка.
- Язык, сознание, культура.
- Русский язык: диахрония и динамика языковых процессов.
- Русская лексикография: тенденции развития.
- Русский язык в сопоставлении с другими языками.
- Коммуникация на русском языке в межкультурной среде.
- Перевод – взаимодействие языков и культур.
- Изучение и описание русского языка как иностранного.
- Методика преподавания русского языка (родного, неродного, иностранного).
- Русская литература: история и современность.
- Методика преподавания русской литературы.

В рамках XI Конгресса будут работать и 4 круглых стола, где будут обсуждены следующие проблемы:

Русский язык в глобализирующемся мире.

Язык русскоязычной диаспоры: интерференция и трансференция («Русский язык и языковая идентичность»).

Русская культура в обучении русскому языку: проблемы и перспективы («Что, как и почему в межкультурном образовании?»).

Современные технологии в обучении русскому языку.

К XI Конгрессу и его проблематике проявлен большой интерес со стороны специалистов-русистов. Желание принять участие в работе секций и круглых столов заявили около 1000 филологов-русистов из 52 стран. Особой популярностью пользуется направление «Методика преподавания русского языка (родного, неродного, иностранного)». Для участия в обсуждении этой проблемы подано 220 заявок. Методисты из многих стран выражают желание обсудить вопросы школьного и вузовского преподавания русского языка. Их интересуют вопросы современной технологии обучения: мультимедийные обучающие программы, программы для компьютерной диагностики, а также современное дистанционное обучение, новости в теории и практике тестирования уровней владения русским языком.

В современной лингводидактике общепризнанным является подход, при котором обучение иностранных учащихся русскому языку проходит в тесной связи с изучением русской культуры, поскольку язык – одно из важнейших средств выражения и сохранения культуры, носитель и транслятор культурной информации. В этой связи в научной программе XI Конгресса уделено соответствующее внимание лингвокультурологии, ее методологии, ее базовым понятиям, а также проблемам концептуальной и языковой картины мира, концептосфере русского речевого общения. Эти вопросы сосредоточены в направлении «Язык, сознание, культура».

Связь языка и культуры в процессе преподавания языка проходит через взаимодействие обеих культур – культуры изучаемого языка и культуры языка-посредника. Тема межкультурной коммуникации при обучении русскому языку присутствует более чем в 100 заявленных докладах и сообщениях.

Проблематика межкультурной коммуникации нашла свое место и в других научных направлениях Конгресса. Участники международного форума будут обсуждать этнопсихолингвистические, социокультурные и прагматические аспекты межкультурной коммуникации, ее невербальные компоненты в условиях межкультурных контактов, а также бизнес-коммуникацию на русском языке в межкультурной среде. Эта проблематика представлена в рамках научного направления «Коммуникация на русском языке в межкультурной среде». В этом же русле взаимодействия языков и культур будут рассматриваться и проблемы современной теории и практики перевода. Сам перевод выявляет свою сущность и специфику в диалоге культур: исходной и принимающей.

Анализ и изучение художественной словесности привлекли внимание около 160 русистов. Специалисты в области русской литературы и методики ее преподавания предлагают весьма интересные исследования, относящиеся как к ее истории, так и к ее современному состоянию. Заявлены темы, рассматривающие связи русской литературы с христианским миром, в новом ракурсе анализируются проблемы русского фольклора и древнерусской литературы, особое внимание обращается на культурные коды русской литературы XVIII-XX веков. Подробно исследуются судьбы русской литературы XX века, литература Серебряного века,

литература русского зарубежья, вырисовываются тенденции в современной литературе.

Современный русский язык, новое в его структурном описании, его диахрония и динамика языковых процессов, его функциональные разновидности, языки различных профессиональных и социальных групп и особенно язык Интернета, бизнес-язык тоже привлекают пристальное внимание многих русистов. Предлагаются интересные обобщения, к которым привели процессы изучения и описания русского языка как иностранного, а также его сопоставления с другими языками.

Программа XI Конгресса предлагает разнообразные формы участия: в общих пленарных заседаниях, в научно-методических направлениях, в работе секций, круглых столов, выступление с постером (стендовый доклад), а также участие в качестве слушателя без представления доклада или сообщения.

Еще до начала работы Конгресса будут изданы сборники материалов, включающие доклады и сообщения участников в указанных 13-и научно-методических направлениях.

Организаторы Конгресса стремятся к тому, чтобы максимально обеспечить, с одной стороны, глубокий профессиональный анализ всех обсуждаемых проблем русского языка, литературы и культуры, а с другой – создать условия для непринужденного, дружеского общения коллег-русистов из разных стран мира. Для всех участников Конгресса будет организована богатая и разнообразная культурная программа; будет проведен вечер, посвященный Болгарии, ее культуре и искусству.

Как и каждый подобный международный форум, XI Конгресс МАПРЯЛ соберет и объединит русистов стран Европы и Азии, Америки и Африки, всех тех, кто влюблен в русское слово и русскую культуру. Мы надеемся, что предстоящая встреча русистов в Варне послужит для ее участников источником вдохновения и залогом дальнейших профессиональных и творческих успехов.

*Доц. д-р Илиана Вladoва,
вице-президент МАПРЯЛ,
председатель Общества русистов Болгарии*

Алла Градинарова

РУССКИЙ ЦЕЛЕВОЙ БЕССОЮЗНЫЙ ИНФИНИТИВ: УСЛОВИЯ УПОТРЕБЛЕНИЯ

В русском языке при матричных глаголах целенаправленного движения (*пойти, выйти, прибежать, заехать*), прекращения движения или отказа от него (*остановиться, остаться, задержаться*), каузации отказа от движения (*оставить*), размещения (*расположиться, устроиться*), изменения положения в пространстве (автокаузативы *встать, лечь, сесть*; каузативы *поставить, уложить, посадить*), каузации движения кого- или чего-л. (*отправить, послать, привести, привезти, принести, отнести*) нормативно использование бессоюзного целевого инфинитива: *На невысокую эстраду **вышел** размяться оркестр из четырех музыкантов* (А. Троицкий, Удар из прошлого); *...Я бы все равно **задержался** узнать, чем же закончится вся эта небывалая авантюра* (В. Свержин, Крестовый поход восвояси); *В этот вечер тайный советник Бассевич **оставил** у себя ужинать всех господ министров, бывших у него на концерте* (Ф.-В. Берхгольц, Дневник); *Путники **расположились** у ручья отдохнуть и кормить лошадей* (А. Чехов, Степь); *Кофе мы **устроились** пить прямо в рабочем кабинете, на краю длинного стола, заваленного бумагами* (Д. Донцова, Фокус-покус от Василисы Ужасной); *Но когда я пришел домой и **прилег** отдохнуть, «старый гриб» мне опять вспомнился* (М. Пришвин, Старый гриб); *Выполнив несколько танцевальных па, Фисташкин **поставил** чайник кипятиться* (Р. Зарипов, Шоколадный крем); *Комбат **усадил** обедать пришедшего командира 2-й роты Шепелева* (П. Лукницкий, Ленинград действует); *Это оказался сотрудник издательства «Эпоха» Меерович, которого **послали** нас встречать* (Н. Гершензон-Чегодаева, Воспоминания дочери); *Они **понесли** свою летающую табуретку ремонтировать* (В. Крапивин, Тополиная рубашка).

В.Ю. Гусев в работе «Целевые конструкции при глаголах движения: актанты или сирконстанты?» [Гусев 2004] высказывает предположение о том, что целевой бессоюзный инфинитив при глаголах направленного движения заполняет валентность Конечной точки. Объясняется этот факт близостью семантики целевых и лативных конструкций: «если действие, ради которого совершается движение, локализуется в конечной точке этого движения (*едет [в Москву] учиться, идет [на вокзал] покупать билеты, идет [на родник] за водой* и т.д.), то это действие метафорически означает и саму конечную точку» [Гусев 2004: 149-150]. Заполнять валентность Конечной точки способен только бессоюзный инфинитив. Союзный же такой способностью не обладает. Ср.: *Я иду покупать билеты* и *Я иду, чтобы купить билеты* [там же: 149]¹. Бессоюзный целевой инфинитив в русском языке невозможен, «если действие, ради которого совершается движение, не локализуется в его конечной точке, ср. **Он ушел пораньше не встречаться с братом* – возможно только *...чтобы не встречаться с братом*» [там же: 150].

Приведем в качестве примера и неграмматичность целевого бессоюзного инфинитива при глаголах разнонаправленного движения: **Она принялась расхаживать успокоиться*; ср.: *Она отвернулась и принялась быстро расхаживать,*

¹ Ср. выводы, сделанные относительно фактов болгарского языка, в [Пенчев 1998: 133-134].

чтобы успокоиться (А. Квик, Искушение). См. также при глаголах движения с приставками *пере-*, *про-*, *о-/об-*, управляющих прямым дополнением: *Он **перешел** улицу разглядеть табличку; ср.: В 1884 году молодой и честолюбивый хирург из лондонского госпиталя однажды **перешел** улицу, чтобы разглядеть табличку... (Н. Непомнящий, Люди – феномены). То же с участником Трасса: *Они **обошли** вокруг дома посмотреть...; ср.: Бабушки <...> **обошли** вокруг дома, чтобы посмотреть, не начнется ли перестрелка (Ж. Пыжиков, Гамма). Однако при наличии в концепте ситуации участника Конечная точка целевой бессоюзный инфинитив возможен: Однажды он предложил ей **перелезть** через огромный забор в чей-то сад поест яблок (М. Голованивская, Противоречие по сути).

Целевой бессоюзный инфинитив употребляется не только при лативных глаголах, имеющих обязательную валентность на Конечную точку, но и при глаголах элативных, а также бесприставочных, у которых участник Конечная точка необязателен. Если инфинитив цели и проявляет избирательность по отношению к семантике матричного глагола движения с валентностью (обязательной или факультативной) на Конечную точку, то эта избирательность касается именно лативных глаголов.

Так, при лативных до-глаголах целевой бессоюзный инфинитив невозможен: *дошел до поворота посмотреть; *доедем до озера отдохнуть и под. Запрет на такой инфинитив у этих глаголов, очевидно, связан с акцентированной семантикой «достижимости», поглощающей и значение цели действия.

Конструкции с целевым бессоюзным инфинитивом при глаголах, не являющихся глаголами движения, квалифицируются как разговорные: «При некоторых глаголах, не обозначающих движение, бессоюзный инфинитив возможен в качестве очень разговорного варианта, ср. купил фотоаппарат **выслеживать** глухарей, однако в литературном языке такие конструкции запрещены, в отличие от инфинитива при глаголах движения, который <...> не имеет стилистических ограничений» [Гусев 2004: 147].

Представления о сугубой разговорности, тем более нелитературности подобных построений, однако, преувеличены. Так, довольно широко распространенные конструкции с целевым бессоюзным инфинитивом при глаголах приобретения *взять*, *занять*, *одолжить*, *купить*, *украсть* и глаголах давания *дать*, *выдать*, *передать*, *подарить*, *одолжить* и др. тяготеют к нейтральным: *Кстати, у меня даже кассеты с фильмом не осталось, кто-то **взял** посмотреть и не вернул* (Н. Бестемьянова, И. Бобрин, А. Букин, Пара, в которой трое); *А позже выяснилось, что у водителя, восемнадцатилетнего самоучки, вообще нет прав на управление машиной, вождению он никогда профессионально не учился, а машину **одолжил** покататься у приятеля* (газ. Якутия, 2005, № 134); *Чтобы Ирина не скучала, когда я бывал на ночных дежурствах, я **купил** ей хороший приемник – слушать классическую музыку* (В. Голяховский, Русский доктор в Америке); *Свою славную карьеру уголовником начал: **украл** у соседа мотоцикл покататься...* (С. Котькало, Палестинская пастораль); *Ты пытаешься докричаться до соседнего столика, чтобы **дали** спички зажечь свечку, но они почему-то слабо реагируют* (П. Ткачёва, Опера); *В 90-е годы родственникам репрессированных был открыт доступ к архивам КГБ. Нам тоже **выдали** почитать его «дело»* (И. Тосунян, Завещание Люше; Литературная газета, 1995); *Роберт подарил ему Евангелия на монгольском и **одолжил** ему почитать Евангелие на русском при условии, что тот вернет книгу через неделю* (О. Волкова, Первые западные миссионеры в Бурятии).

Если значения глаголов этих групп выражаются имплицитно, бессоюзный целевой инфинитив может следовать за пропозициональными предикатами. См. при

«коммуникативном» *попросить* (каузировать давание = перемещение объекта, *попросить дать*): Тема *попросил* у отца почитать двадцатипятилетней давности рукопись его неоконченного романа (С. Болмат, Сами по себе). Ср. при неагентивном *забыть* (*забыть взять*): *Страшным шепотом сообщаю Ярославе, что забыла кружку <...> и нож резать хлеб и колбасу* (И. Выборная, Впечатления от поездки).

От *взять* валентность на бессоюзный целевой инфинитив может переходить и к глаголу *искать*. Так, в предложении [Крапивник] *режет его* [Лося] *ножом, говорит, что вынимает клещей; убивает; ищет* большой нож *разделявать тушу...* (Ю. Березкин, Мифология аборигенов Америки и Сибири) матричный глагол *ищет* получает права на такой инфинитив от *взять* в результате речевой компрессии, связанной с контаминацией смежных ситуаций: *искать, найти, взять*.

Действия, названные глаголами приобретения и давания, каузируют обладание. За редким исключением, эти глаголы невалентны на латив, но все они имеют семы перемещения предмета в локус, в данном случае в локус Посессора (субъектную сферу посессивности).

Таким образом, отмеченная В.Ю. Гусевым закономерность употребления бессоюзного целевого инфинитива наблюдается и в приведенных выше контекстах. В более общем виде эта закономерность может быть описана следующим образом: бессоюзный целевой инфинитив может использоваться в тех случаях, когда осуществление названного им действия или состояния предполагается в конечной точке перемещения субъекта или объекта матричного глагола, причем нулевое подлежащее целевого оборота должно контролироваться подлежащим или дополнением (пациентом/ адресатом) главной клаузы.

Идея перемещения субъекта в пространстве сохраняется и в семантике глагола *позвонить*, имеющего валентность на Конечную и Начальную точки: *позвонить в Москву / из Москвы*. Целевой бессоюзный инфинитив при *позвонить* возможен: *Татьяна Ивановна, зная, что я работаю в загсе, как-то позвонила спросить, как Аня назвала ребенка* (Л. Матвиенко, Наследство одинокой бабушки).

Приведем также контексты с таким инфинитивом, в которых Агенс устраняет преграду, чтобы каузировать движение воздуха: *Я открыл окно проветрить кухню* (И. Калачев, Оптимизм); *Я только открыла дверь проветрить, как вижу – отец мимо идет* (Р. Маркова, «Я такой бандиткой была...», АиФ 2005). Хотя формально нулевое подлежащее при инфинитиве (PRO) контролируется Агенсом, на семантическом уровне в реализации названной инфинитивом ситуации участвует Сила: *открыл окно / дверь = каузировал движение воздуха с улицы / из другого помещения*.

Как известно, тенденция к устранению избыточной информации и компрессии языкового выражения особенно ощутима в разговорной речи. Для контекстов, близких к разговорным, характерен эллипсис и контаминация языковых форм: *Петр Федотович сначала присел к столу, однако жена и дочь стали накрывать для чаепития и отправили его принести из кухни кипевший самовар* (Е. Иванов, И. Сеницын, Честь и долг) – *отправили его на кухню взять и принести / попросили его принести из кухни*.

В сугубо разговорных контекстах употребление целевого бессоюзного инфинитива не подчиняется указанной выше закономерности. См. примеры из академической Русской грамматики: *Пойдем, ласочка, дровец попилим, стены на ночь подсушить* (Леон.); *Попросишь, бывает, какой пустяк, бритвенное лезвие, помазок или шарф надеть на улицу выскочить, он всегда дает как-то вроде нехотя* (Триф.) [Грамматика 80].

Я.Г. Тестелец во «Введении в общий синтаксис» указывает на возможность использования целевой союзной конструкции в функции определения к

существительному: *закон, чтобы охранять детей; машина, чтобы убирать снег*, – возможность, реализуемая в русском языке значительно реже, чем, например, в английском [Тестелец 2001: 328].

В той же функции может употребляться и определяющий предмет по назначению бессоюзный инфинитив. Примеры подобных конструкций содержит академическая Русская грамматика: *нитки связать шарф, кадушка квасить капусту, щетка чистить обувь, деньги уплатить долг* [Грамматика 80]. Позицию при существительном обеспечивают такому инфинитиву определенные синтаксические модели, например связочная: *Представь себе, что это – обычный походный нож картошку чистить или грибы срезать* (форум сайта flashpoint.ru); *Ловится там множество чудеснейшей и прекрасной рыбы, но масло жарить ее – там дурно* (Записки итальянских путешественников XIV в., пер. Н. Котрелева); бытийная: *«Тетя Лена! Есть у вас вода попить?»* – вдруг попросил Володя (Л. Энден, Изменники родины); *У тебя есть книжка почитать?* (форум сайта EFL.ru); *И если иссякнет свет, нет спички зажечь свечу* (материалы сайта dobroeslovo.ru); *У тебя есть что-нибудь выпить? И поест. Я с ног валяюсь от усталости* (А. Соболев, Литературные опыты); *«Я тебя слушаю, колдун. Что у тебя есть мне сказать, прежде чем я решу, на каком суку тебя повесить?»* (Шелл Горас, Призрак гнева); посессивная: *«Ну, – непонимающе уставился он на меня, – так что ты имеешь мне сказать?»* (А. Воронцов, Чужое сердце). Построения вроде *Что ты имеешь мне сказать?* воспринимаются как кальки с западноевропейских языков, ср. англ. *have something to do*; нем. *haben was zu tun*; франц. *avoir quelque chose à faire*. Смотрите в этой связи дискуссию на форуме сайта EFL.ru (Английский язык из первых рук) – efl.ru/forum/threads/6426/7.

Что касается вопросительных конструкций типа *Есть у вас вода попить?*, то в них заключена косвенная просьба – «...Если есть, дайте...». Это так называемые потенциально компрессированные цепочки речевых актов [Шатуновский 2004].

Наконец, отметим возможность бессоюзного целевого инфинитива в модальных модификациях исходных структур: *Борейко убили таксиста, потому что им нужна была машина покататься* (Ю. Урбан, Без срока давности); *Мне понадобились спички зажечь газ на кухне...* (А. Горин, Второй поцелуй) и под.

Особую проблему составляют ограничения на сочетаемость видовых форм бессоюзного инфинитива с формами вида, времени и наклонения матричного глагола.

Возможны и достаточно распространены сочетания матричного глагола совершенного вида с совершенновидовым бессоюзным инфинитивом: *Павел Александрович сам пошел сказать об этом Милованову...* (Е. Кузьмина-Караваева, Равнина русская); *Едва открылась регистратура, он пошёл позвонить домой и сообщил жене ночное решение...* (А. Солженицын, Раковый корпус); *На этот раз Петр Афанасьевич пошел отправить письмо другу* (газ. Сегодня); *Человеку крикнули, он не расслышал и пошел спросить, чего им надо* (материалы сайта bb.ct.kz); *Перепуганный Гордий пошел рассказать о божественном знамении* (материалы сайта militera.lib.ru); *Кстати, кто-то пришел рассказать мне об убийстве, которое совершил Наставник...* (М. Милованов, Естественный отбор); *Я пришел тебя увидеть* (П. Проскурин, Черные птицы); *После обеда я сходил купить груш по 5.000 лей килограмм* (А. Раззоронов, Путешествие по Восточной Европе и Турции); *...ехал в нужную сторону и сошел покурить почти у места назначения* (О. Ермаков, Возвращение в Кандагар); *Ваня отошел поговорить с друзьями* (газ. Первое сентября); *Рауль встал вслед за отцом и подошел обнять его на прощание* (из переводов А. Дюма); *Он ушел покурить за барак* (В. Некипелов) и под.

Многие из приведенных в предыдущем абзаце совершенновидовых матричных глаголов не только способны, но и гораздо чаще присоединяют бессоюзные инфинитивы несовершенного вида. Ср.: *В результате, когда я пошел говорить о мировой с прокурором, выяснилось, что свидетель обвинения отказался давать показания* (Московская правда); *Потный, весь в пыли и известке, Шурыгин пошел звонить из магазина председателю колхоза* (В. Шукшин, Крепкий мужик); *Когда утром я пошел отправлять телеграмму, он попросил передать Некрасову привет* (К. Ваншенкин, Писательский клуб); *Но Лукомский не пошёл спрашивать Алексеева, а взялся пространно отвечать сам* (А. Солженицын, Март Семнадцатого); *Испугался бесенок и к деду Пошел рассказывать про такую победу* (Пушкин); *А 78-летний отец одного моего знакомого, в конце концов, сам переубедил почтальона голосовать за Ющенко, когда тот пришел рассказывать ему о достоинствах Януковича* (форум сайта shogun.com); *Все обустроивались, а он <...> стоял неприкаянно в уголке, потом ушел курить на лестницу* (О. Сульчинская, Я умру с телефонной трубкой в руке).

Для разных глаголов те или иные сочетания видовых форм матричного глагола и бессоюзного целевого инфинитива оказываются предпочтительными. Так, *отошел поговорить, подошел обнять* лучше и поэтому частотнее, чем *отошел говорить, подошел обнимать*. В то же время *пошел покупать, пошел писать* лучше, чем *пошел купить, пошел написать*. См. примеры последних сочетаний: «*За нитками! – хохочет Генка. – Ниточки пошел купить Лимонов...*» (Э. Лимонов, Молодой негодяй); *Розочка, я никуда не исчезал. Просто пошел написать один рассказ* (форум сайта stih.ru).

При лативном совершенновидовом *войти* целевой бессоюзный инфинитив несовершенного вида хотя и возможен, но затруднен: *Разбив замки и цепи, Я всё-таки войду Искать в пыли и хламе На чердаке – звезду* (материалы musicforums.ru), но *вошел спрашивать, вошел говорить, вошел здороваться, вошел пить, вошел звонить*. Ср. с инфинитивами совершенного вида: *Алабин вошел спросить. – Съехали... Съехали вчера, – повторяла старушонка еле слышно* (В. Маканин, Коса – пока роса); *В это время слуга вошел сказать, что лошади готовы* (О. Сомов, Приказ с того света); *Мы непременно войдем посмотреть, как там все устроено* (А. Парфе, Благословение Голубоглазой Ланки); *Он находился у себя в кабинете с Фердинандом Бауэном. Я туда вошла поздороваться* (Рекс Стаут, Лига перепуганных мужчин); *Нельзя ведь каждую секунду жизни трястись, что с тобой может произойти беда: упадет кирпич, или за рулем встречной машины уснет водитель, или в кафе, куда ты вошел выпить чашку эспрессо, взорвется портфель с взрывчаткой* (Б. Акунин, Внеклассное чтение); *В комнату вошел позвонить мой знакомый из ФСБ* (материалы сайта livejournal.com).

Матричный глагол несовершенного вида способен иметь при себе целевой бессоюзный инфинитив как несовершенного, так и совершенного вида: *Иду смотреть зверинец* (А. Куприн, Поединок); *Оставив главных лиц сериала в покое, иду посмотреть на свободные от съемок декорации* (Н. Уварова, Дурнушка вышла замуж); *Потом иду с подругой покупать туфли, настоящие туфли* (О. Чехова, Мои часы идут иначе); *Сигарет иду купить, а то у нас вздоржало все, – говорит другая* (Московские новости); *Выхожу гулять, вроде нормальное настроение, но в голове как колокольчик: нога, нога, нога* (Т. Тарасова, Красавица и чудовище); *Я выхожу только погулять с собакой* (Е. Яковлева, Берегите других); *Они называют себя «Лучший сайт об электронной музыке» – сюда я захожу узнавать новости о «клубящемся Петербурге»* (форум сайта piqee.ru); *И вот захожу узнать результат* (А. Анистратенко); *Все, ухожу играть в футбол* (форум сайта wbfree.net); *А я не могу больше терпеть – ухожу поиграть в этот квест* (форум сайта k-tech.ru); *Папа с*

сыном и кампанией **едет отдыхать** – **кататься** на горных лыжах (Психология любви); «А знаете что? – живо наклонился он к Сане. – Наш коллектив **едет** на Амур **отдохнуть**» (Б. Можаяев, Саня).

При **входить**, однако, более обычен инфинитив совершенного вида: *Представьте себе, **вхожу** я в лавку **выпить** стакан лимонаду* (из переводов Альфреда де Мюссе); *Поэтому знайте: первый раз вы **входите** в парную просто **погреться, подышать** паром минут на пять* (Московский комсомолец). При матричном *идти*, наоборот, чаще используется несовершенновидовой инфинитив.

Некоторые ограничения связаны с семантикой императива. Глагол направленного движения в императиве не всегда способен иметь при себе бессоюзный целевой инфинитив. Определенную роль здесь, видимо, играет и системное вытеснение, а именно существование конструкций с дублетными личными формами типа *иди слушай, пойди прочитай, выйди посмотри, подойди скажи*.

Так, императивы глаголов *войти, сойти* (с дороги, с поезда и т.п.), как свидетельствуют огромные массивы текстов Рунета, исключительно редко присоединяют бессоюзный целевой инфинитив. У глагола *сходить* императив проявляет избирательность по отношению к семантике целевого инфинитива². Ср.: *Ты **сходи купить** цветов на рынок... Только не забудь* (Второкривов, Южное); *Старушка стала просить старичка: «**Сходи посмотреть**, как живут зять-лис с нашей дочерью...»* (Сказка про Лиса), но **сходи поискать / спросить / увидеть / написать* и т.п. Та же особенность у императива глагола изменения позы *сесть*: ***Сядь отдохнуть** на подоконник* (К. Ваншенкин), но **сядь написать / прочитать / полистать / посмотреть*³ и т.п.

Императив глагола *пойти*, как правило, не может иметь при себе целевого беспредложного инфинитива: **пойди купить / позвонить / отправить / заказать* и т.п.; см., однако, в одном из переводов М. Лозинского: *Фабьо (Марселе) **Пойди сказать** сеньоре, что пришел сеньор маркиз* (Лопе Де Вега, Собака на сене).

Конструкции *выйди посмотри* («*Да не сиди там. **Выйди посмотреть**, какое счастье подвалило*». Ю. Никитин, Трое в долине), *выйди погулять* (*Я во дворе опять, Наташка, **выйди погулять***. Из песен группы «Коммунизм»), *выйди послушать* (*Просто **выйди послушать** Запах дождя...* Материалы сайта francismaks.narod.ru); *приди посмотри* (*А ты **приди посмотреть** на игры и на оружие, может, дадут и пострелять*. Форум сайта tvercity.ru); *подойди поговорить* (*Ну, так просто **подойди поговорить**, сделай первый шаг*. Материалы pickupforum.ru); *иди петь* (*Жил менестрель в неизвестном году, по селам бродил, городам, хотя сам Король предлагал ему – «**иди петь** ко мне – денег дам!»* Д. Баймухаметова, Менестрель) встречаются значительно реже, чем *выйди посмотри, выйди погуляй, выйди послушай, приди посмотри, подойди поговори, иди пой*.

При *приходи*, однако, целевой бессоюзный инфинитив некоторых глаголов используется гораздо чаще, чем дублетная форма: ***Приходи** к нам кофе **пить***, – *неожиданно пригласил ее Игнат* (Т. Устинова, Подруга особого назначения); *Когда приведешь себя в порядок, **приходи выпить** с нами* (из переводов Д. Баркли); *Мальчик крикнул мне: «**Приходи играть**», я кивнула им, и мы расстались* (Н. Баранова,

² Стоит обратить внимание на саму возможность целевого бессоюзного инфинитива при глаголе двунаправленного перемещения *сходить*.

³ Ср. возможность тех же инфинитивных форм при матричном глаголе в индикативе: *Пришёл с футбола, **сел написать** отчёт о матче, высказать всё, что я думаю о судействе* (материалы сайта footballforyou.ru); *Я лично **сел прочитать** первую главу, а дочитал до десятой* (форум сайта kubikus.ru); *Я из любопытства **сел полистать** каталог* (А. Кобзарь, Вспышки в памяти); *Если человек **сел посмотреть** мирную беседу, а видит подобную перепалку – это бессознательно провоцирует общую агрессию* (Н. Нарницын, Телевидение как источник индуцированного бреда).

Воспоминания); *Андрюха! Ты лучше с нами приходи поиграть, так как народу ожидается мало* (форум сайта narod.ru).

При императивах элативных *уйти / уходить*, способных присоединять целевой бессоюзный инфинитив, дублетные формы не употребляются: *Вруби Морр и уйди гулять на весь день* (форум сайта kamrad.ru); *Если муж в выходные упорно не отрывается от компьютера – уходи гулять* (форум сайта svadba.spb.ru); *Мне сказали: «Или уходи играть в теннис, или давай учись»* (В. Молчанов); ср.: **уйди гуляй, *уходи гуляй, *уходи играй*.

Иди есть и *иди ешь*, *иди пить* и *иди пей* отличаются примерно одинаковой частотностью употребления. *Иди* с инфинитивом совершенного вида проблематично: *?иди посмотреть, ?иди купить* (примеры с матричным *идти* в индикативе и совершенновидовым инфинитивом см. выше); ср.: *иди посмотри, иди купи*.

Дублетные формы вытесняют целевой бессоюзный инфинитив и при некоторых глагольных формах индикатива. Так, примеры использования совершенновидового инфинитива при *пойти* в 1-ом лице индикатива единичны: *Я пойду купить себе новое платье, ведь сегодня праздник* (Г. Киреев, Горец-1); *Пойду позвонить знакомому, – решил на отчаянный поступок Виталий* (В. Каров, Отдельный дисциплинарный); *Всем сказала, что пойду отправить письмо, а меня никто даже не услышал* (материалы сайта hogwartsnet.ru). См. также неграмматичность **пойду написать, *пойду решить*. Ср. частотность *пойду куплю, пойду позвоню, пойду отправлю, пойду напишу, пойду решу*.

ЛИТЕРАТУРА

Грамматика 80 – Русская грамматика. М., 1980, §§ 1858, 2019, 2745.

Гусев 2004 – Гусев В.Ю. Целевые конструкции при глаголах движения: актанты или сирконстанты? // International symposium on typology of the argument structure and grammatical relations in languages spoken in Europe and North and Central Asia. Kazan State University, May 11-14, 2004.

Пенчев 1998 – Пенчев Й. Синтаксис на съвременния български книжовен език. Пловдив, 1998.

Тестелец 2001 – Тестелец Я.Г. Введение в общий синтаксис. М., 2001.

Шатуновский 2004 – Шатуновский И.Б. 6 способов косвенного выражения смысла // Доклады международной конференции Диалог 2004.

Ралица Кавалджиева-Костурска, Силвия Петкова

КОММУНИКАТИВНЫЕ ТАКТИКИ ГОВОРЯЩЕГО ПРИ РЕАЛИЗАЦИИ РЕКВЕСТИВНЫХ РЕЧЕВЫХ АКТОВ

В ходе коммуникации говорящий учитывает индивидуальные и социально-ролевые особенности адресата, его систему знаний и ценностей, коммуникативную установку, а также следит за его реакцией и оценивает его речь. В результате речевая деятельность приобретает характеристики в высокой степени контролируемого и целенаправленного процесса, который основан на применении коммуникативных стратегий и тактик.

Речевая стратегия – это часть коммуникативного поведения, которая используется для достижения определенной коммуникативной цели. Ее определяет макроинтенция говорящего, касающаяся всего диалога в целом. Чтобы выработать подходящую стратегию, коммуникант должен ориентироваться в конкретной ситуации и принять во внимание возможности и готовность собеседника реагировать на вербальное воздействие.

«Стратегия связана с поисками общего языка и выработкой основ диалогического сотрудничества: это выбор тональности общения, выбор языкового способа представления реального положения дел» [Граудина, Ширяев 1999: 72]. Речевую стратегию можно определить как «общую канву» коммуникативного поведения. Она намечает целостное развитие разговора и полностью выявляется только при завершении вербального обмена, поскольку параметры прагматических характеристик речевой интеракции динамически изменяются, и это существенно влияет как на характер диалогического взаимодействия, так и на его результат.

Речевая тактика относится к более мелкому масштабу анализа процесса общения по сравнению с речевой стратегией. Она соотносится не с коммуникативной целью, а с конкретной интенцией говорящего. Тактики – это способы осуществления речевой стратегии. Они расчленяют диалог на отдельные фрагменты, выявляя его меняющиеся прагматические оттенки.

В современных лингвистических исследованиях понятия стратегии и тактики применяются достаточно широко в связи с анализом речевой деятельности (см., например: Иссерс 1999; Николова 2002; Шкатова 2005 и др.). К пониманию стратегии и тактики существуют разные подходы в зависимости от избираемого материала для анализа.

Чтобы обобщить соотношение данных двух понятий, можно определить стратегию как «сверхзадачу, идущую от адресанта, направленную на достижение коммуникативной или практической цели и рассчитанную на определенный перлокутивный эффект»; а тактику – как «некое речевое действие, направленное на решение одной задачи в рамках одной стратегической цели» [Попова 2002: 277]. Как правило, стратегия осуществляется посредством использования целого ряда тактик.

Таким образом, устанавливается следующая последовательность уровней речеповеденческих категорий:

Цель → Стратегия → Тактика → Перлокутивный эффект

Следует отметить, что в литературе существует известная разнобой по отношению к употреблению терминов «стратегия» и «тактика». Так, Т.А. ван Дейк – один из первых исследователей прагматики дискурса – говорит о стратегиях и ходах (являющихся частью более сложных стратегических шагов). К ходам, по его словам, относятся: «приведение примеров», «обобщение», «усиление», «уклонение», «уступка», «повтор», «установление контраста», «констатация отрицательных последствий» и др. [Ван Дейк 1989: 285]. Безусловно, все эти речевые действия принадлежат к той категории, которая обозначается здесь термином «речевые тактики». С другой стороны, некоторые авторы говорят только о дискурсивных стратегиях, не предполагая выделения единиц второго уровня конкретизации [Гамперц 1975, Борисова 1996].

Воздействие на слушающего является глобальной целью, которую говорящий ставит перед собой в процессе коммуникации. Эта цель наиболее ярко выражена в побудительных (директивных) речевых актах (РА).

С точки зрения прагмалингвистики, побудительность является иллокутивной силой, в которой находит воплощение целевой аспект общения. Побудительная иллокутивная сила как прагматическое значение директивного РА реализуется говорящим с ориентацией на общий для него и слушающего фонд знаний о мире и о системе принятых в данном лингвокультурном сообществе норм речевого поведения. Побудительность отражает, с одной стороны, волеизъявление говорящего, а с другой – побуждение адресата к названному действию. С этим связана двусубъектность ситуации побуждения – она включает субъекта речевого действия побуждения (говорящего) и субъекта требуемого действия (слушающего).

Называя определенное действие, говорящий стремится с большей или меньшей степенью настойчивости воздействовать на адресата так, чтобы он стал его исполнителем. Осуществление каузируемого действия означает, что говорящий добился ожидаемого перлокутивного эффекта. Побудительные РА имеют своим следствием «наступление (или, напротив, ненаступление) в силу действия (или же воздержания от действия) со стороны слушающего новых положений дел» [Сусов 1988: 126].

«Полевая природа категории побудительности допускает различные варианты своего структурирования» [Изотов 1998: 125], поэтому может быть выделено разное число подтипов побуждения в зависимости от того, насколько подробным, мелким будет членение.

В основу нашего анализа положена типология побудительных РА, построенная на основе классификаций, которые были предложены в ряде работ [Богданов 1990; Беляева 1992].

I. Класс **реквестивов** объединяет РА, побуждающие к действию, совершаемому в пользу говорящего (просьба, мольба, упрощивание, увещивание и др.).

II. Класс **адвисивов** включает РА, побуждающие к действию, совершаемому в пользу адресата (совет, рекомендация, предложение, предупреждение и др.).

III. Класс **авторитарных прескриптивов** объединяет побудительные РА, основанные на более высоком статусе говорящего по отношению к адресату (приказ, команда, требование, распоряжение, разрешение, запрет и др.).

Каждый из этих трех классов побудительных РА характеризуется своим набором признаков: реквестивы – приоритетностью адресата, необлигаторностью и бенефактивностью действия для говорящего; адвисивы – приоритетностью говорящего, необлигаторностью и бенефактивностью действия для адресата; авторитарные

прескриптивы – обязательностью действия, приоритетностью говорящего.

Объектом данного исследования является класс реквестивов и, в частности, отдельные виды реквестивных РА, функционирующие в диалогическом дискурсе. Анализу подвергаются вербальные средства коммуникативного воздействия, характерные для реквестивов. Материалом для исследования послужили рассказы В.М. Шукшина. В ходе прагмалингвистического анализа принимались во внимание авторские ремарки, жанровые и стилевые особенности прозы Шукшина, а также личностные и дискурсивно-ролевые характеристики коммуникантов.

Исходя из деления речевых стратегий на кооперативные и некооперативные, мы относим все виды реквестивов к средствам реализации кооперативных стратегий. В них сохраняется принцип солидарности собеседников (нейтрального или уважительного обращения говорящего к адресату, оптимальной дозировки иллокутивной силы и т.д.) и отсутствуют признаки намеренного нарушения норм речевого общения (инвективы и другие проявления вербальной агрессии).

Предметом исследования являются конкретные коммуникативные тактики воздействия на адресата в ситуации просьбы и ее разновидностей.

Отличительная черта **просьбы** заключается в том, что говорящий оказывает адресату максимум «речевого благоприятствования» [Формановская 1998: 192], чтобы тот осуществил каузируемое действие. Просьба – это побуждение, маркированное по признаку высокой степени личной заинтересованности, поэтому говорящий обычно старается расположить адресата к себе посредством актуализаторов вежливости (*пожалуйста, будьте любезны, будьте добры* и др.) и уважительных или ласковых обращений.

Приведем пример из рассказа «Двое на телеге», который демонстрирует силу коммуникативного давления, оказываемого на адресата посредством РА просьбы с включенным в него маркером вежливости:

<Девушка-фельдшер приносит старику-вознице следующую записку от председателя колхоза:>

«Семен Захарович, отвези, пожалуйста, нашего фельдшера в Березовку. Это до крайности необходимо. А машина у нас на ремонте. Квасов».

(...) Ехать не хотелось, и, наверно, поэтому бойкая девушка не понравилась Захарычу (...) Кроме того, злила хитрость председателя с этим его «пожалуйста». Не будь записки и не будь там этого слова, он ни за что не поехал бы в такую непогодь.

Хотя в рассматриваемом РА создается видимость смягчения директивной иллокутивной силы посредством маркера вежливости, на самом деле в нем представлено вербальное вынуждение. Просьба достигает запланированного субъектом речи перлокутивного эффекта: старик не смог отказать председателю и, преодолев свою неохоту, отправился в путь.

В другом рассказе Шукшина можно проследить нарастание коммуникативного давления на адресата в ситуации просьбы. Реквестивным актам сопутствуют маркеры вежливости (*пожалуйста, прошу тебя*) и/или ласково-фамильярные обращения к собеседнице (*Валя, Валенька, Валь, милая*):

– (...) *Валя, отпусти, пожалуйста, мужа, пусть приедет – на два дня! Всего на два дня! Валенька, я в долгу не останусь, я ... Федор сгоряча не мог сразу придумать, что бы такое посулить. – Я тоже когда-нибудь вырuchu!*

– *Да нет, я ничего... Мы, правда, на дачу собрались. Знаете, зиму стояла без присмотра – хотели там...*

– *Валя, прошу тебя, милая! Долго сейчас объяснять, но очень нужно. Очень! Валя! Валя! ...*(«Как зайка летал на воздушных шариках»).

В данном эпизоде представлена специфическая разновидность реквестива – **упрашивание**. Говорящий прибегает к нему в тех случаях, когда просьба не достигает ожидаемого перлокутивного эффекта. Для упрашивания характерна неоднократность вербального побуждения. Говорящий не только настойчиво повторяет свою просьбу, но пользуется и тактическими приемами, типичными для речевой цепочки упрашивания: обещанием «*не остаться в долгу*», минимизацией затрат адресата (*Всего на два дня*), заверениями в крайней необходимости в совершении каузируемого действия (*очень нужно*).

В рассказе «Чудик» реализуется иная разновидность упрашивания:

[Чудик] *Взошел на крыльцо и услышал, что брат Дмитрий ругается с женой.*

Впрочем, ругалась жена, а брат Дмитрий только повторял:

– *Да ну, что тут!.. Да ладно... Сонь... Ладно уж...*

– *Чтоб завтра же этого дурака не было здесь!* – кричала Софья Ивановна. – *Завтра же пусть уезжает!*

– *Да ладно тебе!... Сонь...*

– *Не ладно! Не ладно! Пусть не дожидается – выкину его чемодан к чертовой матери и все!* («Чудик»).

Говорящий уговаривает жену перестать ругаться и успокоиться. В данной коммуникативной ситуации статус говорящего (мужа) ниже статуса адресата (жены). Характерные для реквестивов маркеры вежливости отсутствуют, но дважды употреблен ласковый вокатив *Сонь*. Многократное повторение одних и тех же языковых единиц является необходимым условием для реализации коммуникативного акта упрашивания. Повторение отмечено и в авторских ремарках: *Дмитрий только повторял*.

Здесь представлены конструкции с участием сочетаний частиц *да ну* и *да ладно*. Усилительная частица *да* придает интенсивность побуждению, что типично для упрашивания. При этом интенция говорящего реализуется посредством фразы *Да ладно (тебе)!*, которая выражает некатегоричность, а не посредством императива *Перестань*, который свидетельствовал бы о более твердой позиции говорящего. Выбор мягкого побуждения обусловлен подчиненной ролью мужа как коммуникативного партнера. Он заранее осознает большую вероятность провала своих интенций (жена в принципе не склонна вслушиваться в просьбы мужа), поэтому его вклад в диалог состоит из спонтанных реплик, которые несколько не продуманы со стратегической точки зрения.

РА **увещевания** представлен в следующем эпизоде:

<Сестра родила ребенка, но никто в семье не знает, кто отец. Брат пытается заставить сестру поделиться с ним своим секретом:>

– *Алька!* – *приступил к допросу Костя, приступил, как ему казалось, спокойно и умно.* – *Скажи мне, я один буду знать: кто?*

– *Иди ты к черту!* – *закричала на него заплаканная Алка.* – *Не скажу! Не ваше дело* («Други игрищ и забав»).

Говорящий заранее знает, что ему предстоит нелегкая задача, поэтому он внимательно подбирает свои слова и начинает разговор «*спокойно и умно*». Он обращается ласково к адресату, пользуясь вокативом *Алька* (разговорно-фамильярной формой имени *Алевтина*). Исходя из того, что обращение является важным средством речевого воздействия на адресата, можно интерпретировать употребление данной формы как применение определенной тактики: актуализируется близость между братом

и сестрой, а, как известно, у близких людей не должно быть секретов. Брат старается расположить сестру к «разговору по душам», реализуя стратегию доверительности посредством тактики обещания строгой конфиденциальности: «*я один буду знать*» («на меня ты можешь положиться, я буду хранить твой секрет»).

В данной ситуации говорящий нуждается в специальной стратегии, так как адресат не только не выигрывает, но даже терпит ущерб от осуществления каузируемого действия. Анализируемый РА определяется как увещевание на том основании, что в нем выполнение требуемого действия представлено как моральная необходимость. На первый план выступает стремление брата склонить свою сестру к речевому действию, которое она уже отказывалась совершить (из контекста известно, что другие члены семьи уже пытались получить ответ на интересующий всех вопрос).

Для достижения перлокутивного эффекта РА **мольбы** говорящий максимально увеличивает интенсивность побуждения. Если в просьбе доминируют механизмы вежливости, то мольба, как правило, является сигналом «субъективной жизненной важности для говорящего будущего действия адресата, независимо от объективной ценности такого действия» [Формановская 1998: 193]. Например:

<мать просит участкового помочь ее сыну:>

– **Батюшки, ангел ты мой господний**, – *взмолилась мать*, – **помоги как-нибудь!**

– *Да ты что! Как я могу помочь?*

– *Да выпил он, должно, он дурной выпимиши...*

– *Да не могу я ничего сделать, пойми ты!* («Материнское сердце»).

В этой коммуникативной ситуации говорящая осознает, что для адресата очень трудно осуществить то, о чем его просят. Поэтому она прибегает к более сильной форме речевого воздействия, чем обычная просьба, а именно – к мольбе. Специфическое русское междометие *батюшки* выражает в данном случае предельное отчаяние и безысходность. За ним следует вокатив *ангел ты мой господний*, посредством которого мать сравнивает слушающего со святым существом, подчеркивая, что он – ее единственное спасение, что только на него она и рассчитывает. Этим говорящая подчеркивает свою надежду, что хотя каузируемое действие в принципе не положено совершать, адресат все-таки сделает исключение.

Наряду с прямыми реквестивами, наше внимание привлекли и косвенные реквестивы, в которых намерения говорящего не выражены в эксплицитной форме. Коммуникант осуществляет одно речевое действие, воспользовавшись другим.

Использование косвенных РА (КРА) в ситуации побуждения выступает в качестве особой тактики говорящего. Задавая вопрос или сообщая определенную информацию, он на самом деле обращается к адресату с просьбой совершить какое-то действие. В ряде побудительных ситуаций КРА звучат гораздо более естественно, чем прямые речевые акты.

Рассмотрим несколько случаев употребления КРА просьбы о разрешении.

Начнем с конвенционального КРА, в котором побудительная интенция говорящего легко распознается всеми носителями русского языка. Обозначим его как **вопрос-просьба о разрешении**:

– *Можно, я вас буду писать?* – *спросила девушка.*

– *Как это?* – *не понял старик.*

– *Рисовать вас.*

– *Я ж некрасивый теперь*, – *сказал он* («Солнце, старик и девушка»).

Девушка, учитывая свой статус по отношению к пожилому человеку, выбирает

«более уважительный» способ выражения просьбы посредством вопросительного высказывания вместо прямой просьбы типа *Пожалуйста, разрешите мне писать вас!* Вопросительная конструкция с *можно* при передаче просьбы о разрешении актуализирует почтительное отношение к адресату, так как она полностью ориентирована на его желание и решение. Именно ориентация на позицию адресата в сочетании с экспликацией возможности объясняет широкую употребительность данной конструкции в ситуации просьбы о разрешении.

Не так однозначно интерпретируется подлинная интенция говорящего в КРА, который выражен **ассертивом**. Например:

- *Церква-то освободилась теперь...*
- *Ну.*
- *Чего с ней делать-то?*
- *Закрой, да пусть стоит. А что?*
- ***Там кирпич добрый, я бы его на свинарник пустил, чем с завода-то возить.***
- *Ее разбирать – надо пятерым полмесяца возиться...*
- *Я ее свалю.*
- *Как?*
- *Так тремя тракторами зацеплю – слетит как миленькая.*
- *Попробуй («Крепкий мужик»).*

Данный диалог между бригадиром и председателем колхоза ярко демонстрирует применение косвенного выражения побуждения как речевой тактики. Сначала говорящий как бы невзначай вводит адресата в ситуацию, а потом уточняющими вопросами «нащупывает почву». После этого необходимого зачина он формулирует свою просьбу в виде конструкции в условном наклонении. После аргументации и объяснения своего плана действий говорящий добивается положительного перлокутивного эффекта.

Интерес представляет выражение просьбы о разрешении посредством другого директива – РА предложения – в следующем характерном для шукшинских рассказов диалоге между мужем и женой:

- *Вот еще какое дело, – небрежно начал он, – она уж старенькая стала... надо бы новую. А в магазин вчера только привезли. Хорошие. Давай заодно куплю.*
- *Кого? – Марфина спина перестала двигаться.*
- *Балалайку-то.*
- *Она же у тебя играет еще, – сказала она («Одни»).*

Говорящий заранее знает, что ему предстоит нелегкий разговор, поэтому он «*небрежно*» (см. авторскую ремарку), как бы невзначай вводит новую тему, боясь показать свою заинтересованность в ней. В начальных репликах, формирующих предисловие к анализируемому РА, говорящий никак не обозначает предмет, являющийся объектом его желания. Из них можно извлечь лишь информацию, что в магазин что-то доставили и что этот товар нравится говорящему.

На первый взгляд, это РА предложения, выраженный при помощи синтаксической конструкции с участием частицы *давай*.

Конструкции с начальным *давай, давайте* выступают в русском языке в качестве основного средства реализации РА предложения: *Давай почитаем, Давайте сходим в театр*. Они связаны с представлением говорящего о бенефактивном развитии ситуации [Безяева 2002: 363].

Не совсем нормативным, однако, является употребление *давай* в сочетании с

глагольной формой 1 л. ед. ч. (*Давай куплю*) вместо 1 л. мн. ч. (*Давай купим*). Это свидетельствует о колебаниях говорящего относительно выбора подходящей речевой тактики для достижения желаемого результата. Оформляя свое высказывание как РА предложения, муж на самом деле просит у жены разрешения осуществить покупку предмета, название которого он пока не решается произнести. Применение косвенности как речевой тактики обусловлено неуверенностью говорящего в положительном результате РА, оформленного как просьба. Основываясь на своем опыте общения с женой на данную тему, муж ожидает, что его прямое заявление о желании купить новую балалайку не получит одобрения.

Итак, косвенные реквестивы характеризуются несовпадением плана выражения и плана содержания. Коммуникативная интенция побуждения оказывается замаскированной, имплицитной. В большинстве случаев тактика косвенной передачи прагматического смысла направлена на оптимальное воздействие на адресата с тем, чтобы он откликнулся положительно на побуждение.

Анализ функционирования разных видов реквестивных РА в дискурсивном пространстве диалога дает возможность установить связь способа выражения побудительных интенций со спецификой речевого поведения коммуникантов. В специальном изучении нуждаются причины и условия применения конкретных коммуникативных тактик мягкого побуждения, так как это позволило бы более четко выявить механизмы речевого взаимодействия в ситуации просьбы.

ЛИТЕРАТУРА

Беляева 1992 – *Беляева Е.И.* Грамматика и прагматика побуждения: английский язык. Воронеж, 1992.

Безяева 2002 – *Безяева М.Г.* Семантика коммуникативного уровня звучащего языка. М., 2002 .

Богданов 1990 – *Богданов В.В.* Речевое общение: прагматические и семантические аспекты. Л., 1990.

Борисова 1996 – *Борисова И.Н.* Дискурсивные стратегии в разговорном диалоге // Русская разговорная речь как явление городской культуры. Екатеринбург, 1996.

Ван Дейк 1989 – *Ван Дейк Т.А.* Язык. Познание. Коммуникация. М., 1989.

Гамперц 1975 – *Gumperz J.* Discourse strategies. Cambridge, 1975.

Граудина, Ширяев 1999 – *Граудина Л.К., Ширяев Е.Н.* Культура русской речи. Учебник для вузов. М., 1999.

Изотов 1998 – *Изотов А.И.* О семантическом картировании поля побудительности чешским и русским языками // Язык. Сознание. Коммуникация. Вып. 4. М., 1998.

Иссерс 1999 – *Иссерс О.С.* Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. Омск, 1999 .

Николова 2002 – *Николова А.* К вопросу о речевых тактиках коммуникантов в побудительной ситуации // Проблемы когнитивного и функционального описания русского и болгарского языков. Шумен, 2002.

Попова 2002 – *Попова Е.С.* Структура манипулятивного воздействия в рекламном тексте // Известия Уральского гос. университета. № 24, 2002.

Сусов 1988 – *Сусов И.П.* Побудительность: деятельностно-коммуникативное и

функционально-семантическое представление // Императив в разноструктурных языках. Л., 1988.

Формановская 1998 – *Формановская Н.И.* Коммуникативно-прагматические аспекты единиц общения. М., 1998.

Шкатова 2005 – *Шкатова Л.А.* Речеповеденческие стратегии и тактики в конфликтных ситуациях // *Философские и лингвокультурологические проблемы толерантности.* М., 2005.

Ксения Кончаревич
(Белград)

ТРАДИЦИИ РУССКОГО И СЕРБСКОГО МОНАШЕСТВА В ЗЕРКАЛЕ СОПОСТАВИТЕЛЬНОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИИ

0.1. Монашество как одно из, пожалуй, самых ярких явлений христианской жизни и христианского религиозного опыта возникло на Востоке (Египет, Палестина, Сирия) еще в первые века распространения христианства. Однако и среди славян вскоре после их евангелизации оно принесло обильные плоды, оказав сильное воздействие не только на развитие их богословия, аскетики, каноники, богослужебного устава, пастырства, духовничества, старчества, но и на всесторонний подъем литературы, письменности, «учения книжного», искусства и культурной жизни славянских народов. Являясь специфическим духовным и социальным феноменом с богатыми традициями и широким распространением, монашество создало свою, самобытную (хотя и неразрывно связанную с общим развитием христианской Церкви) систему духовных, интеллектуальных, нравственных, эстетических, институциональных ценностей, свою материальную культуру и цивилизацию; эта монашеская культура и цивилизация, соответственно, нашли свое отражение в языках народов *Pax Slavia Orthodoxa*.

0.2. В данной работе рассматривается вопрос об отражении традиций монашества в русском и сербском языках [1], точнее, в системе их лингвокультурем. Методологической основой для нашего исследования послужила модель лингвокультурологического поля (ЛКП) как иерархически организованной структуры, в состав которой входят разноуровневые лингвокультуремы, объединенные общей принадлежностью к данной культурной и семантической сфере [2]. Исследование базируется на материале лингвокультурем, структурирующих ЛКП «православное монашество» (единицы лексического, ономастического, фразеологического, паремиологического уровней, речевого этикета, средств невербальной коммуникации), а его цель – выявить тождества, сходства и различия в их структуре и функционировании в русском и сербском языках. Материалом для работы послужили лексикографические источники [3], научно-богословская литература, иноческие уставы и произведения художественной литературы [4] на двух сопоставляемых языках.

1.1. В кругу лексики из анализируемого ЛКП можно говорить о наличии или отсутствии *эквивалентности* по отношению к (а) близкородственным (в рамках православного ареала), (б) более отдаленным (культурам других христианских конфессий) и (в) далеким (нехристианским) культурам. Сопоставлением в области (а) выявляются реалии и соответствующие лексемы, свойственные лишь одной из культур (русс. *кулич*, *киевский распев*, *страницество*; серб. *бадњак*, *слава*) или эквивалентные по отношению к другим православным культурам, но не существующие в культуре, с которой проводится

сопоставление (например, русск. *юродивый, скуфья, анененайки* имеют свои эквиваленты в греческом, но при сопоставлении с сербским языком и культурой выявляется их безэквивалентность). На основании сопоставительного анализа русской и сербской культурно маркированной лексики, входящей в состав данного ЛКП, мы установили следующую типологию отношений на основании типа безэквивалентности [Томахин – Фомин 1986: 254-258; Кончаревич 1999: 206-212]:

(а) денотативная безэквивалентность (лексемой обозначаются предмет, понятие, ситуация, полностью неизвестные другой культуре): серб. *синђел, протосинђел, писанија*; русск. *подворье, канунник, киот*;

(б) денотативная эквивалентность с неодинаковым языковым обозначением (реалия наличествует в обеих культурах, но в одной из них ей не присуще свое особое языковое выражение): серб. *задужбина, тромирити, једноничити, калуђеруша, метох*; русск. *монастырник, пустынь, говение, христосоваться*;

(в) функциональная близость различных реалий: русск. *монастырский благочинный* – серб. *канонарх, еклесијарх*;

(г) функциональное различие близких реалий: русск. *монастырский благочинный* – серб. *намесник, расходчик (палатный) – економ*.

Единицы, которые на понятийном уровне имеют эквивалент в языке, с которым проводится сопоставление, но проявляют существенные отличительные черты в ассоциативном и эмоционально-экспрессивном планах, мы относим к категории *фоновой лексики*. Так, лексический фон слова *манастир* в сербском языке охватывает систему типичных коллективных социолингвистических ассоциаций, связанных с историей развития монашества в сербских землях, с практикой содержания монастырских обителей, предписаниями сербских иноческих уставов, с общепринятыми народными традициями, относящимися к паломничеству, и т.д. [см. Марковић 1920: 4-156; Калезић 1973: 69-70; Злоковић 1969: 384-385]. Здесь уместно напомнить, что совокупность подобных фоновых знаний из XIX в. комплексно и систематично излагается в *Сербском словаре* Вука Стефановича Караджича. Из материала к статье *манастир* следует, что лексический фон этого сербского слова отличается от фона русск. *монастырь*, вследствие чего данные лексемы находятся в отношениях фоновой неполной эквивалентности. Другой пример: исторический фон русск. *камилавка* ('высокий цилиндрический головной убор монашествующих и белого духовенства'), в отличие от серб. *камилавка*, включает и напоминание о том, что до эпохи реформ патриарха Никона (50-е – 60-е гг. XVII в.) они имели вид, принятый в греческой традиции, так что старообрядческому священству и иночеству и по сей день присущи лишь такие головные уборы – мягкие остроконечные бархатные шапочки (*скуфьи*) [Вургафт – Ушаков 1996: 201-203].

1.2. В лингвокультурологическом аспекте внимание привлекают также *историзмы*, связанные с монашескими традициями. В русском языке к этому пласту лексических лингвокультурем относятся, к примеру, *извечные* монастыри (выражение относится к эпохе татаро-монгольского ига, а обозначаются им монастыри, непосредственно принадлежавшие митрополитам и находившиеся в их исключительной юрисдикции: Чудов монастырь в Москве, Благовещенский в Нижнем Новгороде, Борисоглебский во Владимире), *общие* (из того же периода – монастырские обители, в которых, вопреки каноническим предписаниям,

совместно жили монашествующие обоего пола; таковыми являлись обитель Пресвятой Богородицы на Шеши в Твери, Воскресения Христова в Новгороде и др.), *особые, особь сущие монастыри* (в серед. XVI в. так называли монастыри с двумя-тремя насельниками) [Булгаков 1995, 3: 135-136; Булгаков 1996, 4: 239], в сербском – *писанија, пръavor, пръavoraц, џагара, нурија* (из Словаря В.С. Караджича, фиксирующего состояние лексики начала XIX столетия). В некоторых случаях лексема в одном языке является историзмом (русск. *синкелл, протосинкелл* – 'монах, живший при патриархе как его помощник в управлении и как свидетель непорочной его жизни'; преимущественно из их рядов выдвигались кандидаты на патриаршество), тогда как в другом языке она находится в активном словоупотреблении (серб. *синђел, протосинђел* – звания черного духовенства, соответствующие санам благочинного, т.е. попечителя приходских округов и протоиерея для мирских священников – серб. *протонамесник, протојереј*).

1.3. В лексике из анализируемого ЛКП заметно и наличие большого числа *лексических контактом – заимствований*, преимущественно из греческого языка, что обусловлено историческими обстоятельствами (в славянский ареал монашеские традиции проникают из Византии). Значительная часть церковнославянизмов в данном пласте лексики свидетельствует, в свою очередь, о непрерывной преемственности монашеских традиций от эпохи Средневековья до наших дней, но вместе с тем, в случае сербского языка, – и об интенсивности русско-сербского межкультурного обмена в сфере духовности, в частности о влиянии русского на становление и развитие сербского иночества [подробнее см. Кончаревић 2004: 161-169]. Наличие подобных лексических контактом, естественно, в наибольшей степени характерно для лексико-семантических групп, обозначающих организационную структуру монашества – чины и послушания (грецизмы: русск. *игумен/ серб. игуман, экклисиарх/ еклесијарх, каннонарх/ канонарх, иеромонах/ јеромонах, синкелл/ синђел, архимандрит*; церковнославянизмы: *настоятель/ настојатељ, странноприимец/ странопримац, кандиловжигатель/ кандиловжигатељ*), богослужебные и внебогослужебные одеяния (грец.: *аналав, параманд, камилавка, стихарь/ стихар, орарь/ орар, фелон, епитрахиль/ епитрахилъ, саккос/ сакос, омофор, мандия/ мандија*; цсл.: *надбедренник/ надбедреник, жезл/ жезал*), священные сосуды (грец.: *потир/ путир, дискос, рипида, антиминос*; цсл.: *лжица, губа, дарохранильница/ дарохранилница*), виды и части богослужения, молитвословия, жанры церковной гимнографии (грец.: *литургия/ литургија, проскомидия/ проскомидија, полиелей/ полијелеј, акафист/ акатист, антифон, экзапостиларий/ егзапостилар, прокимен*; цсл.: *возглас, славословие/ славословије, отпуст, светилен/ светилан, подобен, седален/ сједален, причастен*; комбинация грец. и цсл.: *сугубая ектения/ сугуба јектенија*). Обилие лексических контактом такого типа особенно характерно для тех сфер, где устройство монастырской жизни и богослужебной практики было полностью заимствовано из предписаний, принятых в более развитых средах иноческих уставов и богослужебной практики.

1.4. Коллективные представления и фоновые знания, представляющие интерес для лингвокультурологических изысканий, выражаются также *словами с внутренней формой*, буквальный смысл которых складывается из значений составляющих их морфем. Среди лексем, принадлежащих к анализируемому ЛКП, выявляется немало примеров прозрачности их семантики с синхронной точки зрения и вытекающей отсюда культурологической информативности для

нынешних носителей языка. Это слова типа: русск. *полунощница*/ серб. *полуноћница*, *повечерие*/ *повечерје* (названия богослужений по времени их совершения); *пятихлебница*/ *петохлебница*, *семисвечник*/ *седмосвећњак* (священные сосуды); *надбедренник*/ *надбедреник*, *поручи*/ *наруквице* (священные одеяния); *постриженник*/ *постриженик*, *великосхимник*/ *великосхимник* (иноческие послушания и чины); *странноприимец*/ *странопримац*, *послушник*/ *искушеник*. Интересно отметить, что в последнем примере внутренняя форма лексем, обозначающей в обоих языках совершенно тождественное понятие – 'лицо, которое готовится к принятию монашеского пострига, живя в обители по тем же правилам, что и братия', – показывает, что семантика этой лексем переосмысливается русскими и сербами по-разному: в русском языковом сознании, по-видимому, основное для изъявившего желание вступить на путь иноческого подвига – это несение монастырских послушаний, а в сербском – это прохождение определенного периода искуса, испытания в твердости и искренности намерения принять постриг.

Обращают на себя внимание и случаи, где внутренняя форма лексической лингвокультуры отличается большей отдаленностью, так что раскрывается она лишь на основании этимологии слова: русск. *калогер*, серб. *калуђер* (грч. *καλός*, *γέρων*) – 'честный, добродетельный, благообразный старец', *омофор* (грч. *ὄμος* 'плечо', *φέρω* 'ношу'), *антиминс* (грч. *ἀντί* 'на, вместо', *μίνσιον* / *μίνσιον* 'стол', букв. 'местостолие'), *дарохранильница* (цсл. *даръ*, *хранити*) и под.

2. Следы монашеских традиций заметны и в *ономастической системе* русского и сербского языков [5]. Так, в кругу астионимов и комонимов мы находим примеры, свидетельствующие о том, что данное место когда-то принадлежало монастырю или находилось во владении лица духовного сословия (русск. *Монастыщина*, *Патриаршее*, *Владыкино*; серб. *Манастирица*, *Калуђерово*, *Калуђерце*, *Калуђерица*). В категории групповых антропонимов интерес для нашего исследования представляют фамилии, указывающие на принадлежность к черному духовенству (русск. *Игумнов*, *Монахов*, *Монашкин*; серб. *Игуманов*, *Калуђеровић*) или на занятие ремеслами и послушаниями, связанными с жизнью обители (русск. *Псаломщиков*, *Пономарев*, *Келарев* – от *келарь* 'хранитель и расходчик монастырских припасов', *Ключарев*, *Головщиков* – от *головщик* 'управляющий монастырским хором', *Свечников* – от *свечник* 'монах или ремесленник, занимающийся изготовлением свечей', *Проскурников*, *Просвиряков*, *Проскураков* – от *проскура*, *просфора* – 'просфора, хлеб, употребляемый для совершения таинства Евхаристии'; *проскурник* – 'лицо, занимающееся изготовлением просфор'). Фамилии из последней группы могут, при наличии соответствующих фоновых знаний, указывать не только на профессиональную, но и на социальную принадлежность предков их носителей. Так, например, фамилии *Проскурин*, *Проскурников*, *Проскураков* первоначально принадлежали лицам низкого социального положения и плохого имущественного состояния, поскольку изготовлением просфор вплоть до середины XIX века занимались лишь вдовы и сироты [ППБЭС 1992, 1926]. На этот факт, между прочим, косвенно указывается и в житии основоположника русского киновийного монашества преп. Феодосия Печерского (XI в.): к ужасу своей матери, родных и знакомых, молодой человек, получивший весьма солидное образование для своего времени, изменяет семейной традиции и выбирает себе убогую профессию просвирика, и в этом его социальном унижении и опрощении (вспомним, что

после смерти отца он избрал еще один особый подвиг – «выходил с рабами на село и работал со всяким смирением») все с полным правом видят социальную деградацию, поношение родовой чести и даже нечто подобное юродству. Свой выбор благочестивый юноша оправдывает перед матерью не просто любовью к храмовому богослужению (хотя, по свидетельству агиографа, в храме в родном городе будущего подвижника, Василькове, Божественную литургию служили не ежедневно именно из-за недостатка просфор), а более глубокими соображениями мистического порядка – любовью к телу Христову: «Лепо есть мне радоватися, ясно содельника мя сподоби Господь плоти Своя» [подробнее см. Федотов 1959: 29; Топоров 1995: 660-661].

3.1. Фразеологический фонд анализируемых языков, в свою очередь, также является важным источником данных о традициях развития иночества в двух странах и о религиозной жизни русского и сербского народов. Без особых трудностей выявляется и объясняется культурный потенциал фразеологических единиц (ФЕ), в значении которых экспонируется денотативный аспект. В подобных ФЕ культурологическая информация выражается аналитически, единицами их состава: русск. *со своей колокольни, малиновый звон, до морковкина заговенья*; серб. *чудан светац, живо непојано гробље, божији благослов, пето еванђеље*. Однако следует отметить и наличие ФЕ, денотат которых является носителем культурологической информации, коренящейся в историческом прошлом, вследствие чего их понимание и правильное употребление обусловлены знакомством с соответствующими фактами церковной истории. Так, культурологический фон русск. *вкушать от пищи святого Антония* ('голодать') раскрывается лишь с опорой на агиологические знания (данный фразеологизм, исконно русский по происхождению, восходит к житию основоположника анахоретского подвижничества и «отца монашества» преподобного Антония Великого, прославившегося строгим постничеством и всяческим умерщвлением плоти) см. [Поповић 1991: 521-550]. В основе другого типа ФЕ – фразеологизмов с внутренней формой – лежит определенная прототипическая ситуация, соответствующая буквальному значению компонентов. Например, в русск. *раздуть кадило* на основании прототипической ситуации (для того, чтобы совершить каждение по установленному образу и в установленное время, необходимо предварительно, до начала богослужения, некоторое время размахивать кадилом с горящими в нем углями и ладаном) происходит переосмысление и формирование идиоматического значения ('успешно расширять какое-л. дело; развертывать какую-л. деятельность'). В случаях, когда генетический прототип имеется и в современной культуре носителей языка, что обеспечивает адекватность его рецепции в синхронном аспекте, есть основания говорить об актуальной двуплановости ФЕ. Однако существует и немало ФЕ, которым свойственна лишь диахроническая двуплановость семантики, а это значит, что прямой смысл словосочетания, лежащего в основе фразеологизма, среднему носителю языка не известен, он с ним не считается, используя лишь идиоматическое значение [Верещагин – Костомаров 1983: 83]. Подобное происходит по двум причинам: либо вследствие выхода какого-либо компонента ФЕ из круга общеупотребительной лексики и его перехода в категорию архаизмов (русск. *злачное место, всякое даяние благо, и иже с ним*), либо по причине потери самого генетического прототипа (в последнем случае мы говорим о существовании диахронического фразеологического фона). Так, ФЕ *подвести под*

монастырь ('навлечь на кого-л. беду, неприятность; поставить в затруднительное, безвыходное положение') может иметь в своей основе два уже забытых в сознании современных носителей русского языка прототипа, а именно: практику насильственного пострижения или принятия ангельского образа под бременем житейских бед и обстоятельств [Булгаков 1996, 4: 256-257, 266], а также тот факт, что в прошлом многие неприятельские войска терпели поражение под монастырскими стенами, поскольку во времена иноплеменных нашествий эти сакральные объекты обычно представляли собой мощные фортификационные сооружения (поэтому в словаре Даля мы находим выражение: *идти под стукалов монастырь (солдатск.)* – 'под крепость, на сражение'). Фразеологизм *толочь воду в ступе* ('заниматься чем-л. бесполезным, попусту тратить время') сегодня активно используется в речевой практике русскоязычных несмотря на то, что уже давно забыт обычай наказывать монахов и послушников, нарушивших тем или иным образом правила благоустройства жизни в обители, приказанием долгое время толочь воду в ступе [см. Орнатский 2001: 32-261; Дроздов 1992: 24-49].

ФЕ могут быть мотивированы и соматизмами (жесты, позы), характерными для иноческих традиций. Русск. *бить челом*, например, напоминает о широко распространенном в монашеской практике обычае преклонения головы и тела до земли (великий, земной поклон), что предписывается уставами иноческой жизни в качестве сопроводительного элемента наиболее усердно возносимых молитв (во время Великого Поста, при исповеди, как знак особого смирения, сознания греховности пред Богом и глубочайшего раскаяния) [Мирковић 1964, 1: 305-208]. Данная поза в средневековой русской культуре применялась и в секулярной коммуникации – при обращении к князьям, боярам и другим важным особам с какой-либо усердной просьбой.

Фразеологизации подверглись и некоторые клишированные обороты из богослужебных текстов, распространению которых во многом содействовало сакраментальное, латреутическое и дидактическое воздействие монашеских обителей на жизнь мирян: русск. *во время оно* / серб. *во времја оно* (инициальная формула при чтении евангельского зачала), *веселыми ногами* (из пасхального песнопения: *Къ свету идяху, Христе, веселыми ногами*), *всякое даяние благо* (из заамвонной молитвы), *злачное место* (из заупокойной молитвы), *на сон грядущий* (по названию молитв, входящих в состав ежедневного келейного правила).

3.2. Сопоставление русских и сербских ФЕ, входящих в анализируемое ЛКП, позволяет установить следующую типологию межъязыковых структурно-типологических сходств:

(1) межъязыковые фразеологические эквиваленты: (а) абсолютные, с тождественной семантикой, формальной организацией и генетическим прототипом (*звонить во все колокола – звонити у сва звона*) и (б) относительные, с некоторыми отличиями в плане лексического состава или грамматического структурирования, которые, однако, не имеют существенного значения с точки зрения семантики и прототипа сравниваемых ФЕ (*передать анафеме – бацити анатему, причислять к лику святых – правити од кога свеца, звонить во все колокола – дати ита на велика звона*);

(2) межъязыковые фразеосемантические адекваты, с тождественной семантикой и близостью (не полным сходством!) прототипной основы (*курить/воскурять фимиам – палити кандило*);

(3) семантические адекватности, которым свойственна тождественность в семантическом плане и различия в прототипической организации (*до морковкина заговенья – на светог Живка, одним миром мазаны – једне/наше горе лист*);

(4) псевдозэквиваленты, имеющие различную семантику и тождественный или сходный прототип (*ни Богу свечка, ни черту кочерга – палити свећу Богу и ђаволу; такой-сякой, немазанный – бити кристен; вот тебе, бабушка, и Юрьев день – добити шта на Јурјево*). Однако в большинстве случаев ФЕ одного языка соответствует в другом языке лишь лексический эквивалент (*вкусать от пищи святого Антония – гладовати; чепуха на постном масле – бесмислица, којештарија*) или синтагматическое описание (*подвести под монастырь – довести у велику неприлику; крстити се левом руком – быть в крайнем удивлении*) [Роде 1982: 272; Альбрехт 1998: 284-289].

4. Реалии монашеской культуры и цивилизации широко представлены и в системе *эталонов*, которые «отражают не только национальное мировидение, но и национальное миропонимание, поскольку они являются результатом собственно национально-типического соизмерения мира» [Маслова 1997: 18]. Эталоны существуют в языке чаще всего в виде устойчивых (фразеологизированных) сравнений, а их фон образует широкие комплексы культурологических представлений и обобщений. Так, русск. *дом, что монастырь*, где монастырь послужил эталоном обилия, роскоши, богатства, можно адекватно понять лишь если иметь в виду материальную обеспеченность крупнейших обитателей (вспомним по этому поводу полемику иосифлян с заволжскими старцами-нестяжателями); или серб. *тишина као у цркви* мотивируется правилами благочестивого поведения в доме Господнем. Анализ эталонов показывает, между прочим, специфику нормативных представлений и социально-психологической оценки разных аспектов монастырской и церковной жизни: к примеру, в коллективном сознании представителей сербской языковой и этнокультурной общности молитва Господня запечатлелась как одно из самых элементарных знаний (*једноставно/лако као оченаш*), икона воспринимается как идеал красоты (*леп као уписан/као икона*), совершение богослужения – как дело нетрудное (*ићи глатко као попу код олтара*).

5. Монашество как духовный и социальный феномен нашло свое отражение и в *паремиологическом фонде* русского и сербского языков: аналитически – единицами их состава, культурологически маркированными паремиями, отличающимися тематической принадлежностью к анализируемому ЛКП (ср. *Не всяк монах, на ком клубук; Било проскура, биће попова*) и/или комплексно, на основании генетического прототипа, связывающегося в основном с типичными ситуациями и повседневной практикой монастырской жизни (русск. *Монастырь доuku любит; В чужой монастырь со своим уставом не ходят; Радостен бес, что отпущен инок в лес*; серб. *Дође гост на разори пост; Калуђер који не умије просити и магаре које не умије носити не ваљају ништа; Прије ће престати ријека тећи него калуђерска ћеса пресушити*). Для понимания такого рода паремий необходимо обладать соответствующими фоновыми знаниями, нередко исторического характера. Скажем, отрицательная маркированность *калуђера који не умије просити* («монаха, не умеющего попрошайничать») в сербском коллективном сознании обусловлена конкретными условиями содержания монастырских братств в Сербии во времена турецкого ига (В.С. Караджич в своем Словаре пишет о калогерах-таксидиотах, собиравших

пожертвования для сербских монастырей не только в ближних странах – преимущественно в Валахии, но и в далекой России). В качестве прототипа для возникновения русской поговорки *И черт под старость в монахи пошел* послужила не столь уж редкая практика принятия «ангельского образа» на склоне лет, несмотря на тяжесть прежде содеянных грехов, что канонами Церкви допущено, поскольку иноческая жизнь есть жизнь покаянная; но, очевидно, злоупотребления, связанные с неискренностью мотивов пострижения, вызывали в массовом сознании подозрительность и возмущение. Наконец, следует упомянуть и паремии, возникшие на базе моделирования некоторых жизненных (или логически допустимых) ситуаций, развертывающихся в монастырской среде, обычно путем трансформирования монологических и диалогических надфразовых единств или других нарративных фольклорных форм (в сборнике В.С. Караджича таковыми являются изречения: *Путуј ти, оче игумане, а не брини се за манастир; Оправио посао као Петроније на Браићима; Ако је и Богу, много је; Анатемате ђавола и његова имена;* в сборнике Даля – *Ну, порося, обратись в рыбу карася* и т.д.).

В некоторых случаях произошла фольклоризация изречений из патристических источников с большей или меньшей дозой трансформации, ср. русск. *Послушание паче поста и молитвы; С молитвой в устах, с работой в руках; Пению время, а молитве час; Одно спасенье – пост да молитва*. Вопрос об их статусе (являются ли они афоризмами или паремиями), и без того сложный вследствие отсутствия общепринятых критериев разграничения, дополнительно осложняется трудностями выявления авторства многих святоотеческих изречений (к примеру, мысль о превосходстве послушания над постом и молитвой для преуспевания в иночестве мы находим у св. Антония Великого, св. Макария Великого, преп. Исаии Нитрийского, св. Марка Подвижника, аввы Евагрия, св. Иоанна Кассиана Римлянина, св. Ефрема Сирина, св. Иоанна Лествичника, а также у других филокалийских Отцов [Добротолубие 1895], а вслед за ними и в трудах русских аскетов. Поэтому, на наш взгляд, методологически наиболее целесообразно считать их «фразами цитатного характера», имея в виду их литературно-книжное происхождение и буквальность воспроизведения [Райхштейн 1968: 81].

6. В области *речевого этикета* для монашеской среды характерна особая система стереотипных формул, отличных от тех, что применяются в общении среди мирян, а также в секулярной среде. Дифференцируются также ситуативные и социально-узуальные условия употребления речевых клише в общении среди монашествующих и в светской коммуникации. Так, любое обращение начинается с просьбы о получении благословения (*Батюшка, благословите! Благословите, оче игумане!*), а лишь потом активизируются формулы обращения в собственном смысле и привлечения внимания (*Матушка Арсения! Ваше Високопреподобие!*); при вхождении в келлию инока общение принято начинать молитвенной формулой *Молитвами святых отец наших...* и лишь после ответной реплики *Аминь* можно поздороваться, обратиться и т.п.; распределение *ты-/Вы-* форм общения заметно отличается от норм, принятых в секулярном общении: предпочитают *ты-* формы, независимо от степени знакомства, близости социальных позиций коммуникантов, официального/ неофициального характера общения. В эпистолярном дискурсе используются маркированные бехабитивы, такие, как: *Благослови, дорогая мама; Возлюбленный о Господе отец П.; Спаси*

Господи за маленькое письмоце и поздравление (в инициальной фразе письма); *Простите и благословите; Прошу св. молитв; Оставайтесь Богом хранимы; Всем обильные поклоны и благодарность за св. молитвы* (в финальной части). Некоторые формулы речевого этикета не имеют эквивалента в культуре, с которой проводится сопоставление. Например, в русском языке отсутствуют такие приветствия и поздравления, как серб. *Помаже Бог/Помоз' Бог! – Бог ти помогао!, Бог се јави! – Ваистину се јави!, Мир Божији! Христос се роди! – Ваистину се роди!, Спаси Бог/Спасуј се! – На спасеније!* и под. [подробный анализ см. в: Кончаревич 2006: 34-37, 46].

7. Монашеская культура выработала и специфические элементы **соматического языка**, под которым мы подразумеваем совокупность не только самих соматизмов, но и правил их исполнения, сочетания друг с другом, редукции, усиления, включения в речевую ситуацию, а также их восприятие адресатом. Здесь имеются в виду такие жесты, как осенение крестным знаменем, благословение (имянословное, наложением рук, крестом, обеими руками, дикириями и трикириями), возложения рук (при исповеди, елеосвящении, посвящении в сан), а также характерные позы (обращение к востоку, коленопреклонение, земной поклон, поясной поклон, скрещивание рук на груди и др.) [об инвентаре элементов соматического языка, принятых в монашеской среде, и их символике подробнее см. Кончаревич 2006: 47-48]. Все элементы соматического языка имеют ритуальный, следовательно, условный, конвенциональный характер, и при их реализации любое лицо, принадлежащее к черному духовенству, (или любой знаток иноческих обычаев) полностью осознает значение и функцию каждого соматизма в отдельности. Эмический уровень (значение) жестов и поз, применяемых в монашеской жизни, в русской и сербской традиции полностью совпадает, что вытекает из их предписанности типиконом и иноческими уставами, но следует отметить, что в плане эмическом (исполнение соматизмов) заметны некоторые различия. Так, в русской культуре крестным знаменем осеняются иначе, чем в сербской, и поэтому, скажем, в путевых заметках иеромонаха Митрофана Хиландарского особо выделяется такая подробность, замеченная в Свято-Успенской Псково-Печерской Лавре: «...скрушено стоје, крсте се “руски”, од рамена до рамена и клањају се...» [Митрофан 1988: 13].

8. В монашеской традиции возникли и закрепились специфические повседневные нормы поведения (т.н. **язык привычного поведения**), информативность которого принципиально отличается от способов передачи информации вербальным и соматическим языками: если человек поступает так, как от него ожидают, то своим поведением он не сообщает ничего нового. Новая информация передается только отклонениями от правил привычного поведения, которые вызваны или недостаточным знанием общепринятых в иноческой среде стереотипов, или их нарочитым нарушением по тем или иным причинам. Например, стереотипное правило поведения, обязывающее не только иночествующих, но и посетителей монастыря подойти к игумену или старшему иеромонаху в целях получения благословения (при встрече, в конце утрени и повечерия), собраться в столовой по колокольному звону, пребывать в безмолвии во время обеда и т.д. (нарушение подобных правил считается бесчинием и не оставляется без епитимии) [Дроздов 1992: 36]. В некоторых случаях встречается несовпадение конвенций в двух национальных культурах. У сербов, к примеру,

принято поцеловать свечу, прежде чем возжечь ее, тогда как у русских принято сделать поясной поклон; при входе в храм и выходе из него сербы крестятся один раз и целуют храмовую дверь, тогда как русские три раза осеняют себя крестным знаменем, творя троекратный поясной поклон. Ознакомление с подобными специфическими особенностями соматического языка может содействовать предупреждению потенциальной лингвокультурологической интерференции.

9. В настоящей работе мы попытались применить актуальную научную парадигму описания функционирования языка во взаимодействии с культурой на материале ЛКП «православное монашество» в русском и сербском языках. Результаты исследования могут найти применение в дальнейшем развитии научной концепции лингвокультурологии как металингвистической дисциплины, в поощрении монолингвальных и сопоставительных изысканий в области функциональной лингвокультурологии, а также в лексикографической практике и при написании учебных пособий.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Феномен монашества и его отражения в языке исследовался автором данной статьи и с точки зрения теории коммуникативного поведения. См.: Кончаревич К. *Коммуникативно понашање монаха у српској говорној и социокултурној средини (ситуативни модел анализе)* // Сборник Матице српске за славистику. Нови Сад, 2006, св. 69, с. 113-151; Кончаревич К. *Коммуникативное поведение монашествующих в сербской речевой и социокультурной среде (ситуативная модель анализа)* // Стернин И.А., Пипер П. (ред.) *Коммуникативное поведение славянских народов*. Воронеж, 2006, с. 28-54.

2. Модифицированная версия методологии, разработанной в: Воробьев В.В. *Теоретические и прикладные аспекты лингвокультурологии*. Автореф. ... д-ра фил. наук. М., 1996, с. 12-14; Воробьев В.В. *Лингвокультурология: теория и методы*. М., 1997, с. 57-73. См. также наши работы: *Функционални приступ у лингвокултурологији. Култ Св. Николаја Мирликијског кроз призму конфронтационе руско-српске лингвокултурологије* // Српски језик. Београд – Никшић, 2000, бр. 5/1-2, с. 449-468; *Руско старообрядничтво кроз призму лингвокултурологије (оглед функционалне анализе)* // Црквене студије. Ниш, 2006, бр. 3, с. 143-172.

3. (а) для русского языка: Даль В.И. *Толковый словарь живого великорусского языка*. В 4-х томах. М., 1935; Молотков А.И. (ред.). *Фразеологический словарь русского языка*. М., 1967; Шанский Н.М., Зимин В.И., Филиппов А.В. *Опыт этимологического словаря русской фразеологии*. М., 1987; Даль В.И. *Пословицы русского народа*. В 2-х томах. М., 1984; (б) для сербского языка: Караџић В.С. *Српски рјечник истумачен њемачкијем и латинскијем ријечима*. Београд, 1898; Матица српска – Матица хрватска, *Речник српскохрватског књижевног језика, т. I-VI*. Н. Сад – Загреб, 1967; Јовановић Р., Атанацковић Л. *Систематски речник српскохрватског језика*. Н. Сад, 1980; Караџић В.С. *Српске народне пословице и друге различне као оне у обичај узете ријечи*. Београд, 1849; (в) переводные русско-сербские словари: Толстой И.И. *Сербскохрватско-русский словарь*. М., 1970; Станковић Б. (ред.) *Руско-српскохрватски речник*. М. – Н. Сад, 1988; Пољанец Р.Ф., Мадатова-Пољанец С.М. *Руско-хрватски рјечник*. Загреб, 1973; (г) для церковнославянского языка: Дьяченко Г. *Полный церковнославянский словарь*. М., 1993; Петковић С. *Речник црквенословенског језика*. Сремски Карловци, 1935; (д) для греческого языка: Сенц С. *Грчко-хрватски рјечник*. Загреб, 1910.

4. *Полный православный богословский энциклопедический словарь*. В 2-х томах. М., 1992; Аверинцев С.С. (ред.) *Христианство. Энциклопедический словарь*. В 2-х томах. М., 1993; *Монашеская жизнь по изречениям о ней св. отцов подвижников*. Киев, 1885;

Поповић Ј. *Монашки живот по св. оцима*. Београд, 1981; *Древние иноческие уставы*. М., 1994; Орнатский А. *Древнерусские иноческие уставы. Уставы российских монастырениачальников*. М., 2001; *Уредба за унутрашњи и спољашњи манастирски живот*. Београд, 1957; Смолич И.К. *Русское монашество 988-1917. Жизнь и учение старцев*. М., 1999; Зайцев Б., Рак П. *Светогорске стазе*. Хиландар, 1997; *Игумения Арсения*. М., 1913; Ин. Наталия. *Русский Иерусалим. Письма русской инокини со Святой Земли (1983-1989)*. СПб., 1996; Кашанин М. *У сенци славе*. Н. Сад, 1961.

5. Подробное рассмотрение отражения православной цивилизационной модели в ономастической системе русского и сербского языков см. в: Кончаревић К. *Из проблематике конфронтационе лингвокултурологије: ономастика и православна култура* // Српски језик. Београд, 1998, 1-2, с. 71-99.

ЛИТЕРАТУРА

Альбрехт 1998 – *Альбрехт Ф.Б.* Основные аспекты сопоставления русской и сербскохорватской отанималистической фразеологии // Станковић Б. (прир.) *Изучавање словенских језика, књижевности и култура у инословенској средини*. Београд, 1998, с. 284-289.

Булгаков 1995 – *Булгаков М.* История Русской Церкви, т. III. М., 1995.

Булгаков 1996 – *Булгаков М.* История Русской Церкви, т. IV/1. М., 1996.

Верещагин – Костомаров 1983 – *Верещагин Е.М., Костомаров В.Г.* Язык и культура. М., 1983.

Вургафт – Ушаков 1996 – *Вургафт С.Г., Ушаков И.А.* Русское старообрядчество. Энциклопедический словарь. М., 1996.

Добротолубие 1895 – *Добротолубие*. В 5-ти томах. М., 1895.

Дроздов 1992 – *Митр. Филарет (Дроздов)*. Правила благоустройства монастырской жизни // Даниловский благовестник. М., 1992, 2-3, с. 34-49.

Злоковић 1969 – *Злоковић С.* Карактерологија српског православља // Трифуновић Л. (уред.) *Српска православна црква 1219-1969. Споменица о седамстопедесетогодишњици аутокефалности*. Београд, 1969, с. 279-390.

Калезић 1973 – *Калезић Д.* Религиозни живот и његови савремени изражаји у нас // *Српска православна црква: њена прошлост и садашњост*. Београд, 1973, бр. 4, с. 67-73.

Кончаревић 1999 – *Кончаревић К.* Руска лексика из религијско-црквене сфере и њена лексикографска обрада (социолингвистички и лингвокултуролошки приступ) // *Творбена и лексичка семантика у српском и другим словенским језицима. Радови са IV лингвистичког скупа «Бошковићеви дани»* (Подгорица, 8.-9.10.1998). Подгорица, 1999, с. 205-218.

Кончаревић 2004 – *Кончаревић К.* Непресушни живоносни источник: руска емиграција у српској духовности између два светска рата // *Календар «Црква» за 2005*. Београд, 2004, с. 161-169.

Кончаревић 2006 – *Кончаревић К.* Коммуникативное поведение монашествующих в сербской речевой и социокультурной среде (ситуативная модель анализа) // *Стернин И.А., Пипер П. (ред.) Коммуникативное поведение славянских народов*. Воронеж, 2006, с. 28-54.

Маслова 1997 – *Маслова В.А.* Введение в лингвокультурологию. М., 1997.

Мирковић 1964 – *Мирковић Л.* Православна литургија, т. I. Сремски Карловци, 1964.

Митрофан 1988 – *Митрофан Хиландарац*. Светогорци по светињама Русије. Београд, 1988.

Орнатский 2001 – *Орнатский А.* Древнерусские иноческие уставы. Уставы российских монастырениачальников. М., 2001.

Поповић 1991 – *Житије преподобног оца нашег Антонија Великог* // Поповић Ј. *Житија Светих за јануар*. Ваљево, 1991, с. 521-550.

ППБЭС – *Полный православный богословский энциклопедический словарь*. М., 1992.

Рейхштейн 1968 – *Рейхштейн А.Д.* О типах фраз // Ученые записки МГПИИЯ, т. 42. М., 1968, с. 77-86.

Роде 1982 – *Роде М.* Фразеологија у двојезичким речницима // Лексикологија и лексикографија. Београд – Н. Сад, 1982, с. 273-284.

Томахин – Фомин 1986 – *Томахин Г.Д., Фомин Б.Н.* Проблематика сопоставительного лингвострановедения // Научные традиции и новые направления в преподавании русского языка и литературы. М., 1986, с. 254-258.

Топоров 1995 – *Топоров В.Н.* Святость и святые в русской духовной культуре. Т. 1. Первый век христианства на Руси. М., 1995.

Федотов 1959 – *Федотов Г.П.* Святые древней Руси. Нью-Йорк, 1959.

Е.В. Андрейченко
(Казахстан)

ВОЗРОЖДЕННАЯ ЛЕКСИКА РУССКОГО ЯЗЫКА В ПРОСТРАНСТВЕ И ВРЕМЕНИ КУЛЬТУРНОГО КОНТЕКСТА

В статье мы пытаемся ответить на следующие вопросы:

- 1) Что есть возрожденная лексика русского языка?
- 2) Как функционирует возрожденная лексика?

Пространство и время – понятия, относящиеся прежде всего к области философии, математики, физики и, казалось бы, в гораздо меньшей степени к лингвистике. Однако современная лингвистика не может замыкаться в строгих традиционных рамках. Не утрачивая самобытности, она вбирает в себя знания из других областей науки. Поэтому пространство и время как формы существования окружающего человека мира также находят свое отражение в языке, вербализуясь соответствующими средствами.

Понятия пространства и времени помогают нам в определении статуса возрожденной (возвращенной) лексики, т.к. факт формирования особого пласта в лексической системе русского языка конца XX века еще не получил осмысления в современной русистике и лингвистике в целом. Статус возрожденной лексики может быть определен только через прагматику, через функционирование данной лексики, через ее жизнь в речи. Функционирование лексики – это ее использование и, следовательно, принадлежность к тому или иному синхронному срезу диахронической оси развития русского языка; конкретный же синхронный срез – это *время* для возрожденной лексики. Художественные произведения, другая дискурсивная продукция носителей русского языка, также относящаяся к разным синхронным срезам, представляет *пространство* для возрожденной лексики. Совокупность первого и второго составляет культурный контекст, в котором функционируют те или иные единицы языка, в частности возвращенные лексемы. Е.С. Кубрякова отмечает, что «дискурсивный анализ – это анализ текстов, т.е. языкового употребления, но только текстов, взятых в особых качествах и свойствах. Дискурс анализируется прежде всего по мере своего поступления к адресату, т.е. online» [Кубрякова 2000: 20]. Принимая это во внимание, мы анализируем предложенные ниже тексты как дискурсы в режиме реального времени относительно «синхронного адресата» [Гайнуллина 1995: 90]. Синхронные или диахронные адресанты, в свою очередь, – это создатели того или иного дискурса.

Пространство или продукция, произведенная носителями русского языка, может различаться по разным параметрам. Нами избран параметр, представляющий сравнение текстовой продукции, созданной естественным носителем русского языка (*native Russian speaker*) и носителем русского языка, усвоившим его посредством специального изучения (*non-native Russian speaker*).

Возрожденная лексика – это лексические единицы, определенные Толковым словарем русского языка конца XX века (далее ТСРЯ) как «возвращенные слова в актив из пассивного запаса», или слова, возвращенные в активное употребление. Это такие, например, лексемы, как: *Бог, крест, вера, Богородица, воскресение, Господь, Евангелие, знамение, благовест, молитвословие, инок, всенощный, молитва, пост, волость, дума, губернатор, лоббизм, либерал, радикал, акция, вексель, казна, консорциум, бакалавр, магистр, меценат, целитель, лекарь* и т.п.

Лексикографический источник есть одна из форм отражения пространства. В словаре лексическое значение слова, как правило, представлено в самом общем виде в очень сжатом состоянии. Оно как бы свернуто, в нем эксплицируются только такие его компоненты, как архисема и некоторые наиболее существенные дифференциальные семы. Тем не менее, любой

лексикографический источник черпает сведения о семантике описываемой лексики из живого употребления, из текстовой и дискурсной продукции. Анализ этой продукции, относящейся к периоду с 1985 по 1995 годы, показал, что к этому времени в русском языке сформировался пласт лексики, каждая единица которого получила квалификацию «возвращенной в актив из пассивного запаса».

Нами установлено, что за возвращенным словом (а таких единиц, зафиксированных ТСРЯ, оказалось около 600) скрывается возрождение не только языка, но и культуры. Это, в свою очередь, вызывает объективную необходимость рассматривать данный языковой феномен с учетом его лингвокультурологических характеристик. Обоснованием же возрождения языка и культуры служит изучение функционирования возвращенной лексики в различных текстах.

Значимость возвращенной лексики невозможно выявить со всей полнотой без обращения к диахронии языка. Чтобы подтвердить данные положения, мы обратились к тексту романа А.Н. Толстого «Сестры», написанному в эмиграции с 1919 по 1921 годы. Для сравнения особенностей функционирования тех же самых лексических единиц, но в статусе «возвращенных» (возрожденных) в современный русский язык конца XX – начала XXI века использованы роман Ф.П. де ла Парте «Надя», а также интервью Э. Радзинского, Н.П. Бехтеревой, М.Б. Пиотровского и других видных представителей современной русской культуры, создателей оригинальной дискурсной продукции, которые могут служить достоверным и объективным подтверждением значимости возвращенной лексики для носителей современного русского языка.

Покажем это на примере истории употребления только одной лексемы *вера*. Возрожденное слово *вера* вернулось в актив со значением «уверенность, не требующая доказательств в существовании Бога (или Богов), создавших мир и поддерживающих духовную связь с людьми» [ТСРЯ 1998: 128]. Только архисема 'уверенность' и некоторые дифференциальные семы выступают в лексическом значении, приведенном лексикографическим источником. Функционирование лексемы в дискурсной продукции позволяет потенциальным семам, имплицитно дремлющим в составе лексического значения, образовать коннотации лексического значения, которые сигнализируют о культуре народа – носителя языка. Коллектив носителей русского языка или каждый отдельный его представитель, создавая дискурсную продукцию, репрезентированную через слово, через его употребление, возвращает прошлые традиции, культуру, тем самым придавая слову особый статус возрожденного и одновременно возрождающего. В этом проявляется двусторонняя взаимозависимость влияния экстралингвистических факторов на язык и языка на культуру. Человек, владеющий одним или несколькими языками, является носителем культуры народа, для которого этот язык родной. Человек, если он носитель той или иной культуры, непременно носитель соответствующего языка. Поэтому языковой знак и активен и пассивен одновременно, он воздействует сам и подвергается воздействию. «Знак содержит четыре разных типа информации: 1) о каком-то фрагменте мира; 2) о том, в какой форме этот фрагмент отражен в сознании человека; 3) о том, в каких условиях этот знак должен использоваться; 4) о том, как он связан с другими знаками» [Кобозева 2000: 43]. К этому можно добавить: о том, как он связан с другими знаками, может влиять на них и сам также испытывать воздействие со стороны других знаков. Лексическая семантика проявляет такую способность только при функционировании.

«Отойдя от кровати Олега и выйдя в коридор, Надя еще раз взглянула на сына – на этот раз спокойно и пристально, словно в одном взгляде хотела передать ему свою любовь и нежность. В течение последних двух лет она повторяла эти действия как самый священный ритуал единственной исповедуемой ею веры» [Паскуаль де ла Парте 2002: 8].

Так выглядит реализация лексического значения слова *вера* в приведенном микроконтексте. Какая вера исповедуется здесь? Известная только героине и автору? Нет. Можно эксплицировать каждую, даже самую мелкую составляющую лексического значения слова, реализованного в контексте. Обширность и значимость реализованного значения

позволяет подтвердить или опровергнуть выдвинутый тезис о возрождении культуры через слово, а также о статусе возрожденной лексики в русском языке конца XX – начала XXI веков. Начиная с анализа микроконтекста, в действие приводится семантическая сеть лексических значений слов произведения, которая и пронизывает его. При помощи возбуждения этой семантической сети мы начинаем эксплицировать, восстанавливать значение слова в его функционировании. «Исповедуемая ею вера» – непременно уверенность в существовании Бога. Архисема фиксируется явно. Вера в Бога, вера в жизнь, вера в будущее, вера в добро руководит действиями человека; вера управляет духовной и материальной жизнью человека. Семантическая сеть «вздрагивает» и мгновенно эксплицирует самую сильную связь со словом Бог, которое также является возрожденным (в романе «Надя» слово Бог употреблено 11 раз). Лексическое значение слова *вера* начинает раскрываться, расширяться при своей реализации через слово *Бог*, но, может быть, еще в большей степени лингвокультурема *Бог* реализуется через *веру* и другие языковые единицы, главным образом через слова, обладающие статусом возвращенных. Во многом в тексте мы встречаем мысль о проявлении Бога, именно Его проявление, присутствие самого Бога, а не только веры в Него. Эта сема в слове *вера* также получила свою реализацию только в контексте.

При данной реализации слова *вера* мы эксплицируем потенциальную сему тяжелой жизненной ситуации, в которой необходимо исповедовать «свою веру», конечно, основанную на истинной. Семы причин обостренного чувства веры и ее необходимости также вскрываются только в процессе исследования функционирования лексемы. Грань между старым и новым, между ужасающей пропастью и вершиной счастья присутствует фоновым знанием, потенциальными семами в реализации значения слова *вера* в этом микроконтексте. Реализация значения слова все больше расширяется и наполняется новыми коннотациями при развертывании от микроконтекста до макроконтекста, равного всему художественному произведению.

Автор поступательно использует слово *вера* в разных микроконтекстах, углубляя и расширяя коннотации лексического значения слова.

«Отвечая на вопросы Курта, Сергей объяснял, как ему удалось привить своим дочерям вкус к хорошей музыке и воспитать их в духе православной веры – в совсем не подходящем для этого окружении» [Паскуаль де ла Парте 2002: 89].

Вера здесь конкретизируется, она соответствует религиозному мировоззрению носителей определенной культуры. В приведенном контексте лексическое значение вновь не ограничивается только «уверенностью в существовании Бога», здесь присутствует уверенность в существовании правды, истины, разных миров, как земных, так и небесных. Нарращивание коннотаций становится возможным только при функционировании слова, что соответствует его принадлежности к определенному времени и пространству.

«Да, как и любая религия, коммунизм также породил ереси... И вот теперь народу говорят, что все было сплошным обманом, ложной верой, ошибочным путем: что принесенные на его алтарь жертвы оказались напрасными; что нужно вернуться к 1914 году и начать все заново; что все было дурным сном» [Паскуаль де ла Парте 2002: 266].

Перед нами еще одна фиксация слова *вера* в дискурсе. Автор подарил слову новую жизнь через употребление этого слова в данном контексте. Возрождаются исконно русские традиции, где рука об руку идут вера, религия и культура. А также через употребление этого же дается оценка целой эпохе. Контрастное сочетание двух лексем *ложный* и *вера* выводит на поверхность потенциальные семы оценки. Ближайший микроконтекст представляет еще одно возрожденное слово – *алтарь*. *Веру* и *алтарь* связывает семантическая сеть. В эту сеть входят коннотации лексических значений слов *вера*, *алтарь*, а также и других слов. «Алтарь ошибочного пути» еще более усиливает проявление оценочных сем в лексическом значении

слова *вера*. По семантической сети макроконтекста слово *вера* связывается с такими словами, как *Бог, грех, духовность, монастырь, спаситель*. Именно при последней приведенной реализации слова *вера* в этом контексте чувствуется острая нехватка вышеперечисленных ценностей, их нынешнее возрождение; оценка, острое осуждение их отсутствия в прошлом. (Сталкиваются вера истинная и вера ложная; последняя основана на принципах истинной веры, но содержание ее заключается в отсутствии Бога.) Предоставляется возможность, используя ресурсы семантической сети, более глубоко проанализировать и эксплицировать семы слова *Бог* через реализацию лексического значения слова *вера*. Вера в семантическом пространстве примерно на одинаковом расстоянии от слов *Бог* и *религия*. И первое, и второе слово в структурах своих лексических значений содержат семы принадлежности к вере. В этом треугольнике слов *Бог – вера – религия* дает о себе знать «обратная связь» анализируемого контекста, в котором через реализацию лексического значения слова *вера*, а точнее через сочетание *ложная вера* можно эксплицировать следующие семы. У слова *вера* сема 'религия' есть обязательная составляющая лексического значения. У слова *Бог* сема 'религия' – это непостоянная составляющая его лексического значения, которую можно квалифицировать как потенциальную сему или совсем не включать ее в константную структуру лексического значения слова *Бог*. Все сказанное содержится в реализации лексического значения слова *вера* в приведенном микроконтексте, развернутом до макроконтекста. Такие нюансы в структуре лексических значений слов практически не фиксируются лексикографическими источниками, что и приводит к острой необходимости изучения функционирования возрожденной лексики в текстовой и дискурсной продукции.

Естественный, или первичный, носитель русского языка примерно в тот же период времени употребляет слово *вера* следующим образом:

«Дело не в вере. Скажем, феномен клинической смерти, выход человека из телесной оболочки, взгляд на себя со стороны доказаны наукой». «Теперь у меня есть вера, но нет признания правильным абсолютно всего, что делается от имени Господа... Не хочу никого соблазнять верой или настраивать против нее. Пусть каждый решает сам...» [Бехтерева 2002].

И в этом контексте происходит разворачивание лексического значения слова от архисемы до экспликаций дифференциальных и потенциальных сем. В первом случае вера не противопоставлена науке. Более того, в слове *вера* присутствует научная составляющая. Следовательно, реализуется значение: 'вера есть уверенность в существовании Бога, научно объясненная'. Слово *вера* развивает коннотацию как дополнительный лексический фон в своем значении – оспаривание правоты деяний от имени Господа в некоторых случаях, т.е. присутствует оценка действий от имени Всевышнего. Если вера становится научно объясненной уверенностью, следовательно, в ней присутствует сомнение, как и во всякой науке. Но вера живет сегодня, она воскресла, она приобрела новую жизнь, она живет в слове, которое в наше время реализует свои реальные и потенциальные возможности намного шире и разнообразнее, чем на предыдущих синхронных срезах. Это ярко проявляется в семантических связях с другими возрожденными словами. В данном случае – с Господом, грехом, настоятелем, миром, святым. Например:

«Я верю тому, что написано в житиях святых, что рассказывает мне отец Геннадий, настоятель Софийского собора в Пушкине...» [Бехтерева 2002].

Все вместе указывает на значимость слова *вера*, взятого в качестве примера для иллюстрации возрождения культуры, возрождения ее через слово и возрождения самого слова. В последнем примере употреблен глагол *верить*, что не только семантически, но и грамматически связывает этот микроконтекст со словом *вера*. Это еще более сближает разные микроконтексты в пределах одного макроконтекста, выводя при этом на поверхность информацию об особом статусе возрожденной лексемы для социума носителей русского языка

конца XX – начала XXI веков. Можно также говорить о расширенной реализации слов *святые* и *настоятель* в микро- и макроконтестах, но этому следует посвятить уже другую работу.

Как мастера эпохи Ренессанса возрождали каноны античного искусства, привнося дух своего времени, так и современный носитель русского языка возрождает слово и культуру, совмещая лучшие национальные традиции, историю с бурлящей современной жизнью.

Возрожденные слова являются центром внимания не только в лексике нашего времени. Они занимали приоритетное место и на других синхронных срезах истории русского языка до их ухода в пассивный запас. Только статус этих слов был связан с их использованием без коннотаций необычности или особенной яркости. Именно в этом проявляется влияние **времени** на жизнь и функции слова.

Алексей Николаевич Толстой употребляет слово *вера* так:

«Ночью: свет, шум, вывески, вертится, крутится... Народ валом валит... Бессмыслица!!! Да, это Москва... Скажите мне, старику – неужели за эту суету окаянную у нас там кровь льется? Где отечество? Где вера? Где царь? Укажите мне» [Толстой 1986: 205].

Здесь в слове *вера*, как видим, находит свое отражение время первой мировой войны, реализованное в этом микроконтексте, где максимально ступаются все его смыслы, образуя некий монолит. Ощущается четкая граница между ушедшим и наступающим. Эти культурные фоновые знания также большей частью раскрываются через значение слова *вера*.

«Не было большой веры в нового царя у русских людей. Но жить было надо».
«Кланялись низко и Крыму, и Литве, и шведам. Берегли веру» [Толстой 1986: 265].

Реализуются два основных значения слова *вера* – «уверенность, убеждение, твердое сознание, понятие о чем-либо, особенно о предметах высших, невещественных, духовных; верование, отсутствие всякого сомнения или колебания о бытии и существовании Бога, безусловное признание истин, открытых Богом» [Даль 1978: 331]. Так трактует слово *вера* век девятнадцатый, и еще очень сильно ощущается его дыхание в начале XX столетия. В тексте романа «Сестры» непременно развиваются дополнительные коннотации и у лексического значения слова *вера*, тем более что автор упоминает о событиях 1600-х годов на Руси. «Берегли веру» в Господа, в будущее, которое во времена А.Н. Толстого стало казаться «бессмыслицей»; и это будущее наступило теперь, оно настоящее для нас. И мы возрождаем то, что берегли, проливая кровь, наши предки.

Изменившаяся жизнь носителей русского языка конца XX – начала XXI веков породила изменения в русском языке, особенно в лексическом его составе. Одним из таких изменений стало формирование целого пласта возрожденной лексики. Функционирование ее в текстовой и дискурсивной продукции разных эпох и разных типов носителей русского языка узаконивает ее возрожденный статус.

Пространство и время для возрожденной лексики становится неизбежным арбитром и свидетелем ее собственного возрождения и возрождения культуры через нее.

ЛИТЕРАТУРА

- Бехтерева 2002 – Бехтерева Н.П. Верю в вещи сны // Время, 28.02.2002.
Гайнуллина 1995 – Гайнуллина Н.И. Эпистолярное наследие Петра Великого в истории русского литературного языка XVIII века (историко-лингвистический аспект). Алматы, 1995.
Даль 1978 – Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1. М., 1978.
Кобозева 2000 – Кобозева И.М. Лингвистическая семантика. М., 2000.

Кубрякова 2000 – *Кубрякова Е.С.* О понятиях дискурса и дискурсивного анализа в современной лингвистике (Обзор) // Дискурс, речь, речевая деятельность. Функциональные и структурные аспекты. М., 2000.

Паскуаль де ла Парте 2002 – *Паскуаль де ла Парте Ф. Надя.* Алматы, 2002.

ТСРЯ 1998 – Толковый словарь русского языка конца XX века. СПб., 1998.

Толстой 1986 – *Толстой А.Н.* Хождение по мукам. Краснодар, 1986.

Ирина Захариева

МАКСИМИЛИАН ВОЛОШИН: ПОЭЗИЯ И КУЛЬТУРА

Предметом нашего анализа является творчество Максимилиана Волошина, представленное в двух сборниках его стихов. Поэтический материал сборников отражает разные периоды творчества поэта и обладает целым рядом особенностей. Спецификой анализируемого материала обусловлена и структура данной работы, которая дается в двух частях.

1. СЛОВЕСНО-ИЗОБРАЗИТЕЛЬНАЯ ЗНАКОВОСТЬ КУЛЬТУРЫ В ПОЭЗИИ М.ВОЛОШИНА (1900-1910)

В автобиографии, написанной в 1925 году, Максимилиан Волошин, которому тогда было 48 лет, разделил свой жизненный путь на семь семилетий. Поэтический сборник «Стихотворения. 1900-1910» – его первая книга, работа над которой была завершена в пятом семилетии обозначенной им хронологической канвы жизни.

Годом своего духовного рождения он признавал год 1900-ый, когда ему стали доступны труды двух философов и поэтов, умерших в тот год, – Фридриха Ницше и Владимира Соловьева. Оба мыслителя побудили будущего поэта к переоценке культурных ценностей [Волошин 1900: 159]. Последовали годы самообразования на Западе, где первое место принадлежало Парижу.

Книга «Стихотворения. 1900-1910» вышла из печати в Москве в издательстве «Гриф» в 1910 году тиражом в 1200 экземпляров. Это издание было иллюстрировано жившим в Крыму художником Константином Богаевским, создателем символизированных пейзажей на темном фоне. Книга составлялась автором как избранное из написанного за длительный период. В кратком автопредисловии содержится пояснение читателю: «Вот книга лирики. Я писал ее десять лет. В ней нет иного единства, чем единство моего Я. ... она состоит из четырех эпох и, значит, из четырех книг» [Волошин 1989: 400]. Названия книг, входящих в лирическую тетралогию: «Годы Странствий», «Amorі Amara Sacrum», «Звезда Полюнь», «Алтари в Пустыне. Corona Astralis».

Время написания книги совпало с расцветом поэзии «младосимволистов». Находясь по роду занятий в окружении литераторов-символистов, Волошин избрал собственную стезю. В поисках идеального топоса, который символистам грезился за пределами земного пространства, он строил свой культурный космос на земле. В заглавии первой книги – «Годы Странствий» – время объединено с пространством как земным, так и духовным. В автоэпиграфе к первой книге, где шрифт выделен разрядкой, лирический персонаж мысленно созерцает себя в движении «по лону волн», ибо уподоблен Богу, живущему в Человеке, и чувствует двуединую слитность – со «звездным небосводом» над головой и водным отражением небес под ступнями ног:

... И мир, как море пред зарею,
И я иду по лону вод,
И подо мной и надо мною
Трепещет звездный небосвод...

Раздел первый («Годы Странствий») открывается стихотворением «Пустыня» (1901). В изображении автора *пустыня* – исходное пространство соединения земного с божественным. Исполнен внутреннего смысла для поэта биографический факт: в упоминавшийся год его духовного рождения будущий поэт передвигался с караванами верблюдов по среднеазиатской пустыне. Там и «настигли» его труды Ф.Ницше и Вл.Соловьева [Волошин 1900: 159]. Пустыня для него – некий реально осязаемый исток духовных странствий, сравнимый с библейской пустыней, по которой сорок лет странствовали евреи в поисках Земли Обетованной.

Создатель стихотворения «Пустыня» метонимическим способом заявляет о своем намерении соединить Восток с Западом при сохранении этнокультурной самобытности двух отдельных краев Земли. Избираются два топосных знака культуры: Париж (Запад) и среднеазиатская пустыня (Восток). Париж обозревается, как пространственная картина с высоты Монмартра. Зрительные впечатления лирика преобразуются в словесную живопись: город рисуется в цветовом облике и графических очертаниях: «купола зданий» на фоне «синего тумана», наклонные плоскости «каменистых крыш», весь город «коричневато-серый, синий».

Воспоминание, как психологическое событие в стихотворении, переносит лирического субъекта в пустыню, где превалируют акцентными пятнами цветовые и графические впечатления. Выделяются «обнаженная» земная плоскость, «извивы желтых линий» (пески), «тени мертвых городов» (т.е. мысленно созерцаемое нагромождение геометрических фигур). Вводимые детали, как и при описании Парижа, связаны с колористикой и формой («цветные изразцы дворцов», «зубцы старинных башен»).

Сумеречное пробуждение пустыни ассоциируется с «кровью лучей» солнечного заката. Кровь в лирике Волошина, при наличии подсказывающего контекста, служит аллюзией праведной крови, пролитой распятым Христом. Закат напоминает «струи пламени». Номинальные существительные, несущие информацию об определенном цвете (кровь, пламя), соседствуют с колористическими эпитетами. На закате «по огненным полям» плывут «фиолетовые тени». Достигается живописный эффект смешения красок (пурпурно-красное / лиловое). У Волошина заметно пристрастие к лиловому цвету. В статье «Чему учат иконы?» (1914) поэт-искусствовед пояснял: «Лиловый и синий появляются всюду в те эпохи, когда преобладает религиозное и мистическое чувство» [Волошин 1988: 293]. От своих мистических чувств он и не пытался освободиться.

По мере развития общей мысли в стихотворении «Пустыня» колористика и графическая пластика в словесной интерпретации служат созданию знаков философской символики. Проиллюстрируем данное положение двуступенчатостью финала, оставляющим читателя в ночной тишине пустыни – наедине с двумя опорными образами – *небосвод* и *полынь*: «Широкий звездный небосвод / Да аромат степной полыни...». *Небосвод* притягивает дух поэта, а *степная полынь* влечет его к земле. Лирическое Я соединяет два объекта – небесный и земной. Земля рисуется как божье творение и как пристанище человека в его физической ипостаси.

Лирическая тетралогия запечатлевает начальный этап творческой автобиографии поэта. Производится анализ сознания личности Серебряного века как продукта европейской культуры.

Стихи первого раздела тетралогии, озаглавленного «Годы Странствий», дают представление о жизни в хронотопном физическом движении и в духовных исканиях. Стук вагонных колес отмеривает хронотопность бытия лирического персонажа («В вагоне», 1901). Трикратно повторенные звукоподражания стуку колес воспроизводят дактилический размер стихотворения («Ти-та-та... та'-та-та... та'-та-та... ти-та-та...»).

Ощущение мерного движения поезда усилено еще и *описанием* шума колес – «мерным, вечным, бесконечным, однотонным». Семантика эпитетов через синонимический ряд объединяет будничную конкретность (*мерный, однотонный*) с философичностью (*вечный, бесконечный*). Живописная и звукоподражательная картина движения подготавливает автохарактеристику «странника вечного в пути бесконечном» (с. 10). *Странник* вписывается в двуплановый интерьер – реальный и символически обобщенный.

Насущная потребность российского творца в духовной свободе выражена в стихотворении «Тангейзер» (1901). Дорожные впечатления автора в горах Андорры смешиваются с воспоминанием об опере Рихарда Вагнера «Тангейзер», обыгрывающей средневековую германскую легенду. После семи лет плена в Венерином гроте на горе Герзельберг певец обретает свободу и преисполняется чувством гармонии, когда рассеивается мрак неволи («Веет миром от старинных / Острокрыших городков»). В его пробудившейся к творчеству душе «...растет спокойный, стройный / Примиряющий напев». Сюжет легенды, введенный в стихотворение, объективирует заложенную в нем мысль.

Великолепие европейских городов воспринимается поэтом-странником преломленным в картинах великих мастеров («Венеция – сказка. ... На всем бесконечная грусть увяданья / Осенних тонов Тициана», с. 13). Знаковой моделью служат и античные архитектурные ансамбли, такие как полуразрушенный римский форум («На форуме», 1900). Во фрагментах разрушенных веками зданий усматривается ценность подлинности. В афинском Акрополе улавливается мелодика отдельной архитектурной детали: «Как струна, звенит колонна / С ионийским завитком» («Акрополь», 1900).

Поэт передает непосредственное воздействие произведений искусства на свое психологическое состояние. Картина Леонардо да Винчи «Тайная вечеря» вызывает в его душе *сияние*. Душевное сияние, порожденное классическим полотном на евангельский сюжет, предвещает ему «радостные сны» (с. 19). В один ряд выстраиваются в волошинских стихах профессиональные и эмоциональные описания творений художников, скульпторов, архитекторов.

Так же благотворно, как картина Леонардо, воздействует на его душевность и Трианон – дворцовый ансамбль в Версале. Лирик наблюдает цветовое преобразование архитектурного памятника. Закатное солнце зажигает «зеленый свет лампад на мутном дне бассейна». Цветовой эффект достигается в тот момент, когда «...темным пламенем дымится Трианон» (с. 21). Темный цвет в волошинских словесных полотнах символизирует религиозное смирение, готовность раствориться в божественной стихии. Заметим, что творческая пуанта у Волошина заключается в воссоединении внешних форм бытия с заключенным в них божественным смыслом.

Описывая Париж как город-хранитель мировых шедевров культуры, поэт проводит в качестве рефрена ностальгический мотив: «А душа тоскует по пустыне» (с. 22). Словообраз *пустыня* у Волошина обрастает абстрагированными смыслами, включая и художественный аспект. В ряду других подразумевается сравнение с пустым полотном, готовым к заполнению любой фигуративностью. Воображаемое полотно может образно реализовать мысленный перелет поэта из парков Версаля в мир «бретонских» легенд, на священную гору Монсальват в поисках Святого Грааля – чаши с кровью Иисуса Христа («Перепутал карты я пасьянса...», 1909). Поиски Грааля синонимичны поискам духовных ценностей. Заметим, что самый мотив *крови* – один из повторяющихся мотивов в стихах Волошина. Ему принадлежит рассуждение: «Кровь знает больше человека и помнит сокровенные тайны мироздания» (с. 409). Тема крови у него ассоциируется с планетой Сатурн – планетой, связанной с наследственностью

(стихотворение «Сатурн» из планетарно-космогонического цикла книги). Поэта волнует мысль о родстве божественной и человеческой крови.

Следуя вольности движения творческого воображения, автор переносится в цирковой балаган к «бледному, больному, грациозному Пьеро» («В цирке», 1903). Пьеро – носитель карнавальной маски любовника-идеалиста. Вопреки веселому цинизму публики он изливает в грустной песне свою страсть к ускользающей Коломбине. По Волошину, поэт подобным же образом служит высокому искусству, пренебрегая низменными вкусами толпы («Я бесконечность стерегу / Среди свиста, грохота и шума», с. 38).

Художественные впечатления творца касаются вершинных завоеваний в различных видах искусства. Осмыслиется им и творческий процесс.

На принципе вездесущих соответствий, разработанных Шарлем Бодлером, построено «Рождение стиха» (1904) с посвящением Константину Бальмонту – мастеру поэтического параллелизма. В стихотворении, написанном в бальмонтовском духе, «запах цветов» обретает голос, доходящий «до крика», а «танцующие слова» переливаются огнем, подобно драгоценным камням. Рождение стихотворения уподоблено рождению цветка (гиацинта). Свойства описанного цветка определяют признаки творения словесного искусства: *холодное, душистое и белое* стихотворение.

Посредством полиформизма в словесном воплощении подтверждается признание художника слова в том, что ему «близок и понятен» «Мир живых, прозрачных пятен / И упругих, гибких линий» (с. 17). Кроме стремления поделиться с читателем собственным восприятием многообразных форм окружающего мира, поэт испытывает потребность выразить и свое обобщенное представление о мире, чтобы его воспринимали не только как толкователя внешних форм, но и как философа бытия.

В стихотворении «Быть заключенным в темнице мгновенья...» (1904) Волошин от визуальной картины переключается на философский смысл понятия *мгновение*, чем он занимался и в статье «Аполлон и мышь» (1903), усматривая в *мгновении* точку пересечения времени и пространства. В стихотворении использован греческий миф о клубке Ариадны, который помог афинскому герою Тезею выбраться из Лабиринта. Время от Рождения до Смерти определяется поэтом как «нить бытия», а человеческая память уподобляется рвущимся нитям в клубке Ариадны. В письме к художественному критику Сергею Маковскому (1909) Волошин пояснял: «В мифологии я ищу идейных символов и комбинирую их согласно тому, как это *мне* кажется удобным» (Разр. автора – И.З.) [Волошин 1988: 8].

Не выходя из контекста греческой мифологии, поэт признается в своей внутренней близости к Психее – мифическому олицетворению души («Лампу Психеи несу я в руке – / Синее пламя познанья», с. 37). У него замечается более трепетное внимание к женским мифическим образам, возможно, в ущерб мужским.

Неусыпно его стремление осмысливать метафизическую природу внешних форм («Сквозит двойная бесконечность / Из отраженной глубины», с. 38). Он заявляет о своей позиции философа, согласующего видимое с невидимым, чувствуя себя в поэзии вестником потустороннего мира:

Ряд случайных сочетаний
Мировых путей и сил
В этот мир замкнутых граней
Влил меня и воплотил.
(«И день и ночь шумит угрюмо...», 1903)

Роль философского обобщения в первой книге тетралогии выполняет стихотворение «По ночам, когда в тумане...» (1903), обращенное к Валерию Брюсову. Лирический субъект-творец срывает покровы с внешних проявлений мира – «Со всего, что в формах, в цвете, / Со всего, что в звуке слов». Он готов к духовному пути – «В вечных поисках истоков...».

Книга вторая волошинского четырехкнижия озаглавлена «Amorі Amara Sacrum» (лат. «Любви посвящается горечь»). В ней получила отражение нерадостная история любви поэта к художнице Маргарите Сабашниковой (1882-1973). Их любовные отношения, скрепленные кратковременным браком в 1906 году, вскоре разрушаются.

Лирический персонаж принимает любовь вместе с сопровождающей ее душевной болью («И боль пришла, как тихий синий свет, / И обвилась вокруг сердца, как запястье», с. 44). Показателен волошинский прием овеществленной аналогии душевной боли (сравнение боли с *запястьем вокруг сердца*). Его опыт любви-страдания породил устойчивый элегический мотив в русской любовной лирике – волошинский мотив нереализованной любви.

Словесно-живописный портрет лирической героини высвечивает иконописную призрачность ее красоты («Я жидкий блеск икон в дрожащих струйках дыма», с. 46). К Маргарите обращен стихотворный цикл «Письмо» (1904), написанный «онегинской строфой» (четырнадцать стихов в строфе, размер – четырехстопный ямб). Цикл состоит из восемнадцати стихотворений. Героиня внешне напоминает ему статую египетской царевны Таиах («И ту же линию в губах, что у статуи Таиах»). Время, проведенное с ней, исчисляется мгновениями, соизмеримыми с годами по эмоциональной наполненности. Он готов воспринимать каждый миг любви как «последний в жизни», но осознает, что извне «Продленный миг / Есть ложь...» (с. 50). Объединяет их увлеченность искусством, и в эпистолярных воспоминаниях растворены впечатления от картин великих французских художников – обитателей Лувра: «темно-зеленый» Антуан Ватто, «жемчужный и седой» Камилл Коро; экспрессивный пейзаж – «закат над желтой нивой», принадлежащий кисти Франсуа Милле, и пр. Воспоминания художника оживляет прежде всего колористический фон полотен. Питирим Сорокин, мыслитель-семиотик, относил живопись к свето-цветовым проводникам [Сорокин 1920]. Внимание к колористике отличало Волошина как художника слова.

Их с Маргаритой объединяло восхищение не только живописными полотнами, но и готической скульптурой средневековых соборов («Леса готической скульптуры! / Как жутко все и близко в ней», с. 52). Волошин обдумывал написание искусствоведческого труда «Дух готики». Всмотриваясь в готические скульптуры, он пытался распознать знаки и символы, свойственные этому художественному стилю.

Слово у Волошина действительно становится строительной единицей языка, как его воспринимали В.Хлебников и О.Мандельштам. Склонность к циклизации стихотворений стимулировала размах словесного строительства. Символисты выражали неудовлетворенность слишком нарочитой, как им казалось, *вещественностью* его поэтической речи. Первая поэтическая книга Максимилиана Волошина не была воспринята как нечто значимое для современной русской поэзии. Тем не менее, литератор шел своим путем – путем преодоления символистской призрачности стиля, утверждаемого как стиль времени, что соответствовало тенденциям эстетического развития в условиях кризиса символизма как метода.

В своих эстетических предпочтениях Волошин не чувствовал себя одиноким. Его увлеченность изобразительным искусством, ищущая воплощения в жанре лирики, как бы удваивалась от сопереживания красоты искусства с близким человеком («Я слышу Вашими ушами, / Я вижу Вашими глазами...», с. 50). Поэт славил Париж как пространство, поглощающее влюбленных, чтобы ввести их в идеальный мир – мир

культуры, «В просторы всех веков и стран, / Легенд, историй и поверий» (с. 49). Он открыл для русской поэзии ареал художественной мировой культуры, которому стоит поклоняться.

Тема открытия идеального мира культуры, как генеральная тема тетралогии, развивалась параллельно с конфликтным любовным сюжетом. Скованность любимой в ответ на порывистость лирического героя провоцировала отпор в стихах: «Прощай, царевна! / Я устал от лунных снов» («Таиах», 1905). Он пытался освободить героиню из плена грез и пробудить ее к реальности чувств, но видел тщетность собственных усилий. Его натура не удовлетворялась дружеским расположением («Мне нужны земные ласки / Пламя алого огня»). Стихотворение «Если сердце горит и трепещет...», 1905) обращено к художнице-англичанке Вайолет Харт, с которой Волошин сблизился летом 1905 года в Париже: «Не меня ты во мне обнимала, / Не тебя я во тьме целовал» (с. 58). Горечь была вызвана сознанием подмены истинного мнимым.

Несложившиеся отношения с Маргаритой Сабашниковой получают осмысление в привлекаемом мифе об Орфее и Эвридике («Мы заблудились в этом свете...»). Мотивы указанного мифа периодически вживлялись в ткань волошинской лирики. Тема его такова. Легендарный певец Орфей спускается в царство мертвых за своей любимой женой Эвридикой, но вывести ее из Аида он не в силах («По мертвым рекам всплески весел; / Орфей родную тень зовет»). В интерпретации Волошина Эвридика остается добровольной пленницей Аида. Художник же, сравнивший себя с Орфеем, покинутым Эвридикой, принадлежит к миру живых:

Я иду к разгулам будней,
К шумам буйных площадей,
К ярким полям полудней,
К пестроте живых людей...
(«Таиах», 1905).

Во «Втором письме» (1905), написанном от лица героини, она сама уподобляет себя мифической Эвридике, прикованной к царству мертвых («Я здесь брожу, как тень Аида...»). Героиня признается в своей неготовности к земной любви: «Мне надо снова воплотиться / И крови жертвенной напиток, / Чтобы понять язык людей. / Печален сон души моей. / Она безрадостна как Лета...».

Лирический сюжет второй части тетралогии заканчивается стихотворением «In mezza di camin...» (1907) – видоизмененным началом стиха из «Божественной комедии» Данте: «На половине пути». Стихотворение написано Волошиным после разрыва супружеской связи с Сабашниковой. Причиной разрыва явилась типично символистская история. Поэт-символист Вячеслав Иванов (1866-1949), проповедник мифотворчества в жизни, и его жена писательница Лидия Зиновьева-Аннибал (1872-1907) попытались вовлечь Маргариту в мистико-эротический семейный «треугольник».

В стихотворении «In mezza di camin...» Волошин создал притчу о своей встрече с «безумной девушкой» в «Дантовом лесу». Их сближению помешало появление Солнечного Зверя (аллюзия: апокалипсический Зверь из «Откровения Св. Иоанна Богослова»). Прообразом Солнечного Зверя мыслился Вячеслав Иванов, разрушитель семейного гнезда Волошина. Девушка спустилась к болотному Зверю «в зеркало чернеющих пучин» («Смертельной горечью была мне та потеря. // И в зрящем сумраке остался я один») [Волошин 1991].

Одиноким лирическим субъектом (Орфей, оставшийся без Эвридики) сублимирует свою эмоциональность и чувственность в процессе поэтического творчества.

Заглавие третьей книги тетралогии «Звезда Полюнь» представляет образ, взятый из Евангелия, из «Откровения Иоанна Богослова» (гл. 8, 10-11). Раздел посвящен Александре Михайловне Петровой (1871-1921) – другу и «верному спутнику» автора в его «духовных исканиях» (с. 409).

Процитируем из восьмой главы «Откровения»: «Третий Ангел вострубил, и упала с неба большая звезда, горящая подобно светильнику, и пала на третью часть рек и на источники вод. Имя сей звезде Полюнь; и третья часть вод сделалась полынью, и многие из людей умерли от вод, потому что они стали горьки» [Библия 1968: 281].

В третьей части тетралогии лирический персонаж как бы изолирован в пустынном пространстве и предоставлен самому себе. Стихотворение «Быть черною землей...» (1906) возвещает о процессе созревания души автора для поэзии: «Быть вспаханной землей... / И долго ждать, что вот / В меня сойдет, во мне распнется Слово» (с. 72). Слово, написанное с заглавной буквы, подразумевает Божественный Логос. Волошинские строки отправляют к началу первой главы Евангелия от Иоанна: «Вначале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог. /.../ Был Свет истинный, Который просвещает всякого человека, приходящего в мир» [Библия 1968: 100]. Волошин преисполняется верой в божественную природу искусства – он переживает период увлечения метафизикой. В частности, его интересуют идеи теософии – религиозно-мистического учения о божественной сущности человеческой души и возможностях общения живущих с потусторонним миром.

Стихотворный цикл «Руанский собор» (в разделе «Звезда Полюнь») посвящен Анне Рудольфовне Минцловой (ок. 1860-1910) – теософке, оказавшей на него влияние. Цикл имеет семичастную композицию. В центре его оказывается концепт *смерть*, получающий метафизическое истолкование. Смерть мыслится поэтом как «экстаз, момент высшего восторга жизни» (с. 410). «Огненную смерть» автор называет «факелом жизни» (с. 80). Возникает переключка с его же медитативным стихотворением «Быть заключенным в темнице мгновенья...» (1905): «Смерть и Рожденье – вся нить бытия» (с. 38). В цикле «Руанский собор» (в стихотворении «Смерть») конец земного пути праведника описывается как начало движения вверх по мистической вертикали:

Вьются ввысь прозрачные ступени,
Дух горит...
И дали без границ.
Здесь святых сияющие тени,
Шелест крыл и крики белых птиц.

В интерпретации Волошина нравственный человек, уподобленный Богу, следует Его опыту воскресения души за гранью земных дней.

В семи стихотворениях цикла «Руанский собор» изображены семь мистических «ступеней крестного пути» человека: «прикосновение к полу храма» (приобщение к вере), «бичевание» (прохождение через испытания ради веры), «терновый венец» (принятие своей *чаши* земных мук), «знаки пригвождения на руках» (*стигматы*, доказывающие подлинность страданий), «смерть на кресте» (православная кончина), «погребение» (достижение границы двух миров) и наконец «воскресение из мертвых» (подобное воскресению Христа). Волошин разграничил этапы земного бытия верующего человека в заметке «Крестный путь» (см. с. 410). Средневековый готический собор в Руане представлен как знаковый объект для выражения теософских воззрений автора.

Цикл «Киммерийские сумерки», посвященный художнику Константину Богаевскому, отразил душевную смуту, пережитую поэтом после разрыва с М.Сабашниковой. Цикл состоит из четырнадцати стихотворений. Киммерия – это античное название Восточного Крыма, где находится Коктебель – родное место Волошина («Я иду дорогой скорбной в мой безрадостный Коктебель...», с. 85). Поэт возвращается в *пустыню души* с чувством покинутости («И горькая душа тоскующей полыни / В истомной мгле качалась и текла», с. 84). Эпитеты *горький, пустынный, тоскующий* и пр. образуют минорный настрой цикла. Даже «гекзаметры волны» на морском берегу – античный стихотворный размер, которым Гомер писал свои поэмы, снабжается эпитетом *пустынные* («Звучат пустынные гекзаметры волны», с. 87). В морских волнах Киммерии поэту слышится нарратив Гомера – «напевы Одиссеи» (с. 88).

В заключительном разделе тетралогии («Алтари в пустыне») лейтмотивом звучит стихотворение «Призыв» (1908), где лирический персонаж таит надежду на то, что ему удастся спасти отравленную печалью любимую – не для себя, а для жизни. Акт спасения, в его представлении, труден, но возможен.

В статье Волошина «Лики творчества. Федор Сологуб» упоминается о религиозных празднествах (мистериях) на острове Сицилия, в городе Леонтина. Ведущими символами «леонтийских мистерий» были «желчь жизни и мед смерти» (с. 414). В стихотворении «Призыв» поэт обещает той, которая отдалилась от него:

Я солью в сосуде медном
Жизни желчь и смерти мед,
И тебя по рекам бледным
К солнцу горечь повлечет.

Мифологические аналогии призывают найти душевные силы для выхода из противоречий сознания, принять «сладкую неволю / Жизни, лика и земли» (с. 107).

Эмоциональное средоточие последней части тетралогии усматривается в стихотворении «Она», где вслед за Владимиром Соловьевым поэт восславляет Вечную Женственность, растворившуюся в религиозно-культурном пространстве Земли:

Пред нею падал я во прах,
Целуя пламенные ризы
Царевны Солнца Таиах
И покрывало Моны-Лизы.

Под гул молитв и дальний звон
Склонялся в сладостном бессильи
Пред ликом восковых Мадонн
На знойных улицах Севильи.

Воедино соединяются художественные впечатления автора от «царевны Солнца» Маргариты Сабашниковой, от героини живописного полотна Моны-Лизы и от ликов восковых Мадонн в Испании. Вечно Женственное утверждается им как воплощение божественной красоты в жизни и в искусстве.

К четвертому разделу книги прилагается венок сонетов, озаглавленный «Corona Astralis» (лат. *Звездная Корона*). Цикл состоит из пятнадцати сонетов, связывающих в одно целое заключительную строку предыдущего сонета с начальной строкой последующего посредством повторения строки. Таким способом создается «ключевой

сонет-магистрал» (с. 415). Сомнения в любви и в земной гармонии берут верх в настроенности поэта, познавшего горечь потери любимой:

Со всех сторон из мглы глядят на нас
Зрачки чужих, всегда враждебных глаз,
Ни светом звезд, ни солнцем не согреты,

Стремя свой путь в пространствах вечной тьмы,
В себе несем свое изгнание мы
В мирах любви неверные кометы
(«А темные восторги расставанья...», 1909).

Преобладающим остается в заключительном разделе книги мотив странничества творца в пустыне духа.

Поэтическая тетралогия Максимилиана Волошина «Стихотворения. 1900-1910» представляет собой образец интермедиальной лирики: автор ищет адекватного сопряжения языка искусств (живописи, графики, архитектуры, скульптуры и пр.) с языком поэзии. Культурный объект, обладающий вещественной формой, используется для сопоставления с духовностью лирического субъекта. Объект уловлен в характерных координатах и поставлен в зависимость от особенностей художнического восприятия поэта. **Ему надлежит раствориться в авторской философии бытия, не потеряв своих предметных форм.** За урбанистическим *пейзажем* и *портретом* архитектурного шедевра кроется авторская настроенность, требующая коммуникативной связи с другими потребителями культуры. Волошинский поэтический язык обретает признаки одухотворенной вещественности. Рождается представление о мире художественной культуры как о земном рае человечества. В этом заключается ответ Волошина-поэта символистам с их апологиями того, чего «никогда не бывает» (З.Гиппиус). Явно засвидетельствовано внимание автора к идеям Владимира Соловьева о спасительной для духовного здоровья человечества роли всемирного искусства.

Цель волошинского стилевого синкретизма в жанре лирики – выразить мировосприятие человека Серебряного века, для которого мир европейской культуры более значим, чем мир социума. Это стремление поэта отчетливо прослеживается в его стихах, написанных в 1900-1910 гг. Спустя годы Максимилиан Волошин впустил в свою поэзию мир социума и переключился на гражданскую тематику (мы имеем в виду не публиковавшиеся отдельно и своевременно поэтический цикл «Усобица», стихотворную трагедию «Путями Каина» и др.). Но и при выражении гражданских умонастроений он оставался художником и ваятелем культурных и мифологических реалий, исполненных глубинного философского смысла.

2. ФУНКЦИОНАЛЬНОСТЬ ЗНАКОВ КУЛЬТУРЫ В ПОЭЗИИ М.ВОЛОШИНА 1910-х ГОДОВ

Максимилиан Волошин справедливо называл себя писателем вне литературы. После книги «Стихотворения. 1900-1910», вышедшей в 1910 г., он предпринял неудачную попытку издания нового сборника лирики «SELVA OSCURA» со стихотворениями, созданными в период 1910 – 1914 гг. «Selva oscura» означает «Темный лес», словосочетание из «Божественной комедии» Данте в итальянском оригинале. Автор послал рукопись стихотворного сборника из Коктебеля в Москву

своему другу поэтессе Софье Парнок для передачи в Госиздат. Рукопись отвергли, усмотрев в стихах мистический настрой, а С.Парнок в письме к Волошину от 14 июня 1923 года уверяла поэта в будущем возрождении его отвергнутой книги: «...если она не для сегодняшнего дня, то для завтрашнего, ... для вечного дня, во имя которого живет истинное искусство...» [Волошин 1989: 397].

В новом сборнике усматриваются тематические и мотивные связи с книгой «Стихотворения. 1900-1910». В поэтической книге «SELVA OSCURA» Волошин во второй раз использует словосочетание *Selva oscura* из «Божественной комедии» Данте (имеется в виду стихотворение первого сборника «IN MEZZA DI CAMIN...» – в переводе с итальянского «На середине пути...», начало дантовской Комедии). В дальнейшем мы обратим внимание и на другие переключки с предыдущим изданием стихов. Оба заглавия связаны для Волошина со смятенным душевным состоянием, вызванным разрывом с любимой женой – художницей Маргаритой Сабашниковой.

Стремление к созданию стихотворных циклов проявляется у Волошина в течение всего творческого пути (это движение к эпизации лирики). Циклы пронумерованы, а их заглавия содержат философские обобщения. Первый цикл сборника «Selva oscura», озаглавленный «Блуждания», состоит из двадцати пяти стихотворений. В Автобиографии (1925) поэт выделил период *блужданий* духа, обозначив его хронологическим отрезком 1905 – 1912 годов: «...буддизм, католичество, магия, масонство, оккультизм, философия, Р.Штейнер. Период больших личных переживаний романтического и мистического характера» (с. 350).

Цикл начинается стихотворением «Теперь я мертв. Я стал строками книги...» (1910), обращенным к поэтессе Елизавете Дмитриевой (Черубине де Габриак). С Дмитриевой в период 1909-1910 годов у Волошина складывались противоречивые отношения после этапа взаимной увлеченности друг другом. Поэт обладал способностью доверительно общаться с женщинами. В отношениях с женским полом его отличал устойчивый комплекс ощущений: *чувственность/чувство, любовь/дружба* – в переживаниях эмоций, которые им поэтизировались. В данной ситуации переход от любовной связи к дружбе выражен параллелью из Евангелия: отношение Иисуса Христа к Марии Магдалине («Не отходи смущенной Магдалиной – / Мой гроб не пуст...»). Основание для сравнения с творцом – издание книги лирики «Стихотворения. 1900-1910», предназначенной в качестве подарка адресату. В другом стихотворном обращении к Дмитриевой («Себя покорно предавая сжечь...», 1910) поэт образно проясняет перемену статуса их отношений: «Целую край одежд твоих. Мне больно / С тобой гореть, еще больней – уйти» (с. 146).

Предположительно обращено к Марине Цветаевой волошинское стихотворение «Раскрыв ладонь, плечо склонила...» (1910). Термин хиромантии *Венерино кольцо* превращен в семантическое ядро стихотворения. «Венериным кольцом» называется линия, «характеризующая темперамент человека» (с. 417). Эта линия ладони объединяет поэтессу-адресата с автором: «...мы в кольце одной неволи – / В двойном потоке бытия». Линиями ладони предопределено, по Волошину, родство душ. Частные доводы хиромантии укрепляли его убежденность в душевном родстве с Цветаевой.

Периодически волнующие поэта представления о собственном посмертном бытии приводят его к эмоциональному переживанию библейских картин. В стихотворном тексте «Я к нагорьям держу свой путь» (1913) переосмысливается сон праотца Иакова из книги Бытия: «...вот, лестница стоит на земле, а верх ее касается неба; и вот, Ангелы Божии восходят и нисходят по ней» [Библия 1968: 29]. Поэт предвкушает посмертное умиротворение, перенося на себя религиозно-мистическое видение: «Вижу к небу в лиловой мгле / Возносящиеся ступени... / Кто-то сладко прильнул к земле / И целует мои колени» (с. 151). Параллель с библейским текстом

сродни нравственному абсолюту, в границах которого двигалась вольнолюбивая муза Волошина.

В ряде стихотворений поэт приобщается к идеям древнегреческого философа и писателя Платона («Как некий юноша в скитаньях без возврата...», 1913). Творчески обыгрывается притча Платона о юноше, похищенном разбойниками в раннем детстве и безуспешно разыскивающим своих родителей. В толковании Волошина, юноша помнит о своей семье то, что «там все были счастливы и мудры» (с. 418), но поиски приводят его к разочарованиям. Избрав платоновского юношу другом-двойником, поэт выражает надежду на реальное обретение того, что относится к области мечты, он предвидит трудность и продолжительность поисков («И знаю, что приду к отцовскому шатру, / Где ждут меня мои и где я жил когда-то»).

Притча Платона из диалога «Пир» о разделенных Зевсом человеческих половинах, которые затем пытаются найти свою вторую половину, отразилась в стихотворении «Отроком строгим бродил я...» (1911). Поэт использует в целях полемики платоновскую идею о поисках индивидом единственно необходимого ему существа. Привлечение притчи для него – средство поведать о странностях собственной натуры: «...мне не дано радости / Замкнуться в любви к одному: / Я покидаю всех и никого не забываю» (с. 160).

Интерес к оккультным наукам привел Волошина к вовлечению оккультных идей в творчество («Ступни горят, в пыли дорог – душа...», 1910). Оккультизм привлекал художника-мыслителя акцентированием связи между явлениями внешнего и внутреннего миров. Он записывал: «Надо учиться различать звуки, исходящие от вещей бездушных...» (с. 419). Пластическая изобразительность в стихотворении наполнялась им внутренним смыслом («Учись внимать молчанию садов, / Дыханью трав и запаху цветов»).

Из древнеиндийского эпоса «Бхагавадгита» (часть «Махабхарата») извлечен мотив, содержащийся в поучении бога Кришны царевичу Арджуне перед сражением: «Быть всей душой в борьбе» (с. 419). Мотив обыгран в стихотворении «Я верен темному завету...» (1910). Борьба до смертельного конца во имя любви ведет к бессмертию. Вера в духовное бессмертие поддерживается приобщением к индийской религиозной философии («Неистошимо семя духа / И плоть моя – росток огня...»).

Антропософское представление о деторождении образно реализовано в стихотворении «Пещера» (1915). Лишь «чье-то желание воплощения» (с. 419) выражает, по Волошину, сексуальное влечение человека: «Не мы, а он возжаждал видеть твердь! / И наша страсть – полет его рожденья...».

Антропософия (основатель учения – Рудольф Штейнер, 1912 г.) привлекла Волошина глубиной *созерцания* духовной материи. Антропософская доктрина учит: «Телом управляет закон наследования, душой – созданная ею самой судьба» [Краткая философская энциклопедия 1994: 25].

Параллель к «Пещере», по авторскому замыслу, представляет стихотворение «Материнство» (1917). В письме к другу А.Петровой (1917 г.) Волошин пересказал сон своей матери Елены Оттобальдовны. Мать спрашивала, как его имя, а он не отвечал. В стихотворении прозвучал ответ Сына, обращенный к Матери: «Дитя растет, и в нем растет иной, / не женщиной рожденный, непокорный, / но связанный твоей тоской упорной – твоею вязью родовой». Сын рождается для *разрыва* с матерью, а *возврат* сына к матери совершается в их душах, исполненных преданной любви друг к другу («Как ты во мне, так я в тебе распят»).

Цикл «Киммерийская весна», состоящий из двадцати стихотворений, переключается с циклом из сборника 1910 года «Киммерийские сумерки». Напомним, что *Киммерией* Волошин называл Восточный Крым, где находился Коктебель – его

родина духа, наряду с Парижем. Использовалось старинное эллинское название крымской местности. И для Черного моря он сохранял древнегреческое название *Эвксинский понт*, что означает *гостеприимное море* (с. 420): «Все так же пуст Эвксинский понт, / И так же рдян закат суровый...» («Моя земля хранит покой...», 1910).

В соответствии с заглавием цикла «Киммерийская весна» античный колорит усиливался введением в отдельных стихотворениях *Алкеевой строфы*, состоящей из двух дактилей и двух хореев. Изобретение эллинского поэта Алкея вовлекается Волошиным в собственное творчество как эксперимент в области стихосложения («Седым и низким облаком повит...», 1910). Вводит поэт и *сапфическую строфу*, названную по имени древнегреческой поэтессы Сафо, – стих, состоящий из одиннадцати слогов, сочетающих *хорей* и *дактиль* («День молочно-сизый расцвел и замер...», 1910).

Для художественных целей вводятся древнегреческие мифы. Учитываются и их дальнейшие литературные переосмысления. В пейзажной картине («Над синевой зубчатых чащ...», 1913) использован миф о *гамадриадах* – «нимфах деревьев, которые, в отличие от *дриады*, рождаются вместе с деревом и гибнут вместе с ним» [Мифы народов мира 1987: 262]. Образ воспринят Волошиным из записей Барбэ д'Оревильи, французского писателя – позднего романтика XIX века: «Вчера и позавчера проливные ливни и безумные порывы ветра. Природа похожа на кричащую гамадриаду» (с. 420). У Волошина экспрессивное описание грозы сводится к словосочетанию «Кричащая Гамадриада» (с. 165).

Французский писатель Реми де Гурмон в «Книге масок» (1896-1898) писал об Эмиле Верхарне: «Он выходит на крышу своего дома и посылает проклятия на четыре стороны света» (с. 421). В стихотворении «Выйди на кровлю...» (1924) Волошин отталкивался от образа негодующего Вархарна, созданного Гурмоном, чтобы нарисовать автобиографическую картину своего ежеутреннего выхода на *вышку*, кровлю кокетельского дома, с прямо противоположной целью – для «медитативного приветствия наступающему дню» (с. 421).

Стихотворение «Пустыня» (1919) перекликается уже своим заглавием с вводным стихотворением сборника 1910 года («Пустыня», 1901). «Пустыня» 1919 года вбирает в себя автобиографизм, модернистские идеи *скифства*, древние религиозные культы («...камни грубых алтарей») и – в качестве зрительной и смысловой пуанты – образ из Библии – *Неопалимая купина* – «терновый куст горит огнем, но куст не сгорает» [Библия 1968: 59]. Из *Неопалимой купины* Господь говорил с Моисеем. Образ пустыни оставался для Волошина символическим центром бытия и творчества.

Цикл «Блуждания» воспринимается в его преемственности с первой частью сборника 1910 года, озаглавленной «Годы Странствий». Оба раздела содержат разносторонние духовные искания поэта. Оба заглавия ведут к представлению о движении автора в реальном и духовном пространстве, т.е. в конечном счете содержательность данных циклов связана с мотивом странничества поэта в мире культуры.

В цикле «Облики» собраны *портретные* стихотворения, в отличие от *пейзажной* и *пространственной* тематических доминант цикла «Киммерийская весна».

Текст «Ты живешь в молчаньи темных комнат...» (1910) обращен к Елизавете Дмитриевой. В автографе было уточнено посвящение: «Черубине де Габриак» (с. 422). Стилизация при описании пространства, обитаемого мистифицированным образом поэта, была связана с накоплением вещных реалий: *шелка*, *зеркала*, *картины* и *киоты* (Черубина позиционировала себя как убежденную католичку). наброски портрета

героини требовали сравнения с живописью: «...тебе мучительно знакомы /... / Тонкость рук у юношей Содомы, / Змийность уст у женщин Леонардо...».

Восторженный сонет в цикле «Облики» посвящается французскому художнику XIX века Адольфу Монтичелли. В статье «Москва. Выставки» («Русская художественная летопись», 1911, №1) Волошин говорил о его творчестве как о «высочайшем достижении нашего времени в области пышности красок» (с. 422). При описании живописного мастерства Монтичелли полотно как бы оживает («Девичья грудь и голова пажа, / Лукавых уст невинное бесстыдство / И в быстрых пальцах пламя мятежа...»). Раскрытие характера портретного персонажа, в восприятии поэта-художника, связано с красочностью изображения, с энергией кисти.

Вводится и прием сравнения одной картины с другой. Работа Монтичелли сравнивается с картиной французского художника XVIII века Антуана Ватто «Отплытие на остров Цитеру» – греческий остров в Средиземном море, где утвердился культ Астарты, финикийской богини любви («Так смотрит вдаль на мгlistый брег Цитеры / Влюбленный паж на барке у Ватто», с. 176).

Для поэтического портрета *демонической женщины* («Не успокоена в покое...», 1916) вводится ассоциация, связанная с греховностью женщин в библейской Гоморре, наказанной Богом за распущенность нравов («И строгих девушек Гоморры / Любовь познавшие глаза»). Косвенной портретной характеристике служит и напоминание о библейской Юдифи, вероломно отрубившей голову ассирийскому полководцу Олоферну («И емлют пальцы тонких рук / Клинок невидимой секиры»). Коннотации с библейскими сюжетами помогают сохранить этичность тональности при упоминаниях об опасных качествах модели («В тебе есть темное и злое...»).

Портрет теософки А.Р.Минцловой (ок. 1860-1910) был создан Волошиным в стихотворении «Безумья и огня венец...» (1911). Минцлова в его сотворении – носительница сверхчувственного опыта («лицо готической сивиллы», «глаз невидящих свинец»). Для образного внушения при создании портрета дано уподобление Минцловой сивиллам – пророчицам из древнегреческой мифологии. Сравнение героини со слепой, но всевидящей сивиллой, напоминающее об ослабленном зрении Минцловой, – формообразующее смысловое зерно портрета. Влияние Анны Рудольфовны Минцловой Волошин испытывал в предшествующие годы и посвятил ей в сборнике 1910 года затронутый нами цикл «Руанский собор» – о крестном пути человека на земле и за ее пределами.

К дочери искусствоведа А.П.Новицкого обращено стихотворение «Альбомы нынче стали редки...» (1912). В целях воспроизведения внешнего портрета Марии Новицкой поэт-художник использовал свои общие впечатления от картин средневекового французского художника Николя Пуссена:

Я ваш ли видел беглый взгляд
И стан, и смуглые колена
Меж хороводами дриад
Во мгле скалистых стран Пуссена?

Описанное впечатление от картин классического художника привносит косвенные ощущения грациозности девушки – адресата стихотворения и галантного отношения к ней автора.

Один из повторяющихся приемов Волошина-поэта при создании личного портрета – описание среды обитания интересующего его лица. К литератору Рашели Хин (в замужестве Гольдовской) обращено стихотворение «Я мысленно вхожу в ваш кабинет...» (1913). Обстановка кабинета как бы сама *повествует* об интеллектуальных

запросах хозяйки: «Бодлера лик, нормандский ус Флобера, / Скептический Франс, святой сатир – Верлен, / Кузнец – Бальзак, чеканщики Гонкуры...» (с. 184). Она живет в мире французской литературы, любимой Волошиным, и это так же признак их взаимного духовного притяжения.

В стихотворном портрете, озаглавленном «Ропшин» (1915), создан образ Бориса Савинкова – одного из руководителей «Боевой организации» эсеров, участника террористических нападений на видных российских сановников. Ропшин, в изображении Волошина, – порождение своего «железного века». Символизирует образ Савинкова олень «с крестом между рогов»: «в руках кинжал, а в сердце крест». Раскрытию образа служит религиозная легенда средневековой Германии об Иоахиме Втором Бранденбургском (с. 424). Легенда убеждает в жертвенности борцов «за крест». Волошин пытается найти смысл деятельности революционного террориста, занимавшегося также и писательской деятельностью.

Константин Бальмонт, любимый Волошиным, изображен как двойник персонажа из древнегреческого мифа («Фаэтон», 1914). Родство с персонажем связывает имя Бальмонта с его знаменитым сборником «Будем как солнце» (1903). Мифический Фаэтон известен тем, что он вызвался управлять солнечной колесницей своего отца Гелиоса и был истреблен огнем. В восприятии Волошина Бальмонт – вечный провозвестник Солнца.

Как и книга стихотворений 1910 года, подготовленный в 1922 году, но своевременно не изданный сборник «SELVA OSCURA» завершается циклом сонетов. Как уже отмечалось, опубликованный в указанной книге веночек сонетов «CORONA ASTRALIS» (1909) состоит из пятнадцати стихотворений, включая вводный сонет «В мирах любви – неверные кометы...». В сонетном цикле книги отразилось увлечение Волошина оккультизмом: раскрыто эзотерическое начало в мировосприятии автора и рассеяны раздумья о его личной и творческой судьбе. Веночек сонетов, завершающих сборник стихов 1922 года, озаглавлен «LUNARIA» (1913). Он так же включает в себя пятнадцать стихотворений и повторяет конструкцию сонетного цикла 1909 года. Вторично применяется конструкция, состоящая в образовании ключевого сонета-магистрала посредством дублирования последней строки предыдущего сонета в первой строке последующего.

Лунария, или *лунник*, означает «растение семейства крестоцветных, плоские эллиптические стручки его затянуты перламутровой пленкой» (с. 426). В соответствии с заглавием автор подбирает в венке сонетов сведения о луне, почерпнутые из мифов разных народов.

В письме к Александре Петровой (1871-1921) поэт уточнял: «Мое представление о Луне в «Венке» – люциферическое» (с. 426).

Вдохновителем лунного мира в цикле сонетов выступает *Денница-Люцифер*. Образ Денницы заимствован из славянской мифологии, означает *полуденная звезда*. В христианской традиции *люцифер* – «одно из обозначений сатаны как подражателя свету бога» (с. 427). Луна представлена в волошинском цикле *голгофой души*. Собирая разложившиеся души, луна предстает «жадным трупом отвергнутого мира» (с. 202). При этом таинственное ночное светило обладает силой мощного притяжения. К «жемчужине небесной тишины» устремлены сердца влюбленных и отчаянных людей, тянутся к ней и «цветы дурмана» – *лунники*.

Сделав луну *люциферической* поверхностью, поэт обобщил в венке сонетов «LUNARIA» противоречивые представления человечества о планете, имитирующей солнце и достигающей эффектов созидания посредством актов разрушения. Таким опосредствованным художественным способом Волошин проводил идею соответствия *космогония / религия*.

Стихотворение «Подмастерье» (1917), завершающее сборник «SELVA OSCURA», задумывалось автором как выражение собственного «поэтического символа веры» (с. 428).

В качестве смыслового зерна избирается сентенция мастера Януса из драмы «Аксель» французского писателя XIX века Вилье де Лиль Адана. Философское умозаключение гласит: «Познание – это воспоминание. Человек не учится – он только находит потерянное: вселенная лишь предлог для развития этого всезнания» (с. 428). В дополнение к накапливаемой поэтом книжной мудрости присовокупляется мысль из «Теургии» слабо изученного античного философа Порфирия: «Словом, которое есть земное тело мысли, мы можем осязать дорогу пред собой, и мгновение, осознанное словом, становится частью нашего астрального тела» (с. 428).

Превращение автобиографического субъекта в мастера в стихотворении «Подмастерье» совершается при глубинном, включительно иррациональном, проникновении индивидуального сознания в целостное состояние Вселенной. По Волошину, поэт – «...не сын земли, / Но путник по вселенным».

Спустя годы, когда последовала смерть М.Волошина в Коктебеле 11 августа 1932 года, в **полдень**, Марина Цветаева откликнулась из Франции мемуаром «Живое о живом» (1933). Свое обширное повествование Цветаева начала с замечания о том, что он умер «в свой час», в то астрономическое время суток, когда «тело растворено в теле мира». Соответственно дух поэта растворился в *плоти* мироздания.

Поскольку мы лишь начинаем познавать интеллектуальную глубину поэзии Максимилиана Волошина, напрашивается некий общеэстетический вывод. Поэт внушает читателям, для которых он в сущности остался неведом (за вероятным исключением узкого круга близких друзей и специалистов-искусствоведов), что каждый новый творец лишь *надстраивает* то, что было создано до него, и потому должен исходить из колоссального культурного массива, не обходя древнейших времен и не отстраняясь от сомнительного для некоторых опыта, связанного с оккультизмом, эзотериком, сатанизмом, масонством и пр., ведущих поэта к универсальному познанию добра и зла. Книга волошинских статей «Лики Творчества» (1988) раскрывает влечение поэта-художника практически ко всем существующим искусствам. Его предпочтения были связаны с библейскими и евангельскими притчами, с античной мифологией, с идеями французских писателей, со зрелищностью итальянской живописи, с философией классической и современной. Когда идеи и образы поэта укоренены в общечеловеческом опыте, в нем растет самоощущение создателя мировой культуры.

Канон Максимилиана Волошина побуждает современного поэта к творческому освоению мира культуры как параллельного реальному миру и к извлечению из культурных реалий возможного максимума эстетических потенциалов.

ЛИТЕРАТУРА

Библия 1968 – Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. Канонические. В русском переводе. С параллельными местами. М., 1968.

Волошин 1989 – *Максимилиан Волошин*. Стихотворения. М., 1989. Стихотворения цитируются по этому изданию с указанием страницы в тексте (в написании соблюдаются правила современной орфографии).

Волошин 1988 – *Максимилиан Волошин*. Избранные стихотворения. М., 1988 (письмо М.Волошина С.Маковскому).

Волошин 1988 – *Максимилиан Волошин*. Лики творчества. Л., 1988.

Волошин 1990 – *Максимилиан Волошин*. Путник по вселенным. М., 1990.

Волошин 1991 – *Максимилиан Волошин*. Автобиографическая проза. Дневники. М., 1991 («История моей души»).

Краткая философская энциклопедия. М., 1994.

Мифы народов мира. Энциклопедия. Т. 1. М., 1987.

Сорокин 1920 – *Сорокин П.А.* Система социологии. Т. 1. Петроград, 1920.

Галина Георгиева

АСИМЕТРИИ НА УТОПИЧНИТЕ И АНТИУТОПИЧНИ ПРОЕКТИ В РУСКАТА ЛИТЕРАТУРА ОТ НАЧАЛОТО НА ХХ ВЕК

I. Vita activa или кога човек не е по-малко от единица

Според руския нобелист Йосиф Бродски човек не е сбор от различни единици, човек е може би по-малко от единица, по-малко от едно, по-малко от човек, т.е. от себе си. Използваме това метафорично твърдение като предлагаме тълкуване на най-първично ниво: по-малко от едно означава незавършеност, незапълненост, частичност; по-малко от единица е част, съставляваща заедно с други единица; по-малко от човек е ситуация, в която човек не разпознава себе си като такъв и се стреми към набавяне на цялостта. От казаното може да се направи изводът: човекът е частица, заредена с недостиг и може би стремяща се към изграждане на някаква цялост. Може да последва въпросът: възможно ли е да се набавят отсъстващите части, да се намерят парчетата, съставлящи цялото, да се запълнят празнотите; как се преодолява първоначалната откъснатост част(ич)ност спрямо единицата и компенсируем ли е недостигът? Въпросите като че ли предполагат проблематизиране на индивида в полето на социалното, на общностното живеене.

Едно от популярните разбирания за Новото време е, че то е епоха на еманципационните дискурси. Под това би трябвало да се разбира преди всичко освобождаване на индивида от традиционните му обществени обвързаности. Паралелно с това човекът се еманципира от природата, от нейната власт, като се опитва да я подчини на собствените си рационални закони. Този просвещенски проект обаче постепенно изпада в криза (според автори като Зигмунд Бауман например), за която в руски контекст свидетелства утопичното мислене, характерно за края на XIX и началото на XX век, където концепцията за индивида отново бива приютена в лоното на обществения идеал. Идеята да се обвърже индивидуалното с общностното следва логиката на една културна постановка, която говори за индивида с оглед на социалните измерения и резултати на неговата дейност, с оглед на видовете активност, които предприема, с оглед на отношенията, в които индивидът попада, вършейки ежедневна или друга работа в рамките на дадена общност.

Адекватен инструмент за навлизане в тази проблематика е концептът за *vita activa*, който имплицира разбиране за човека по-скоро като непрекъснат процес на формиране и утвърждаване, отколкото като завършена даденост. Чрез понятието за *vita activa*, или дейния живот, традиционно противопоставяно на понятието за *vita contemplativa*, или съзерцателния живот, човекът се разглежда в процеса на своята дейност и чрез следствията на своя труд, перспектива, характерна за мисленето на Новото време и контрастираща на предмодерното разбиране за човека, което разглежда човека като статичност, разкриваща чрез съзерцание и пасивно осмисляне истината за мирозданието. Преместването на акцента от съзерцателния към дейния живот е свързано с променените социални и културни условия на Новото време. Не случайно именно по този повод немската изследователка Хана Аренд посочва в своята посветена на

трансформациите на Новото време книга «Vita activa или о деятельной жизни», че провалът на теоретичното познание за сметка на практическото, е белег не за това, че интересът към истината е изчезнал, а за това, че се е разпространило убеждението, че истината ще се разкрие само чрез «вмешателство», а не чрез «вглеждане». Съмнението на модерния човек в обективната истина, в самопоказването и разкриването на явленията «пред вътрешното око на съзерцаващия», по мнението на Аренд, води до опит да се търси достоверност и упование само в произведеното от самия човек, до способност да се познават вещите, които той сам е направил. Така разбираем и овладяем става само светът на вещите, на артефактите, а порядъкът на природата и вселената, и без това изплъзващ се и неразбираем, ще бъде заменен.

Общото правене на Новия свят е свързано и с неуспеха на човек да идентифицира себе си – в рамките на собствените си граници (като едната възможна рамка на идентификацията) или чрез безкрайното и непреодолимото, т.е. в перспективата на Бог (като другата) – и е опит да открие себе си чрез връзки и взаимоотношения с другите (идея, ключова за Маркс и широко коментирана от Аренд). Така не животът на безтелесните души след смъртта се оказва важен, а животът на *телесно* свързаните души на земята, следвайки логиката на Аренд и помнейки платоническите корени на това разбиране. В дейния живот, условие за изграждане на общност, светът на артефактите става гарант за лична и колективна устойчивост и неунищожимост. Животът, който природата предлага на модерния човек, е живот без дом, светът на предметите се оказва най-човешкия свят за човека, това е светът, противопоставящ се на света на природата, а по този начин и на смъртта. Нещата – творения, действия, думи, създадени от смъртните, ще се въдворят в космоса, като така смъртните ще могат да намерят заслужено място сред порядъка на нещата, където всичко е непреходно, освен тях самите, повелява изводът на немската мислителка. В този смисъл, трансформирането на безкрайната липса на безкрайната идентичност в хомогенното тяло на дейната общност е пределният хоризонт на това усилие.

Имат ли подобни размисли и възгледи почва и основание за коментар в крайно ексцентричните утопични социални проекти в Русия от края на XIX и началото на XX век. Без претенция за изчерпателност и обхватност ще маркираме някои от тях и като търсим как се съотнасят разбирането за деен, съзидателен живот и въпроса за единичността, обусловеността и крайността на индивида.

Преодоляването на земната крайност, на смъртта е основен фокус на проекта за общ и деен живот, който предлага руският философ Николай Фьодоров. Разбирането за деен живот намира израз както в идеята за ефективно приложение на тогавашните научни достижения с цел регулиране на природата, така и в идеята за преодоляване на «небратското състояние на света». Руският религиозен мислител вижда решение на въпроса за човека в обединението, побратимяването на всички хора, чиято организирана сила, ще доведе до възкресяване на мъртвите – финална цел на проекта. За постигане на тази цел ключова е ролята на труда, водещ до развитието на науката и до утвърждаване господството на разума. Чрез общите активни усилия на хората основният им враг – природата, може в крайна сметка да бъде доведена до състояние на разумност и съзнателност. Вярата в безусловната победа на Разума кара Фьодоров да гледа на смъртта не като норма, а като патология на битието, израз на неговата неразумност. Живеенето на живите заедно и употребата на науката и новите технологии ще доведат до преодоляване силата на сляпата, неразумна

природа, в този смисъл и на природата вътре в човека, препятстваша личното усъвършенстване, което ще премахне както безнравствеността, така и смъртта. Особено важно в проекта на Фьодоров е мястото на учените и интелигенцията, именно те са натоварени със задачата да аниhilират разделението между мисъл и дело – най-голямото бедствие според философа; те трябва да съдействат за съгласуването на ума и знанието с чувството и волята, защото само така ще бъде утвърдено доброто и установено родството. Учените от своя страна ще дадат пример на «неучените», и така всички хора, като участват в знанието, изкуството и труда, ще спомогнат за осъществяване на «общото дело» – живеенето в «братство» и възкресяването на мъртвите. Учението на Фьодоров разчита на «общото действие», на единното действие на общността, то бива наречено от философа «позитивизъм, но такъв, който се отнася до действието».

Действеният живот и набавянето на смисъл на индивидуалното съществуване чрез съпричастността към създаването на нова общност е в основата на проекта на руския писател и общественик Александър Богданов. В книгата си «Тектология. Всеобщая организационная наука» той предлага организираността да стане основен принцип на предефинирането на обществената сфера в Русия. Актуалната задача, по собствените му думи, е да се съорганизират трудовите сили и средствата за производство в планомерно функционираща система, да се постигне «организация на хората и предметите в целесъобразно единство». Извеждането на «принципа на организираността» като общ за всички явления и на природата и цивилизацията, дава основания според Богданов да се приложат механизмите му и върху всички тепърва възникващи явления, процеси, ситуации. В резултат на това, норма става предложението за организация на природните сили и явления, на човешките сили и явления, на целия съществуващ опит и на бъдещия такъв. Следвайки логиката на идеята си за все-обхватност и все-организираност, контролът се появява като задължителното условие за управление на опита – човешки, природен, вселенски. Трудът – колективната спойка, механизъм за организираност, но и източникът на наслада за Новия човек – чертае траекториите на щастливите хармонични движения на бъдещия хомогенен Субект. Завършеност утопичната концепция на Богданов придобива с основания от самия него първи в света институт за преливане на кръв през 1926 година целящ повишаването на жизнеността на организма, удължаването на човешкия живот и, с особен акцент, побратимяването чрез кръвопреливане. В акта на кръвообмена прозира намерението да се изгради общност, участниците в която съставят хомогенно тяло. Характерни за древните езически общества подобни ритуали, пренесени в медицински институт в революционна Русия, имат по-различни функция и смисъл; както посочва българският философ Владислав Тодоров, коментирайки инициативата на Богданов, в случая «другарството не изхожда от религиозната любов, а от принципа на технологическото сближаване на телата в процеса на труда. Другарството е в пряка връзка с новата геометрическа разумност. Човешкото тяло трябва да стане непосредствена субстанция на другарството. Ето защо пролетарското тяло на класата трябва да бъде сплотено чрез единно вещество. За Богданов кръвта е веществото, което трябва да се разменя и така да влива другарството непосредствено в телата». Така чрез кръвопреливането не само става възможно хомогенизирането на единен колективен субект, споделянето на кръвта, осъществяването на братството, гарантира и непрекъснатостта на новата общност, като по този начин се преодолява смъртта. Но опитът да се произведе

«физически чисто» комунално тяло се проваля, Богданов умира след обмяна на кръвта си с кръв на човек, несъвместима с неговата.

Друг идеолог на Пролеткулта Алексей Гастев, също широко и шумно разгръща идеята за активен, деен живот, живот, пропит от щастието на колективния труд, в който отделната единица доброволно заличава себе си в името на единния механизъм на сплотената общност. Основният патос в теоретичната и художествена практика на Гастев се състои в усъвършенстването на човека в посока на по-голяма устойчивост и производителност, в посока сливане в хармонично движение на колективното цяло. Във връзка с това като приоритетни нему и на съвременниците му задачи Гастев извежда следното: «биологичен ремонт», «поправка» на отделния човек и организирано «ваксиниране», «облагородяване» на целия живот, като пътят на подобни процедури минава през трудовата и производителната дейност на целия колектив, според поета. Несъвършенството на човека може да се преодолее в труда, чрез съзидание, чрез една своеобразна «творческа инженерия» по терминологията на Гастев. Дейността е съзидание, преобразяваща материя, своеобразно творчество, «поправящо» и човека и природата, трудовата дейност е «най-висшата художествена легенда», съхраняваща и разказваща за тайнството на новото «ремонтиране» и «облагородяване». Проектът за усъвършенстване, предлаган от Гастев, в своята крайна фаза привижда човека като машина, като рационален, ненараним, произвеждащ Субект, като деен инженер, проектиращ новото място за общо живеене, като машинист, изграждащ това място. Новият Субект (инженер-машинист) освен проекция на новия свръх-човек, освободен от индивидуалност и болезнена вътрешност, трябва да е и изразител на модела за единен, неделим колективен Субект. Лишен от вътрешен свят и персонални характеристики, новият творец-машинист е новият строител на всеобщия, единствен и надперсонален свят на телесния трудов колектив. Той е новата «масова свръх организираност на телата», по сполучливото определение на Вл. Тодоров, чийто коментар продължава в същия дух: «творец-машинист сам по себе си не е някакво отделно тяло, той е организирано състояние на трудовите тела с машиноиден принцип на общо действие». Тази пределна организираност, този напълно наличен в колектива машинизиран разум неизбежно паразитира върху трудовите тела, върху тяхната постоянна дейност по преодоляването на органиката, репрезентирайки се в творението на техния труд – поправената органика, машината. Така се осъществява и другия важен момент в концепцията на пролетарския идеолог – «облагородяването» на живота, постижимо чрез машинизирането на обществото, чрез модернизираната «литургическа сплотеност на телата» (по думите на Вл. Тодоров). Проектът за машинизирането на живота на Гастев е въплъщение на опита за конструиране на машина с органи – общността е телесна машина, въвличена непрекъснато в затворения производствен цикъл на собственото си възпроизводство – ремонтване.

Решения да се коригират или отстранят неразумните ходове и явления на несъвършената природа се търсят и в проектите, прозиращи в ранното творчество на писателя Андрей Платонов. Героите от разказите му «Маркун» и «Потомки солнца» не се колебаят да заемат мястото на създателя на света «и да поемат грижата за авторството на утопията» (по Ивайло Дичев). Те строят съоръжения, целящи да регулират неразумните и несъзнателни процеси на природата, създават свят, в който всички живеят като едно цяло, събрани от болката на невъзвратимото и изгубеното. Целта е подобна на тази в учението на

Фьодоров – да се трансформира света така, че да възкръснат мъртвите, общото и най-висше благо, което живите трябва да изповядват. Дейността им тук на земята е движима от един стремеж – да се организира и овладее «иррационалната среда», като същата се превърне в съзнателна, рационална структура. Този стремеж стимулира безусловната им трудова активност и страстното им отдаване във всевъзможни строителни и трудови дейности – строят се нови градове, нови светове; дейността е единственото мерило за смислено живеене, път за преодоляване на сегашния стадий на човешката еволюция, незадоволителен, неприемлив – непревъзмогнал болестта, смъртта и края. Опитвайки се да предложи своеобразна философия на действието, един от големите изследователи и коментатори на утопичното мислене Карл Манхайм отбелязва, че «необходимостта от действия е само там, където се сблъскваме с неорганизирания нерационален живот». Утопичната цел на общностния трудов проект в разказа «Потомки солнца» е възкресението на любимата на главния герой, напуснала този свят поради несъвършенството му, поради неразумната му природа. Любопитно е в случая, че разумната природа хипостазира тъкмо в образа на върналата се от мъртвите любима. Така в разказа на Платонов фигури на рационалното, на Разума парадоксално са животът и любовта, прекъснати от стихията на природата, сееща смърт. Процесът на вразумяване на средата изисква създаване и използване на технологии, изменящи и регулиращи природата, и предполага участието на всички. Така крайността на индивидуалното, човешката смъртност, се превръща в мотив, в движеща сила на собственото си преодоляване чрез и в дейната общност.

.....

Като контрапункт на дотук маркираните проекти в руската утопична мисъл от края на XIX и началото на XX век като че ли логично може да се посочи романът на Евгений Замятин «Ние». В това произведение на пръв поглед присъства същата конфигурация от елементи, съставляваща утопичния модел: «голата неподреденост» и «дивата пъстрота на природата» са изместени от подредения живот на идеалното хомогенизирано общество, в което най-висшата ценност е калкулираното щастие на колектива; отделният човек, безспорно по-малък от единица на колектива, вече не търси идентичността си – тя е част от общото тяло на новата единност; последното се конструира в добре организираната и разпределена дейност, чиято цел е неограничената му експанзия; този свят изцяло отхвърля болестта и смъртта, свидетелстващи за природното в човека, в култ са издигнати здравето и безсмъртието. Но този свят има за свой гарант и пределно основание напълно чужд елемент на описания по-горе дискурс – индивида. Разливането на индивидуалното и специфичното в общностното, в хомогенно-колективното е това, което превръща романа на Замятин в огледална обрънатост на по-горните проекти. Интересното тук е, че процесът на конструиране на индивидуално съзнание у главния герой е непосредствено свързан с процеса на записване от него на наставашото около него. Намерението на героя, номер Д-503 да запише това, което се случва в идеалната държава, в която живее, търпи неуспех, героят записва фактически това, което се случва в него самия. При това идеята за индивидуално «аз» се появява паралелно и даже като следствие на вглеждането в общата еднаквост наоколо; неочаквано «записките» на главния инженер на Единната Държава от апология на общото се превръщат в апология на частното. Но всяка дейност, излизаша извън границите на точната репродукция и граничеща с творчество в Идеалната общност (в осъществената утопия), е излишна, дори опасна, тя

заплашва да превърне колективното «ние»-съзнание в «аз»-ово, приватно. В света на Замятиновия роман болестта, показател за самото писане и белег на индивидуалното, води до смърт. В крайна сметка вярата и копнежа по изчислимото, механизирано, всеобщо щастие се оказват по-силни от индивидуалните пориви на частицата – главният герой оперира душата си, жест, с който се утвърждава и налага господството на разума над природата, на общността над индивида. Саможертвата на Д-503 е негов личен избор, жертвеното «аз» узаконява единното «ние». По този начин, макар и парадоксално, първоначалният просвещенски проект за еманципиране на личността от общността бива съхранен в този акт, отвъд който самата общност не би могла да просъществува.

Въпреки радикалната си форма разгледаните утопични проекти (с изключение на този на Замятин – техния либерален коректив) не успяват да надмогнат скрития си платонизъм. Концепциите им имплицират трансцендентен Разум, който да бъде въплътен в материалните практики на въображаемия модел за общност. Така втелесеният логос на «Държавата» – платоновият алегоризъм, оцелява и в революционните социални идеи в Русия.

II. От «Ние» към «Аз» – историята на/в един роман

Тук ще се спрем по-подробно върху ситуацията, представена в романа на Замятин с опит за коментар на възможните точки на засичане и специфичната граница между утопично и антиутопично.

Как завършва романът «Ние» – така, както и започва. Постигнат е социалният ред, всички живеят в хармония със себе си и другите, щастие то е неотменна константа на ежедневието, главният герой – номерът Д-503 има една единствена цел – да наложи социалния режим, властващ във Всеобщата Държава в другите държави-светове, т.е. да утвърди «благородното робство на разума» в името на Благодетеля. Няма въпроси, няма съмнения, няма сънища, няма «души»; има го само идеалното общество.

Тази сферична затвореност на романа, изразява и една от основните черти на утопичното мислене – безкрайното, повтаряемо осъществяване на идеала. Идеалът, който може да бъде само осъществяван, но не и осъществен, идеалът, който е само стремеж, но никога реализация. Защото реализацията обезсмисля идеала, а осъществеността му го закрива – не остава нищо извън него, нищо, с което да се съизмери и разпознае като идеал.

Мислима като идеал, чрез който се критикува настоящето, утопията говори за бъдещето: разказваното в утопичната литература (представяно като случило се или случващо се на друго място и в друго време) винаги е съпровождано от дидактичния патос на убеждението, че същото трябва да се случи тук-и-сега. И когато това «трябва да се» се превърне във «вече е», преобразеното според идеала бъдеще, става настояще за малко по-различен литературен жанр – антиутопията. «Тук-и-сега» за антиутопията е бъдещето за утопията, антиутопията показва осъществения идеал в настоящето, чрез който на практика се критикува бъдещето. И не цената на осъществения идеал: отнемането на свободата, тоталната обезличеност и уеднаквяването на всички и всичко, е граничната зона, след която една утопия се превръща в антиутопия, такава е самото осъществяване на идеала, неговия край, сиреч пределна въплътеност; възможната осъщественост на идеала изтрива утопията, реализиралата идеала утопия се превръща в антиутопия. Така, не тъгата по

невинния природен живот, (белязала Просвещението или обявяването на този живот за пълна илюзия през XIX и особено през XX век определят принадлежността на един текст към утопичния или антиутопичния жанр), а отношението (не толкова на автора, колкото на читателя) към идеала: социален, политически, културен и пр. Критериите, по които една утопия може да се мисли като антиутопия и обратно, с основание могат да се търсят във временните, лични или общи, ценности.

Основният при коментара на текстове, третиращи възможността за реализиране на определен социален идеал, проблем за границите на утопията и антиутопията като че ли не стои пред споменатото произведение на Замятин. Романът «Ние» традиционно се възприема като антиутопия. Защо? С претенцията да обвържем антиутопичната схема на романа с по-горното, ще кажем: поради всичко, което се случва между първата и последната глава на романа «Ние». А то се разпределя между две траектории на отдалечаване: съчинението, което написва главният герой, вместо исканата от властите «поема» се оказва странен «роман», и втората – декларираната в началото самоидентификация на героя като «ние» накрая се превръща в «аз», «само аз», «целия аз». Тези две разстояния запълват пространството в текста на Замятин.

Какво точно се случва? Редовият функционер на режима, инженерът-строител на *Интеграла Д-503* се заема със съчиняването на поема, имаща за цел да възпее красотата и величието на Всеобщата Държава (утопичното място, където Замятин поставя героите си), като опише хармонията и щастието, в които са потопени жителите ѝ. Желаното писане на «похвални слова» се възприема от героя като проекция на собствения му живот-съзнание (освен че е стимулирано от заповедта на Благодетеля – абсолютния властелин); тези слова трябва да носят и пропаганден ефект, доколкото ехото им ще кънти из цялата вселена. «Само ще се опитам да запиша онова, което виждам, което мисля – по-скоро онова, което ние мислим...», – това си обещава героят и вярва, че от това ще излезе «музика от асонанси и рими», защото неговият живот и този на другите е свършен – и ще го напишат «те», т.е. «ние», а «ние» сме едно, «ние» съм аз, според убеждението на героя. «Ние» се превръща и в заглавие на новата поема. Като доказателство за пълната идентичност на «аз» и «ние», за слятостта на частното и общото, на индивидуалния и колективния свят/ живот идва първото определение на създаващото се произведение – «дневник». Мислено като дневник, написаното трябва да демонстрира финалния етап от процеса на премахване на различието между лично и публично: личното го няма, моите мисли не само са публични, нещо повече – публичното е моите мисли и нищо повече. И няма страх, че от мислите, т.е. от дневника може да изскочи «нещо погрешно», «математически неточно», защото всичко е изчислено предварително – в съзнанието на Д-503 има само правилни схеми и формули за еднаквото всеобщо.

Но още в началото, редом с коментарите на героя върху предстоящата поема, се забелязва и едно озадачаващо явление – авторът е разтревожен от това как ще изглежда по думите му «новото, още сляпо човече», «бузите му пламтят», а въпросите го заливат. Как ще «откъсне» и «положи» сътвореното в нозете на Всеобщата Държава. Защо е това чувство, «подобно на чувството на раждащата» какво ще ражда, нали е роден и застинал «животът отвън» и чака само да бъде описан, кое е «новото, сляпо човече», нали всичко е познато и какво ще изважда («откъсва») от себе си, нали той е «ние»-всички, няма свое?

Съмнение дали поемата «ще стане», дали волята ще следва началния си тласък се прокрадва в героя.

Постепенното развитие на разказа представя развитие и на мислите и емоциите на разказващия. Етапното проникване в случващото се в Държавата предлага и проникване в случващото се в героя. Историята *на* и *за* номерата – граждани на тази държава, се превръща в история *на* и *за* номер Д-503, което от своя страна описва движението на текста, излизащ из-под перото на героя, от поема към роман, към романа (в смисъла на любовна история) на героя, който също се казва «Ние». Възможният извод е: романите са два и траекторията на този на героя (Д-503) описва пространството на този на автора (Замятин). Допустимият извод е: романът на героя свършва с глава 39-та, там където героят спира да пише, а романът на автора продължава до глава 40-та, там, където авторът слага точка.

Безпределната откровеност на героя изисква и разкриване на неговите «най-незначителни мозъчни колебания», по собствените му думи. Без да предполага първоначално за онова, което ще види, като се вгледа в себе си, постепенно героят започва да изпитва сериозни притеснения от появилите се процеси на уподобяване, паралел и припознаване на другия като себе си и на себе си като друг – процеси, запълнили неусетно почти цялото пространство на вътрешния му свят. Появява се двоична «аз»-ова структура: съжителство на двама, двойно самосъзнание, двойствено оглеждане – на себе си и на другите. Ражда се «новото сляпо човече».

Нежеланието да се признае съществуването на другия (дори и ако другия е собственото ти «аз») води героя-автор на непредвидения роман до един много удачен за неговия случай художествен трик от техническо естество: измисля се читателя, реципиента на описваното. «Вярвам, ще разберете, че ми е тъй трудно да пиша..., но никой никога не е писал за прадедите си или за същества, подобни за тези наши тъй чужди, далечни прадеди...» – споделя героят. И писането се адресира не към съвременниците на пишещия, не към потомците му, а към предците му. Смушаващото, в случая, е не обръщането на погледа: от позиция на живеещ в настоящето да се пише за живели в миналото. Смушаващо героя е допускането му, че «далечните прадеди» могат да живеят и сега, а могат да живеят и утре. Но не тук, сред дебелите стени на идеалния град-държава, а другаде, извън тях, но, все пак, близо. Възможно е обаче, според допускането на героя, същите да са вътре, наоколо, сред стените. Като тях, даже един от тях, може да се окаже и самият той – Д-503, не само «заради окосмените си ръце» (лапи), доказващи генетичната му връзка с древните, но и защото «подобно на тях се вълнува», «съмнява», «описва истории».

Въвеждането на читателя (не само като въображаема категория, но и като задължително условие за ставането на разказа) е оправдание за появилата се у героя зрителна перспектива на процесите в идеалното общество. Оправдание за множеството хиксове, за неизвестните, изпълващи съзнанието му – хиксове, които не са му позволени и които той вменява на другите, без да разбира, че другите е той. «Хиксът не е у мен... просто се страхувам, че някакъв хикс ще остане у вас, неизвестни мои читатели». Може и да се приеме обяснението му, но факт е, че желанието на героя да сведе ставащото около него до съзнанието на другите му разкрива множество неизчислени уравнения. Ако всичко е ясно, тъй както е ясен живота му, защо е този читател; нали други няма, а и съвършенството не се нуждае от пояснения. Идеята за читателя довежда Д-503 до идеята за другия, съвсем недопустима до преди това. Пуснал веднъж

нишките на писмовната паяжина, пишещият сам се оплита в паяжината, която неизбежно включва адресата, дори когато адресатът е идеален, измислен и неконкретен. Обещал си пределна откровеност, героят няма друг избор, освен да насочи описването към отсъстващия друг, а това често означава към себе си и всъщност само към себе си. Героят превръща себе си в обект на изследване и във възприемащ субект; прави от себе си друго «аз», «аз», с което коментира и с което се съизмерва; героят превръща себе си в завършеност, способна да възприеме историята си. «Аз»-ът се историзира – той е мерещият историята и съ-измерващия (заедно с историята) себе си, себе си е направил история, та било то само на един роман. Как да не превърне пишещият Д-503 себе си в история, себе си в друг, когато на неговото писане му е нужно възприемащ, нужен му е читател, какъвто не може да се открие сред другите номера – те всички са еднакви, всички са същите и няма други. Пишещият жертва себе си, превръща се в читател, сам става друг, идентифицирайки се с древния опасен, но разбиращ предшественик. Той трябва да е друг, макар че тази другост венчае смърт, иначе би трябвало да спре да пише, да жертва «поемата».

Осъзнал нуждата на творбата си от другия, героят-автор неизбежно попада в капана на раздвоената самоличност. Едната личност – тази, която вижда и вписва върху белия лист «уравнения» живот във Всеобщата държава, еднаквия живот на нейните граждани, спокойния свой живот-за-пред-другите. Другата личност – тази, която трескаво пита и несвързано пише за непредвидената поява на новите номера, отказващи да гласуват за своя Благодетел, за многото други, на които, както и на него, им се е «появила душа», за нощите на безсъние и на сън (еднакво забранени), за нерегламентираната любов и тайния замисъл с любимата. И тази втора личност пише дневник, написаното в който вече е лично действително, то е тайно, доколкото е вече само от и за пишещия. Дневник, който е пазен, укриван, напъхван под дрехите – под обвивката. Този дневник не трябва да достига до никого, не може да бъде четен от другите, тъй като в него се крие роман. Любопитно е, че междуременно другите номера, неговите съграждани, всички те, вече са станали «те» – другите, «ние» са останали само малцина: Д-503, незаконната любима и нейните приятели отвъд Стената, преграждаща Идеалната държава; сиреч, своите и чуждите, близките и непознатите са сменили местата си в съзнанието на героя. Дневникът е тайна и защото описва *история на развитието* на държавата, развитие немислимо в ситуацията на идеално устройство, доколкото съвършенството е вече постигнато и няма нужда от развитие. Така дневникът на Д-503 съзнателно или не описва историята на провалилата се утопия, разказва за изпадането на строителя на Интеграла от «Ние» и връщането му в първичната утроба на «аз»-а.

Превръщането на безличния номер в «Аз» и на ръкописа в личен дневник се осъществява чрез ставането на романа, чрез разгръщането на историята, чрез появата на събитията. Романът разказва за самото писане, за промяната на героя и свята около него докато трае писането, историята показва обективирания се субект, мъчителното търсене на идентичност, когато граници няма, когато разликите между мое и чуждо са размити, събитията представят зародилия се конфликт в съзнанието, последователната линия на ставащото.

Важно в случая е наблюдението, че написаното от героя повтаря антиутопичния архисюжет. Първо, подтискане на личното и уеднаквяване на всички членове на даденото общество: в случая, «разумната» организация в Държавата е постигната чрез централизиран контрол, изискващ пълно

премахване на всичко неочаквано, излизащо извън пространствените, временните и психологическите граници на същата. Второ, налице е явен конфликт между главния герой и високопоставен чиновник: в случая, фигурата на Д-503 е противопоставена на фигурата на Великия Благодетел, като последният е генератор на утопичния идеал. Третият антиутопичен топос се оказва Древната къща отвъд Стената, където именно героят, очарован и изкушен от запазеното културно наследство на миналото, се оглежда за изчезналия друг свят на древните и прозира зараждащия се нов свят в себе си. Четвъртият важен контур, около който се завърта историята *на* и *в* романа «Ние», е образът на любимата на героя, която е най-честият посетител на древната къща на паметта и воден от която героят извървява дългия път на търсене на себе си.

Появили се като неочаквана пречка в живота на героя, тези четири топоса: съзнание, разядено от личното, неподчинение на заповедта на Благодетеля, непрозрачна, тайнствена къща и съблазнителка, причинила сънища и безсъзнания, неусетно за самия герой стават ключовите елементи, около които се конструира новият му разказ. Разказът става разказ за неизвестното, което трябва да бъде опознато, разказ за смътното, което вълнува героя, разказ за писането докато същият пише. Налице е движение от поема към роман, от «ние» към «аз», движение на ставащото, движение на появяващия се «аз». Движението прокарва конфликта, води към «аз»-а, към любимата. Романът, писан в сегашно време, разкрива действие, разгръщащо се пред читателя-пишещ, който влиза и излиза от повествованието, съчувства на героите, помага им или ги осъжда, но неизменно присъства, читателят-пишещ, който става «аз» *в* и *заедно с* романа. «Ах, ако всичко това беше само роман, а не сегашния мой живот!» – възкликва накрая Д-503, осъзнал, че животът му се е превърнал в роман със собствен сюжет, конфликт и развързка, различни от тези, които режима оправдава. Роман със своя история, герой с историята на романа. Придобитата история на героя от сдобилия се с история роман.

Ще спрем дотук и ще се върнем към въпроса за границите между утопията и антиутопията. Между първа и последна глава от романа «Ние» стои описаното дотук. Безкрайното не е изчислено, движението не достига края, съвършенството е път завинаги и към «аз»-а. Затова утопията е невъзможна, е никъде, е липсващото място в пространството, бленуваното случване във времето. Сюжетът на утопията отрича утопията и предлага варианта на антиутопията. Концепцията за живота се представя пълна и завършена в утопията, в антиутопията тя се разпада, обезкрайностява. Животът в утопията е хванат в руслото на идеята, маркиран е от контурите на собствения си идеал, на собствената си завършеност, животът в антиутопията е неконтролируем, представящ собственото си проваляне и неясен финал.

В 39-та глава на романа героят се подлага на операция – оперирана е фантазията му, фантазията, породила «душата» му и личното му «аз». Няма вече «аз», героят спира да пише. В същата глава, озаглавена «Крайт», се казва, че малко преди операцията Д-503 изпуска молива си, с който до този момент е записвал всичко, «за да остане». След това героят влиза в операционната, текстът остава незавършен, изречението свършва с многоточие. Антиутопията успява.

В глава 40-та романът на Замятин продължава. Заглавието гласи: «Фактите, камбаната, сигурен съм». Пишещият обаче е друг – безаз-овият номер, (може би) този, който бе започнал в началото. Стихията е спряна, редът е

наложен, пожелан и изповядан, обещан е и на другите държави-светове. Няма писане, няма треска, няма история, само вярата, че идеалът продължава. Утопията успява.

ЛИТЕРАТУРА

- Арендт Х.* Vita activa или о деятельной жизни. СПб., 2000.
- Богданов А.* Тектология. Всеобщая организационная наука. М., 1989.
- Богданов А.* Вопросы социализма. М., 1990.
- Бродски Й.* По-малко от единица. С., 1996.
- Гастев А.* О тенденциях пролетарской культуры // Пролетарская культура, 1919, № 9-10.
- Гастев А.* Поэзия рабочего удара. М., 1924.
- Дичев И.* Дарът в епохата на неговата техническа възпроизводимост. С., 1999.
- Манхейм К.* Идеология и утопия // Диагноз нашего времени. М., 1994.
- Платонов А.* Сочинения в 2-х томах. М., 2004.
- Тодоров Вл.* Адамов комплекс. С., 1991.
- Тодоров Вл.* Алегорията като машина на властта // Критика и хуманизъм, 1991, № 2.
- Фьодоров Н.* Философия на общото дело. С., 2002.

И.С. Скорпанова
(Минск)

КИБЕРМАНЬЕРИЗМ

Киберманьеризм – пародийно-сатирическая ветвь творчества членов Ордена куртуазных маньеристов, возникшая на рубеже XX – XXI вв. как реакция на утвердившиеся в постсоветском обществе формы сексуального раскрепощения. Новая эстетическая программа «магистров и докторов эротических наук» изложена Андреем Добрыниным в предисловии к поэтическому сборнику маньеристов «Услады киборгов» [Добрынин 2000а]. Великий Приор Ордена предупреждает читателей, что в сборнике они не найдут привычных им галантности и изящества, напротив, встретятся с разгулом низменных инстинктов и казарменной лексикой. Изменились и герои: мужчина «из Мечтателя, живущего в мире возвышенных чувств», «превратился в дерзкого мерзавца», для которого побудительным мотивом к действию «является лишь его необоримая тяга к низменным удовольствиям и стяжательству да подчас еще тщеславию» [Добрынин 2000а: 47], женщина из трепетного возвышенного существа – в циничную распутную особу, способную мертвецки пьяной валяться в канаве. «Благоуханная беседка в стиле рококо снесена, а на ее месте воздвигнуты то ли лупанарий, то ли зловонная казарма штрафбатальона» [Добрынин 2000а: 4]. Персонажи «Услад» действительно воспринимаются как гротескные пародии своих «предшественников». Это связано с изменением объектов изображения – отныне маньеристов интересуют массовые люди, именуемые киборгами и киборгессами. Добрынин пишет: «Присмотревшись к обычному поведению подавляющего большинства людей – наших современников, мы обнаружим, что оно по сути ничем не отличается от поведения человекоподобных кибернетических машин (для краткости – киборгов), а сами эти люди являются скорее квазилюдьми» [Добрынин 2000а: 5]. Подобно тому как кибермашины управляются извне, действия киборгов «определяются влиянием внешних раздражителей материально-чувственного характера: низменные потребности этих существ представляют собой своего рода клавиатуру, где каждая клавиша соответствует потребности субъекта в каком-либо предмете (или каком-либо удовольствии)» [Добрынин 2000а: 5]. Внутренняя жизнь у киборгов отсутствует. Их объединяет «отвращение к обобщенному мышлению и вообще ко всяким духовным усилиям...» [Добрынин 2000а: 7]. При определенных условиях киборг может проступить в любом, включая и самих куртуазных маньеристов. Поэтому «вглядываться в себя не менее полезно, чем вглядываться в окружающих киборгов» [Добрынин 2000а: 8]. Творчество, по мысли Великого Приора, способно помочь вернуть киборгу его человеческий облик. Вот почему завершает декларацию Добрынин лозунгом: «Да здравствует киберманьеризм!» [Добрынин 2000а: 10] и сообщением о создании внутри Ордена особого Приората киберманьеристов, в состав которого вошли Великий Магистр Ордена Вадим Степанцов, Великий Приор Ордена Андрей Добрынин и Командор-ордалиймейстер Ордена Константэн Григорьев.

По-прежнему считая своей основной задачей сотворение прекрасного, в культ возводя Эрос и наслаждение, авторы «Услад» рассматривают изображение метаморфоз киборгов как побочный (но тем не менее необходимый) результат своей работы. В произведениях этого типа они отказываются от новейшего сладостного стиля, в пародийно-ироническом и гротескном виде воссоздают «антикуртуазные» (антикультурные) формы сексуального раскрепощения, заявившие о себе вместе с

пришедшей свободой: «расцвет» проституции и низкопробных развлечений секс-индустрии, популярность порнухи, у которой проходят «учебу» вступающие в жизнь, увлечение противоестественным, виртуальное видеотраханье (киберсекс), татуировка тел возбуждающими секс-картинками и т.д. Высмеивая секс-уродов, маньеристы напоминают о чувствах, без которых киборги – просто антропоморфные секс-машины, и о культуре куртуазного поведения, без которой сексуальная жизнь общества похожа на скотный двор. Такая параллель проводится Степанцовым в стихотворении «Люди и киборги» [Степанцов 2004: 151]:

По жизни, как по скотному двору,
он носится – и с бешеным презреньем
втыкает бумбо в каждую дыру.

По мысли поэта, киборги – мутировавшие люди: оскотинившиеся и деградировавшие приверженцы Купидона (точнее – считающие себя таковыми). В своих сексуальных устремлениях они примитивны, циничны, уродливо-безобразны (какой бы ни была их «упаковка»); а кроме того, они очень похожи друг на друга, так как реализуют один и тот же сексуальный стандарт, навязываемый массовой культурой.

Целый ряд стихотворений Степанцов создает с использованием киберперсонажной маски, изнутри раскрывая психологию и секс-импульсы киборга, выражаемые посредством грубой разговорной лексики или сленга. «Недочеловеческие» качества мутанта заостряются, делая его смешным.

Поэт выявляет отсутствие у киборга мозгов, что выясняется, когда он пытается думать:

Я задумался о жизни – и кусок моей обшивки
вместе с биокерамзитом отвалился с головы,
обнажились проводочки и куски дрянной набивки,
потому что чем попало набивают нас, увы.

Что напихали безмозглому киборгу в голову, тем он и живет, считая себя «продвинутым» и «крутым» и не сознавая, что его «сконструировали» по определенному стандарту наподобие механической куклы, какие были популярны в эпоху Казановы.

Степанцов дает классификацию типов киборгов: делит их на российских и американских (те качественнее «сделаны», но уж совсем «тронутые»). Кроме того, он выделяет киборгов-наркоманов (которых «мак» и «кока» превратили в «подобие машины»), кибер-мальчишек, или пидоргов¹ (имеется в виду не «брак» Творца, а результат «труда» кибер-конструкторов, прессующих мозги относительно современного и модного), наконец, киборгессы² (киборги женского пола, не лязгающие, не скрипящие, не боящиеся «перегрева» и никогда не «закипающие»). С особой охотой киборги самоутверждаются в сексе, где есть чем заменить отсутствующие мозги.

В стихотворении «Голова» Степанцов раскрывает главное желание киберсексуала – это «потребление» партнера, не вкладывая в половой акт никаких чувств и ни за что не отвечая. Идеальная женщина видится персонажу стихотворения состоящей из одного тела – без головы. Женщине с головой нужно что-то говорить, выслушивать ее ответы, смотреть в глаза, а киборгу это ни к чему: его интересует одна «дыра».

¹ Пидорг – окказионализм, образованный сложением слова *пидор* и части слова *киборг* – «орг» («и» внутри усиливает созвучие).

² Киборгесса – окказионализм Степанцова, образованный сложением слова *киборг* и части слова *принцесса* – «есса».

Как жаль, что женщины Земли
не разбираются на части.
А то б на randevу пришли,
башку долой – и все, залазьте, –

вот мечта киберсексуала, мысленным расчленением женщины выдающего свою нравственную девиацию [Степанцов 2004: 90].

В «усеченном» виде воспринимает женщину и персонаж стихотворения «Малороссийская песня» [Степанцов 2000: 78]:

У хохлушек есть промежность, ноги, брови и коса.

«В законе» оказывается не облагороженный гедонизм, а грубый «натурализм» интимных отношений, – свидетельствует Степанцов в стихотворении «Новогоднее», представляющем собой пародийный парафраз кинофильма Эльдара Рязанова «С легким паром». Дикие, разнузданные страсти, описанные автором, порождены не любовью, а чувством собственности, привычкой решать проблемы мордобоем.

Выразительно психологию киборга воспроизводит цикл стихотворений Степанцова «Мужья», в котором писатель пользуется авторско-персонажной маской. Наделение героя-рассказчика рядом автобиографических черт, во-первых, делает создаваемый образ более полнокровным, во-вторых, ошарашивает, поскольку «от первого лица» известный поэт спокойно признается в совсем не красящих его вещах [Степанцов 2004: 250].

Но образ автора-персонажа у Степанцова (как и у других киберманьеристов) травестирован, реальный автор играет с этой фигурой и подвергает ее пародированию. Сниженно-иронический характер изображения такого киборга-персонажа выявляет создание произведений посредством деконструкции культурного интертекста. «Опус № 3» данного цикла написан как бы «поверх» стихотворения Бориса Пастернака «Гамлет» из романа «Доктор Живаго». Но у Степанцова «опус» имеет подзаголовок – «Стихи без романа». Значение слова *роман* двоятся – это не только и не столько литературный жанр, сколько троп, используемый для обозначения развивающихся любовных отношений между мужчиной и женщиной. Киборг же предлагает собственное решение популярного литературного сюжета, живописуя свою сексуальную «победу», которую он одержал, отбив самку у самца, не смущаясь тем, что это муж женщины:

Муж затих. Я вышел на подмости.
Как блестяще я играл финал!
Я мизинцем трогал ваши слезки.
Пьяный муж в углу слегка стонал.

Герой-рассказчик демонстрирует свое превосходство над поверженным мужем-ничтожеством, повествует о происшедшем чуть ли не словами пастернаковского Гамлета. Но у Степанцова он оказывается объектом пародирования – необоснованные претензии делают персонаж смешным. Цинизма и низости своего поведения он не сознает, бахвалится тем, что в присутствии поверженного мужа совокупился с его женой – без любви и даже страсти, просто чтобы показать, какой он «крутой», презирая отдающуюся ему женщину за то, что не смогла найти себе мужика получше и полностью покорна воле «победителя», а потому – унижая ее во время полового акта. В этом случае изображение секса имеет антиэстетический характер. Распаляет «супермена» как раз нарушение неписаного кодекса человеческих отношений, и если он о чем-либо и жалеет, то только о том, что отсутствуют зрители, которые могли бы вознаградить его за «крутой» секс аплодисментами:

Мы слились друг с другом, как магниты,
и катались по полу в бреду.
Жаль, что спал единственный упитый
зритель на единственном ряду:

наше эротическое действо
стоило того, чтоб посмотреть.
Этот мир погубит фарисейство.
Жизнь прожить – не в поле умереть.

Все «хороши» в этом «спектакле»: и пьяница-муж, который «устранился» бы и сам, без избиения, рано или поздно впад в «отключку», и «мстятая» ему за пренебрежение жена, в сущности, санкционирующая коитус на глазах супруга, и распоясавшийся при отсутствии достойного соперника герой-рассказчик, возбуждаемый не женскими прелестями, а пикантностью ситуации и исполняющий роль «машины для секса». Однако, осудив других действующих лиц, себя «супермен» Степанцова видит триумфатором, гордится тем, чего нужно стыдиться. Он даже пытается философствовать, возводя свой цинизм в ранг бунтарства против «фарисейства», но понимает это слово по-своему: как существование определенных культурных норм, регулирующих поведение человека³. Киборгу они мешают, воспринимаются как путы, и свое скотство он проявляет открыто. Так что со страниц произведения встает не Гамлет, а комический урод, попирающий не только других, но и человека в самом себе.

И в других случаях пародийное цитирование классики оттеняет у Степанцова ущербность человеческих душ, направляемых грубой похотью:

Мурлычут кошки, ветер свищет, и койка гнется и скрипит.

Комедийная переделка романтического «Паруса» Михаила Лермонтова подчеркивает, что в сексе для киборгов нет поэзии, возвышенного порыва страсти – одна «проза» физиологии.

Чтобы усилить воздействие на читателя, побудить его соотнести прочитанное с собственной жизнью, поэт может адресоваться к нему непосредственно, под видом притворной похвалы подвергая потенциального киборга насмешке:

В общем, всех киборгов неудержимо
тянет срывать удовольствий цветы.
Если ты жаждешь такого режима –
значит, ты наш, значит, киборг и ты, –

констатирует Степанцов, избавляя читающего от иллюзий, что к нему все описанное отношения не имеет [Степанцов 2004: 148].

У Константина Григорьева [Григорьев 2000] появляются портретные зарисовки представителей молодого поколения, усвоивших новый любовно-сексуальный стандарт. Он сочетает в себе раскрепощенность и бесстыдство, соблазнительность и пошлость, полудетскость и развращенность. Такова мода, на которой растут новые киборги с будущими сломанными судьбами. Поэтому «Стихи о моей современнице»⁴ Григорьева пародийны и ироничны:

Крошка Би бисексуальна
и всегда возбуждена и пьяна.

³ И отделивших его от животного.

⁴ Название отсылает к одноименному стихотворению М. Светлова.

Цитирует философов, умна.

<...>

Обожает материться, трахаться и хохотать.

Как в такую не влюбиться? Как ее не уважать?

Соотнесение с образом передовой советской девушки вносит в произведение комедийную ноту, позволяет понять, что автор не столько восхищается шлюховатой красоткой, сколько развенчивает канон, которому она следует. Не слишком суров он потому, что «крошка» еще совсем юна и живет чужим умом, сделавшим из нее киборгессу. Девушка, в принципе, даже нравится поэту: хорошее и дурное в ней переплелись неразрывно, но она – копия других копий, глядящихся друг в друга, как в зеркало, исполняющих написанную им взрослыми роль «крутых» и не мыслящих отбиться от стада. Раскрепощение оборачивается новым закрепощением.

Повествует Григорьев и о «парнишке без комплексов»: он разбился, так и не осуществив свою заветную мечту: хоть раз в жизни заняться «групповухой». И опять-таки автор иронизирует над внедренным в сознание и бессознательное персонажа представлением о разврате как идеале.

Сексуальное образование в стране взяло на себя порно⁵, удостоверяет поэт в стихотворении «Гимн сладострастию» [Григорьев 2000]. Что тут увидят, то и повторят. Насмешничая, автор в маске киборга восклицает:

Что же, да здравствует жизнь и любовь,
и да здравствует порно!
Глянь, как мой стержень огромный
раздулся и сладко набух.

Качества киборга в стихотворении Григорьева проявляются в четкой ответной реакции на сигналы, посылаемые порно-фильмом. Эрекцию вызывает не желание обладания нравящейся живой женщиной, а неодушевленный возбудитель, превращающий человека в «перестроившегося» вуайериста.

Подобно Степанцову, Григорьев непосредственно апеллирует к читателю с предложением убедиться на его примере, как полезно порно; но это скрытая форма издевки над таким же героем, какого он осмеивает, поскольку автор неявным образом воспроизводит известный оскорбительный неприличный жест.

Как и другие киберманьяристы, Григорьев свидетельствует: секс реабилитирован, однако отделен от любви, живые чувства уходят. Поэт предлагает создать хотя бы «фракцию любви», он не хочет, чтобы люди были обделены ею, «деэволюция» (Степанцов) приобрела необратимый характер. И, может быть, именно любовь способна сделать из киборга человека, не теряет до конца надежды Командор.

Собственный аспект киберманьяризма – у Андрея Добрынина. На первый план у него выходит осмеяние «мужского шовинизма», поэтому он пользуется авторской маской киборга-фаллократа. Стихи добрынинского киберцикла – это «счеты» мужчины с женщиной и изрекаемые по поводу их взаимоотношений сентенции. Герой-мужчина, высказывающийся по поводу женских недостатков, одновременно сам является объектом авторской иронии.

Так, персонаж стихотворения «Я не могу никак понять», пожелавший овладеть спутницей в кинотеатре, назидательно предупреждает ее, чтобы не кричала, – испортит

⁵ Об этом же, иронизируя, пишет В. Пеленягрэ:

Давайте время проведем
Культурно, как интеллигенты:
Хлебнем пивка и заведем
Порнографические ленты [Пеленягрэ 1999: 271].

впечатление от фильма. Возмущаясь несдержанностью женщины, неспособной полностью отдаться искусству, он в то же время обнажает собственную бесчувственность и отделенность от сексуального акта, так как происходящее на экране интересует его больше, а фрикции он совершает механически.

Добрынинский «борец с кризисом» [Добрынин 2000б: 277], снимающийся в порно, заявляет, что будет джентльменом во взаимоотношениях с женщинами, когда у него появятся деньги, поскольку убежден:

любому скоту
Деньги в женских глазах придают красоту.

Косвенным образом он и характеризуется как скот, который ничем не лучше тех, кого собираются «покупать», выступая в роли «хозяина», хотя бы и в маске джентльмена.

Совет другу, преподносимый киборгом-фаллокротом в стихотворении «Что ты на женщину смотришь, товарищ?», – не «миндальничать», а «наступать», добиться своего и растлить: из недотроги сделать любвеобильную самку, на которую можно будет смотреть свысока, презрительно. Чтобы красотка «не чванилась», ее следует подвергнуть унижениям на «ложе бесправия» («Красотка – существо пустое»), соединяя секс с садизмом (пусть нравственным) и демонстрируя свой статус «господина». Большое удовольствие – над женщиной поиздеваться: не без труда добиться ее ласк, покинуть и сделать вид, что не помнишь («Интересуешься ты, как надругаться над дамой»). «Воля к власти» совершенно вытесняет во всех этих советах естественные человеческие чувства. Киберперсонаж самоутверждается в своем мужском превосходстве над «низшим» существом, которое должно его услаждать, не помышляя о равенстве.

У Добрынина [Добрынин 2000б: 318] «максимы» фаллократа, да и он сам, подвергаются пародированию. Активно используется для этих целей классика. Например, величественный слог древнегреческого эпоса применяется киберперсонажем для восхваления своего фаллоса:

Знай – золоченая медь дремлет в штанах у меня, –

и такой «перебор» вызывает смех.

Аналогичную функцию имеет обращение к классическим произведениям русской литературы. В стихотворении «Скажи нам, Сухово-Кобылин» [Добрынин 2000б: 352] автор в маске кибер-персонажа как бы спорит с прославленным драматургом, герой которого убивает изменившую женщину, и ставит в пример себя:

Довольно дюжины ступеней
И пары добрых оплеух –
Ведь несовместны светлый гений
И злодеянья мрачный дух.

На самом деле считающий себя служителем добра и красоты, чуть ли не гением подонок высмеивается. Он даже не сознает постыдности производимой расправы, поучает свою жертву правилам нравственного поведения. К тому же у него двойная мораль: для себя и для других. То, за что женщина оскорбительно наказывается, он практикует постоянно. Понятие «измена» к нему применить затруднительно, поскольку безостановочная смена партнерш – стиль его жизни. Поэтому слова о несовместимости гения и злодейства в гораздо большей степени относятся к настаивающему на своем превосходстве киборгу.

В стихотворении «Остановился жизни ход» персонаж говорит врачу, что совершает по 16 секс-актов за ночь и меняет за неделю 40 женщин, так что даже получает предложение стать секс-тренером. Перефразируя опять-таки Пушкина («Не продается

вдохновенье, / Но можно рукопись продать»), добрынинский секс-чемпион возмущенно заявляет, что он не продается и наслаждение не продаст. Казалось бы, счет в его пользу, и даже Пушкина он превосходит. Но добрынинская ирония проникает и сюда. Замена пушкинской «рукописи» «наслаждением» и невольное уподобление неоплачиваемому секс-тренеру (секс-машине) служит комедийному снижению образа: в супер-мужчине проступает сексуальный маньяк, эрегирующий каждые полчаса на протяжении всей ночи (то есть он воспринимается как персонаж анекдота). Днем нужно отоспаться, на литературу времени и сил не остается. Поэтому «рукопись» он и не может «продать» – ее нет. Похваляющийся супер-потенцией не должен забывать, что маниакальная заикленность на одном оборачивается ущербом в другом. Резкий перевес (гипертрофия) секса нарушает баланс человеческого существования так же, как его «нехватка» в жизни индивидуума. Таков «урок», преподносимый стихотворением «доктора эротических наук» Добрынина: раскрепощайся, но не до стадии осла.

И если Григорьев к классификации киборгов Степанцова добавил киборга-вуайериста (новой формации), то Добрынин – киборга-фаллократа и киборга-секс-машину. Используя различные средства комического, поэт дает возможность вдоволь посмеяться и над «мужским шовинизмом», и над превращением секса в патологию, и над выхолащенностью самых интимных человеческих отношений. Смех же порождается торжеством «духа, знающего радостное и прекрасное» (Н. Тэффи), его функция – очистительная.

Но куртуазные маньеристы не были бы постмодернистами, если бы лишь указывали пальцем на других, чьи пороки они подметили. Поскольку наряду с «зарисовками с натуры» и Добрынин, и Григорьев, и Степанцов создают образы киборгов с использованием авторско-персонажных масок, они не ограничиваются лишь пародированием, но осуществляют и самопародирование (смеховую самокритику), ибо знают и за собой недостатки, о которых пишут (естественно, все заостряя, спрессовывая и добиваясь яркой художественной выразительности). В этом проявляются и творческая смелость, и честность, и желание быть лучше. В декларации Добрынин указывал: «...Киборг всегда сконструирован на основе человека... Поэтому каждый из нас – немного киборг, и для успешного исследования взглянуть в себя не менее полезно, чем взглядываться в окружающих киборгов» [Добрынин 2000а: 9].

Поскольку киборг и человек – существа взаимобратимые и «в течение своей жизни и киборг может сделаться человеком, и человек – сделаться киборгом, а иные умудряются на протяжении всего земного пути по несколько раз побывать в этих столь различных состояниях» [Добрынин 2000а: 9], веселые, остроумные, а подчас резкие и язвительно-саркастичные стихи киберманьеристской направленности играют роль современной «бани», помогающей смыть всякого рода грязь и мерзость с человеческих душ. Кому-то ведь и станет стыдно, когда он «опознает» в секс-киборге/подонке себя и увидит, как он смешон. А еще лучше, если потенциальные киборг и киборгесса узнают это заранее и получают «прививку» на будущее.

ЛИТЕРАТУРА

Григорьев 2000 – *Григорьев К.* [Стихотворения] // Орден куртуазных маньеристов. Услады киборгов. М., 2000.

Добрынин 2000а – *Добрынин А.* Паладины невыразимого, или От куртуазного маньеризма к киберманьеризму [Предисловие к сборнику] // Орден куртуазных маньеристов. Услады киборгов. М., 2000.

Добрынин 2000б – *Добрынин А.* [Стихотворения] // Орден куртуазных маньеристов. Услады киборгов. М., 2000.

Пеленягрэ 1999 – *Пеленягрэ В.* «Друзьям не стоит доверять...» // Орден куртуазных маньеристов. Клиенты Афродиты, или Вознагражденная чувственность. М., 1999.

Степанцов 2000 – *Степанцов В.* Малороссийская песня // Орден куртуазных маньеристов. Услады киборгов. М., 2000.

Степанцов 2004 – *Степанцов В.* Мутанты Купидона. М., 2004.

Екатерина Суровцева
(Москва)

ПИСЬМО-ДИФИРАМБ КАК ЖАНРОВАЯ РАЗНОВИДНОСТЬ «ПИСЬМА ВОЖДЮ»

Среди «писем вождю» можно выделить целый ряд эпистолярных текстов отчетливо дифирамбического характера. Иногда к сдержанному славословию вынуждены были прибегать авторы писем-жалоб (просьб) с целью подчеркнуть уважение к личности, мнению и воле адресата, от которого зависит личная судьба автора, судьба его родных и друзей, его произведений. Однако основной пафос этих писем славословием не определяется, за тезисами о «мудрости» и «справедливости» адресата отчетливо сквозят тревога и боль, страх и негодование. Но есть письма вождям, в которых открыто не сформулирована (хотя нередко в завуалированном виде содержится) просьба или жалоба. Такие письма имеют целью выразить благодарность власти за благосклонность, наладить по возможности плодотворный диалог с ней, иногда в этих письмах содержится элемент творческого отчета перед «высочайшим» читателем или его приближенными. В этой связи мы рассматриваем письма А.Толстого, Я.Ларри Сталину. Близки к этой жанровой разновидности «письма вождю» некоторые тексты А.Корнейчука, М.Шолохова и Б.Пастернака, поднимающегося в своем письме Сталину до обсуждения темы органического единства властителя и поэта.

Эта разновидность письма вождю, условно сближенная с жанром дифирамба, имеет важную особенность, которая отличает письма такого рода от потока эпистолярных, в том числе и коллективных, панегириков вождю, которым была отмечена сталинская эпоха (равно как и потоком эпистолярной хулы и проклятий в адрес «врагов народа» всех уровней). Письма писателей, содержащие комплименты представителям верховной власти, более или менее откровенно выраженное славословие, претендовали на необщие слова, позволявшие установить личный контакт. Поэтому их письма были написаны, как правило, задушевым, доверительным или сдержанно-почтительным тоном и имели целью, как уже говорилось, добровольно наладить диалог с властью; они создавали иллюзию взаимопонимания между художником и представителем верхушки тоталитарного государства. Оговоримся, что элементы славословия (вынужденного) содержатся и во многих письмах-жалобах или просьбах, но там они иначе мотивированы.

Одно из таких писем принадлежит драматургу А.Корнейчуку, весьма лояльному власти литератору, автору известных в свое время пьес «Гибель эскадры», «Платон Кречет», «В степях Украины», «Фронт» и др. По поводу последних двух пьес и состоялась его переписка с вождем. Обе пьесы были высоко оценены Сталиным как «правильные» и «полезные»; в записке драматургу (от 28 декабря 1940 г.) вождь сказал о пьесе «В степях Украины»: «Получилась замечательная штука»¹. Рукой Сталина в текст Корнейчука внесены исправления – в заключительной сцене изменено несколько слов². Пьеса «Фронт», содержащая критику жестких командных методов и консерватизма в Красной Армии, вызвала после публикации в «Правде» (24 – 27 августа 1942 г.) негативную реакцию маршала С.Тимошенко, который даже направил телеграмму Сталину, назвав пьесу вредной и предложив привлечь автора к ответу. Видимо, Тимошенко не догадался, что пьеса была заказана лично вождем и ее публикация в центральном органе могла

¹ Сталин И.В. – Корнейчуку А.Е. // Власть и художественная интеллигенция. Документы ЦК РКП(б) – ВКП(б), ВЧК – ОГПУ – НКВД о культурной политике. 1917 – 1953 гг. Сост. А.Артизов и О.Наумов. М., 2002. С. 466.

² Подробнее см.: Громов Е.С. Сталин: власть и искусство. М., 1998. С. 201 – 202.

состояться лишь с его одобрения. В тот же день вождь ответил маршалу телеграммой, в которой отметил, что «пьеса правильно отмечает недостатки Красной Армии» и что Тимошенко ошибается в оценке пьесы.

1 сентября 1942 года Сталин переслал Корнейчуку телеграмму Тимошенко и свой ответ на нее, приложив к этим бумагам сопроводительную записку³.

В ответ на эти события 3 сентября 1942 года Корнейчук написал короткое письмо Сталину. Он «сердечно благодарит» вождя за внимание и понимание, выражает готовность служить своим искусством советскому государству и даже позволяет себе, рассчитывая на адекватную реакцию вождя, пошутить над неизвестными читателями, критически оценившими его пьесу. Он пишет, что если те, кто пообещал «переломать ему кости», набросятся поодиночке, а не все вместе, – «тогда это уже не так страшно»⁴. Тон письма доверительный, почтительно-дружеский: драматург в данном случае не имеет иных целей, кроме желания выразить благодарность вождю за поддержку пьес и подчеркнуть свою благонамеренность.

Уместным будет рассмотреть здесь одно из писем М.Шолохова от 11 декабря 1939 г.⁵, которое он посылает Сталину из Вёшенской, приурочив его ко дню рождения вождя и окончанию «Тихого Дона». Это послание отличается от всех прочих текстов Шолохова своей интимностью, задушевностью. Михаил Александрович рассказывает о том, что жена не давала ему пить коньяк, подаренный Сталиным во время посещения писателем дачи вождя (24 мая 1936 г.), и что они после долгих споров нашли компромисс – распить бутылку, когда Шолохов закончит «Тихий Дон». И вот он заканчивает книгу в момент, когда приближается 21 декабря – день рождения Иосифа Виссарионовича. Писатель хочет выпить сталинского коньяку в день его рождения и пожелать вождю того, что «желает старик из приложенной статейки» – здоровья и долголетия. Заздравному тексту письма соответствует одно из наиболее сердечных обращений к вождю, на которые оказывается способным писатель в рамках переписки: «Дорогой т. Сталин!». Самоирония («в трудные минуты жизни... я не раз покушался на целостность Вашего подарка») и ирония в адрес жены и женщин вообще, «с отвратительным упрямством», «яростно и методично» охраняющих мужей от невоздержанных возлияний, придают письму демократичность, домашность интонаций. Шолохов сообщает также о том, что решил послать Сталину свою статью, сомневаясь, напечатает ли ее «Правда». В ней вспоминается, как «в 1933 году враги народа из краевого руководства бывшего Азово-Черноморского края... лишили колхозников хлеба» и как Сталин незамедлительно откликнулся на просьбу группы партийных работников о помощи. Шолохов пишет, какую благодарность испытывают колхозники по отношению к своему любимому вождю и что лучше всего отблагодарить вождя следует не пышными пространными фразами и речами, а простым сердечным словом «Спасибо», ибо «говоря о Сталине, можно благодарить без многословия, ...оценивать деятельность великого человека, не злоупотребляя эпитетами». Это статья о том, что для многих людей 21 декабря – праздник, во время которого соберется вся семья, подумает о том, «как много больших и трудных забот о народе лежит на его (Сталина – Е.С.) плечах», хозяин произнесет тост с пожеланием здоровья и долголетия вождю, которому «вся наша великая страна могуществом и расцветом обязана», и только потом заговорят о политике, об урожае⁶. Многократно усиленное в статье (по сравнению с письмом) славословие в адрес вождя дает повод отнести к обоим текстам как к чистой воды официозу. Здесь есть все основные устойчивые панегирические

³ И.В.Сталин – С.К.Тимошенко; И.В.Сталин – А.Е.Корнейчуку // Власть и художественная интеллигенция. ... С. 479.

⁴ Корнейчук А.Е. – Сталину И.В. // Власть и художественная интеллигенция. ... С. 479 – 480

⁵ Шолохов М.А. – Сталину И.В. // Писатель вождь: Переписка М.А.Шолохова с И.В.Сталиным. 1931 – 1950 годы. Сб. документов из личного архива И.В.Сталина. Сост. Ю.Мулин. М., 1997. С. 127 – 129.

⁶ Писатель вождь... С. 151 – 153.

конструкции, призванные подчеркнуть величие и в то же время скромность вождя, его колоссальную ответственность за страну в целом и вместе с тем его присутствие в каждом доме, семье в качестве дорогого и любимого «человечного человека», согласно советской идеомифологии, уже отработавшей ленинский миф. Сталинский миф претенциознее: имя вождя упоминают в первую очередь (мотив старшинства, отцовства).

Однако при внимательном прочтении этого шолоховского послания вождю мы обнаружим уже отмечавшийся необычный сплав официоза и «ереси» в пределах одного текста, в целом характерный для эпистолярной манеры Шолохова и проявляющийся на разных уровнях содержания и формы его писем. Почему, например, предназначенная для «Правды» статья названа в письме несерьезным словом «статейка» и откуда могут возникнуть сомнения в возможности ее публикации?

Уже в первой строке статьи зачин к опасной дискуссии со Сталиным: «В 1933 году... под видом борьбы с саботажем... весь хлеб, в том числе выданный авансом, был изъят... начался голод»⁷. Это ответ на слова Сталина в его письме Шолохову от 6 мая 1933 г., где вождь отчитывает вёшенца за политическую неразборчивость и объективизм: «Я поблагодарил Вас за письма, так как они вскрывают болячку нашей партийно-советской работы... Но это не значит, что я во всем согласен с Вами. Вы видите одну сторону... Ваши письма не беллетристика, а сплошная политика»⁸. Иосиф Виссарионович дает писателю своего рода урок политграмоты, который больше напоминает обоснование обвинения по статье 58 Уголовного кодекса: «Хлеборобы Вашего района (и не только Вашего района) проводили «итальянку» (саботаж)... по сути, вели тихую войну с советской властью. Войну на измор...»⁹. И это не единственная крамола в письме. Шолохов рискнул прервать замалчивание самого по себе факта организованного из Кремля преступления – насильственный вывоз зерна, что привело к массовому голоду (умерло несколько миллионов человек). Газета «Правда» предостерегала таких правдолюбцев, как Шолохов: «Заявление о голодной смерти миллионов советских человек является вульгарной клеветой, грязным наветом». Кроме того, объектом авторской критики становятся те, кто истово раскручивал маховик вседержавной культовой машины: «Некоторые из тех, кто привычной рукой пишет резолюции и статьи, иногда забывают, говоря о Сталине, что можно благодарить без многословия, любить без частых упоминаний и оценивать великого человека, не злоупотребляя эпитетами»¹⁰.

Статья все же была опубликована¹¹. Возможно, Сталин рассудил, что о его разногласиях с писателем никто не знает, намек на «многословие» и «эпитеты» могут и не понять. Не обидеться на крамольную статью – возможность склонить на свою сторону непокорного литератора.

В данном письме важно еще одно – упоминание о завершении работы над «Тихим Доном». Работа над романом, так стремительно начатая, затянулась в 1930-е годы. Шолохов долго не решался обнародовать заключительные главы, которые не имели ничего общего с тем, что ему настойчиво рекомендовали партийные функционеры и коллеги (Н.Островский, А.Фадеев и др.): Григорий Мелехов должен был непременно «перейти к красным», возможно, даже погибнуть за коммунистическую идею. В обстановке наибольшего разгула политических репрессий в стране Шолохов совершает поистине своенравный поступок: заканчивает роман так, как он, видимо, и был задуман. Прокляв «и революцию, и контрреволюцию», раздавленный ими, потерявший все, чем жил, и все-таки остающийся человеком свободным, Григорий Мелехов в финале

⁷ Там же. С. 151.

⁸ Сталин И.В. – Шолохову М.А. // Писатель вождь... С. 68.

⁹ Там же. С. 69.

¹⁰ Писатель вождь... С. 152.

¹¹ Правда. 1939. 23 декабря. С. 3. Эта статья вошла также в специальный сборник статей, приуроченный к юбилею вождя (Сталин: К шестидесятилетию со дня рождения. М., 1940. С. 239 – 241).

предстает как суровый обвинитель разорителей России, идейного экстремизма за счет народа.

Так шолоховские послания, выдержанные в традициях официальных здравниц, обнаруживают неожиданный подтекст, что значительно усложняет их жанровую природу.

Необычное письмо этого же типологического ряда написано в декабре 1940 года писателем Я.Ларри на имя Сталина¹². Письмо необычно самой центральной мыслью, в нем содержащейся, – желанием писать лично для вождя. Сама по себе ситуация, когда вождь видится в роли первого читателя и критика, не нова, но в данном случае он должен стать вообще единственным свидетелем творческих усилий автора письма. Ларри мотивирует такую установку тем, что «нет такого великого, который не вставал бы в памяти, не окруженный какими-нибудь историческими спутниками: людьми, животными, вещами», и в то же время «ни у одной исторической личности не было еще своего писателя»¹³. Такого писателя, который писал бы только для одного великого человека», а этот пробел необходимо восполнить. Далее, правда, Ларри допускает оплошность, намеренно принижая себя как художника, говорит об отсутствии литературных способностей, которые он пытается компенсировать «усердием, добросовестным отношением к принятым на себя обязательствам»¹⁴. Эта несоизмеримость масштабов «великого» вождя и заурядного писателя, думается, изначально обрекает на поражение авторскую попытку стать придворным художником, ибо власть, как известно, намерена была приручить и сделать рупором своих идей и собственным летописцем и биографом писателей значительно более крупного масштаба. Возможно, славословие в адрес вождя – лишь не очень тонкая лесть с целью добиться опубликования рукописи, которую письмо сопровождает, однако в нем такая просьба вербально (даже в форме намека) не выражена. Что касается рукописи, то это еще одна неожиданность в «случае Ларри». Сочинение, посылаемое Сталину, состоит из коротких главок, и автор уверен, что его читатель непременно заскучает, когда будет его читать (снова самоуничижение и снова не очень дальновидное предложение «великому» читать «скучный» текст). При этом автор письма использует вряд ли уместное в ситуации «единственный писатель для единственного – великого – читателя» сравнение своей «скучной» рукописи с ядом: «...скука, как яд, в небольших дозах не только не угрожает здоровью, но, как правило, даже закаляет людей»¹⁵. Речь идет о семи главах социально-фантастической повести «Небесный гость». Сюжет повести – экспедиция на Землю космического корабля марсиан. В беседах с землянами гости выясняют истинное положение советского общества, недостатки которого и бедность населения автор обуславливает деятельностью партийно-государственного аппарата. Удивительно, что произведение такой тематики было сопровождено панегирическим в отношении к вождю письмом. Не менее удивительно то, что автор, выражая желание писать лично для Сталина, скрывает свое имя и подписывается грузинским словом Кулиджары. Он только хочет, чтобы Сталин знал, что «есть в Ленинграде один чудака, который своеобразно проводит часы досуга – создает литературное произведение для единственного человека». Ларри пишет: «Вы никогда не узнаете моего настоящего имени»¹⁶.

Власть (и лично вождь) не оценила творческого порыва художника и его готовности писать не для славы, а для вождя – инкогнито. И упоминание яда, и желание остаться неузнанным в контексте письма на имя Сталина, и далекое от славословия содержание повести привели к результатам прямо противоположным тем, на которые, видимо, рассчитывал писатель. Его письмо и повесть были переправлены в НКВД, и вскоре его вычислили. 13 апреля 1941 года Ларри был арестован по обвинению в сочинении

¹² Ларри Я.С. – Сталину И.В. // Власть и художественная интеллигенция. ... С. 468.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же.

«повести контрреволюционного содержания» и 5 июля 1941 года осужден к десяти годам заключения в концлагере с последующим поражением в правах сроком на пять лет. Выдержки из повести Ларри были опубликованы только в девяностые годы¹⁷.

Совсем иначе, чем трагикомический случай Ларри, выглядит эпистолярное общение с вождем А.Толстого, который в соответствии с рекомендациями Сталина правит драматургическую диологию об Иване Грозном – «Орел и орлица», «Трудные годы». Толстой считал себя последовательным приверженцем реализма, но на практике это был весьма эластичный реализм, нередко вследствие неприкрытой идеологизации превращавшийся в чистейший нормативизм; вместе с тем художественно-условные модели действительности не могли быть реалистическими или чисто реалистическими даже вне такой прямой связи с нормативной идеологией. Писатель бывал чрезвычайно взыскателен к себе, переделывая произведения по многу раз, к сожалению, далеко не всегда в лучшую сторону. Он уничтожал или предавал полному забвению страницы, по каким-то причинам не удовлетворявшие его, и в то же время создал большое количество однодневок, сочинений заведомо крайне слабых, например диологию «Иван Грозный», весьма конъюнктурную (даже довольно доброжелательный к бывшему сотоварищу по эмиграции М.Л.Слоним отметил: «У него сильно развита художественная угодливость, и ради каких-либо «Лозунгов дня» он готов пуститься в самую беспардонную халтуру»¹⁸). Диология была заказана в 1938 году Комитетом по делам искусств и начата в первые дни Отечественной войны. Первая часть диологии – «Орел и орлица» – была негативно оценена А.С.Щербаковым, который в записке Сталину от 28 апреля 1942 года даже предлагал запретить пьесу, так как «постановка этой пьесы или ее издание усугубили бы путаницу в головах историков и писателей по вопросу об истории России в XVI веке и Иване»¹⁹.

30 мая 1942 года председатель Комитета по делам искусств М.Б.Храпченко в газете «Литература и искусство» обрушился на автора с разгромной статьей (в духе того времени), в которой обвинил его в «несоответствии концепции пьесы историческим реалиям», на основании чего пьеса была снята с репетиций.

Первое письмо Толстого Сталину датировано 2 июня 1943 года. Этим письмом писатель сопроводил вторую пьесу диологии – «Трудные годы». Он пишет об Иване Грозном, любимом историческом персонаже вождя, как о великом человеке, самом ярком характере своего времени, «средоточии всех своеобразий русского характера», и даже высказывает мысль, что от Грозного, «как от истока, разливаются ручьи и широкие реки русской литературы»²⁰. Очевидно, что здесь не обошлось без косвенного славословия самому Сталину (данная историческая параллель в те годы была устойчивой). Толстой называет «Орла и орлицу» «опытным пониманием Грозного», а «Трудные годы» – «рассказом о делах Грозного», «самым трудным и самым дорогим произведением». Писатель просит Сталина ознакомиться с «Трудными годами», ссылаясь на то, что Щербаков не дает ему никакого ответа относительно пьесы и она лежит без движения, тогда как Малый театр хочет ее поставить²¹. Письмо выдержано в спокойном, уважительном тоне; писатель обращается к вождю как к третьей стороне, который в состоянии разрешить напряженную ситуацию. Однако сам предмет разговора, в котором не может не быть заинтересован адресат, существенно разводит письмо Толстого с теми образцами писем-жалоб и просьб, которые анализировались выше.

После получения письма Сталин ознакомился с пьесами. Об этих произведениях состоялась беседа вождя с писателем²² явно не без последствий для их «доработки».

¹⁷ См. в издании: Писатели – жертвы политических репрессий. Выпуск 1. Тайное становится явным. СПб., 1993. С. 223 – 234.

¹⁸ Слоним М.Л. Портреты советских писателей. Paris, 1933. С. 88 – 89.

¹⁹ Щербаков А.С. – Сталину И.В. // Власть и художественная интеллигенция. ... С. 478.

²⁰ Толстой А.Н. – Сталину И.В. // Власть и художественная интеллигенция. ... С. 486.

²¹ Там же. С. 487.

²² Воспоминания об А.Н.Толстом. М., 1982. С. 44 (свидетельство Д.Офтенберга).

В следующем письме вождю от 16 октября 1943 года Толстой отчитывается о проделанной работе: «Я переработал обе пьесы» – и перечисляет все сделанные им изменения. Вместе с этим письмом он посылает Сталину исправленный вариант обеих пьес, отметив красным карандашом все наиболее важные переделки. Похоже, писателю не терпится увидеть свои пьесы на сцене; он просит Иосифа Виссарионовича дать благословение на начало этой работы: автор энергично выполняет данный ему «социальный заказ»²³.

Через месяц с небольшим после этого письма, 26 ноября 1943 года, Толстой пишет Сталину еще одно письмо вместе с очередной переработкой пьесы «Орел и орлица». Автор решил конкретнее обрисовать линию Курбского и феодалов и заострить линию абсолютизма Грозного. Он считает, что изменил пьесу в лучшую сторону; перечисляет театры, которые хотят приступить к постановке пьес, на которую все еще нет разрешения (впрочем, как и на публикацию). Толстой пишет: «Помогите, Иосиф Виссарионович, благословите начать работу в театрах, если Вы согласитесь с моими переделками»²⁴. Создается стойкое впечатление, что писатель переделывает пьесы не только с целью скорейшей постановки, но чтобы угодить вождю. Третье письмо, как и второе, напоминает отчет о проделанной работе под вдумчивым руководством вождя.

Пьесу «Орел и орлица» («Иван Грозный») Малый театр поставил в октябре 1944 года. В «Правде» за 27 октября 1944 года была помещена благожелательная рецензия на постановку – статья Л.Ф. Ильичева «Пьеса Ал.Толстого „Иван Грозный“ в Малом театре». Премьера пьесы «Трудные годы» состоялась уже после смерти Толстого 16 июня 1946 года во МХАТе. Публикация пьес осуществлена в 1943 году.

Именно эту драматическую дилогию, рисующую противостояние в авторской концепции многострадального прогрессивного царя и бояр-ретроградов, изменников и отравителей, умирающий от рака Толстой подарил сыну Никите с надписью: «Это самое лучшее, что я написал»²⁵.

Была своя сложная история взаимоотношений с властями у Б. Пастернака. Она завязалась в 1920-е годы, когда Генеральный секретарь ВКП(б) на рубеже 1924 – 1925 годов в беседе с Маяковским, Есениным и Пастернаком выразил желание увидеть перевод грузинских поэтов на русский язык. О.В.Ивинская свидетельствует, что в то время «начались разговоры о том, что грузинских поэтов нужно переводить на русский язык. Б.Л., очевидно, подавал большие надежды. Сталин решил, опираясь на талант, который он чувствовал в Пастернаке, возвеличить грузинскую поэзию. Сам Б.Л. свою совместную с Маяковским и Есениным встречу со Сталиным объяснял надеждой последнего на то, что русские поэты поднимут знамя грузинской поэзии»²⁶.

Впрочем, еще при жизни Маяковского выяснилось, что этот невинный «социальный заказ» имел далеко идущие планы. В дневниковой записи от 3 октября 1936 года Л.Горнунг пишет, что поэмы Маяковского «Хорошо!» и «Владимир Ильич Ленин» «очень понравились наверху», и прозвучала уверенность, что такие же талантливые поэмы будут написаны и о современном вожде. Когда Маяковский покончил с собой, Пастернаку, по его рассказу, было сделано («намекали») предложение «взять на себя эту роль» «придворного поэта». Борис Леонидович «пришел от этого в ужас и умолял не рассчитывать на него; к счастью, никаких мер против него не последовало»²⁷.

Таким образом, разговор о переводах грузинской поэзии был своеобразным зондированием, преследующим одну цель – создать «карманную» поэзию, а для этого следовало приручить лучших поэтов.

²³ Толстой А.Н. – Сталину И.В. // Власть и художественная интеллигенция. ... С. 500.

²⁴ Толстой А.Н. – Сталину И.В. // Власть и художественная интеллигенция. ... С. 501.

²⁵ Цит. по: Крюкова А.М. Алексей Николаевич Толстой. М., 1989. С. 138.

²⁶ Ивинская О.А. Годы с Борисом Пастернаком: В плену времени. М., 1992. С. 75.

²⁷ Горнунг Л. Встреча за встречей: Дневниковые записи // Литературное обозрение. 1990. № 5. С. 107.

Однако спустя некоторое время после встречи с вождем поэт все-таки взялся за переводы. Во время работы Пастернак столкнулся с незнакомым языком. Евгений Борисович, сын поэта, свидетельствует, что «занятия грузинским, начиная с 1931 года, дали некоторое понятие об азбуке и грамматике, умение что-то прочесть и понять, сказать застольную речь, но настоящее знание языка, необходимое для того, чтобы создать по-русски стихи, конгениальные оригиналу, требовало много времени и сил. Договорные сроки заставили обратиться к подстрочникам»²⁸. Несколько стихотворений Табидзе и Яшвили Пастернак записал в чтении самих авторов еще в 1931 году, а в октябре 1933 года в отделанном виде эти переводы были посланы в журнал «Литература и искусство Закавказья».

Стремясь раздобыть новые авторские подстрочники, Пастернак примкнул к писательской бригаде, отправившейся 14 ноября 1933 года в Тифлис.

17 ноября 1932 года «Литературная газета» поместила на первой полосе фотографию покончившей с собой Надежды Сергеевны Аллилуевой, жены Сталина, в траурной рамке. Здесь же было помещено коллективное соболезнование 33 писателей. Среди них Л.Леонов и В.Инбер, В.Шкловский и Ю.Олеша, И.Ильф и Е.Петров, Б.Пильняк и А.Фадеев, М.Шагинян и Э.Багрицкий... Обращение было довольно сухим, казенным:

«Дорогой т. Сталин! Трудно найти такие слова соболезнования, которые могли бы выразить чувство собственной нашей утраты. Примите нашу скорбь о смерти Н.С.Аллилуевой, отдавшей все свои силы делу освобождения миллионов угнетенного человечества, тому делу, которое Вы возглавляете и за которое мы готовы отдать свои жизни, как утверждение несокрушимой жизненной силы этого дела»²⁹.

Пастернак предпочел ниже этого послания приписать слова соболезнования лично от себя, слова несравненно более теплые, проникновенные и очень искренние: «Присоединяюсь к чувству товарищей. Накануне глубоко и упорно думал о Сталине; как художник – впервые. Утром прочел известие. Потрясен так, точно был рядом, жил и видел. Борис Пастернак»³⁰.

Не исключено, что это послание Бориса Леонидовича запомнилось. Ведь его слова «...думал о Сталине; как художник – впервые» могли быть истолкованы как обещание писать о вожде. Внимание со стороны критиков возросло.

В 1934 году состоялся еще один телефонный разговор вождя и поэта. Сталин позвонил Пастернаку незадолго до освобождения Мандельштама, за которого Борис Леонидович ходатайствовал через Бухарина³¹.

Пастернака вызвали к телефону, предупредив, кто его вызывает. С первых же слов Пастернак начал жаловаться, что плохо слышно, потому что он говорит из коммунальной квартиры, а в коридоре шумят дети. В те годы такая жалоба еще не означала просьбы о немедленном, в порядке чуда, устройстве жилищных условий. Просто Борис Леонидович,

²⁸ Пастернак Е.Б. Борис Пастернак: Материалы для биографии. М., 1989. С. 505.

²⁹ Литературная газета. 1932. 17 ноября. С. 1.

³⁰ Там же.

³¹ В ночь с 13 на 14 мая 1932 года был арестован Осип Мандельштам. Пастернак обратился к заступничеству Бухарина. Одновременно с распоряжением о пересмотре дела Пастернаку позвонил по телефону Сталин. Это было в 20-х числах июня. (Разговор был передан Ахматовой и Н.Я.Мандельштам и по свежим следам ими достаточно точно записан). Е.Б.Пастернак пишет: «Речь шла не о заступничестве за Мандельштама, о котором Сталин сразу сказал, что с ним будет все хорошо, Сталин, как следователь, выяснял, как широко известны стихи, за которые Мандельштам был арестован, и Пастернак, которому они были читаны самим автором, сразу почувствовал крючок в опасных выяснениях относительно дружбы с Мандельштамом, его мастерстве и причинах, почему писательская организация за него не заступает. Он поспешил перейти от этой темы к существенному для него вопросу о праве распоряжаться жизнью и смертью людей, и Сталин, к счастью для собеседника, оборвал этот разговор. Для Мандельштама ссылка в Чердынь была заменена „минусом“. Он поселился в Воронеже» (Пастернак Е.Б. Указ. соч. С. 530).

по свидетельству Н.Мандельштам, в тот период каждый разговор начинал с этих жалоб. «Со Сталиным он разговаривал, как со всеми нами»³².

Сталин сообщил Пастернаку, что дело Мандельштама пересматривается и что с ним все будет хорошо. Затем последовал неожиданный упрек: почему Пастернак не обратился в писательские организации или «к нему» и не хлопотал о Мандельштаме³³.

После этого разговора Пастернак мечтал о «настоящей» встрече с вождем, о «настоящем» разговоре с ним. Н.Мандельштам рассказывает, что «Борис Леонидович остался недоволен своим разговором со Сталиным и много жаловался, что не сумел его использовать, чтобы добиться встречи»³⁴.

О том же мечтал и Булгаков.

Но «настоящего» разговора с вождем так и не состоялось – ни у того, ни у другого.

Осенью 1934 года на Первом съезде советских писателей СССР в докладе Н.И.Бухарина «О поэзии, поэтике и задачах поэтического творчества в СССР» Пастернак был выделен «из ныне живущих советских поэтов»³⁵. Это было сигналом к тому, что Пастернак становится официально признанным поэтом. Как официально разрешенный литератор, Пастернак получает причитающуюся ему часть материальных благ. Однако вскоре сам Сталин изменил политику в отношении Пастернака. Вождь решил не его «назначить» лучшим советским поэтом. «Лучшим и талантливейшим поэтом нашей советской эпохи» был признан покойный В.Маяковский.

В июне 1935 года Пастернак, по личному распоряжению Сталина, выезжает в Париж на международный антифашистский конгресс. В новогоднем номере газеты «Известия» от 1 января 1936 года появились два стихотворения Пастернака о Сталине – «Я понял: все живо...» и «Мне по душе строптивый норв...». Второе стихотворение интересно тем, что в нем Борис Леонидович говорит о соотношении роли вождя и роли поэта.

Образ вождя постоянно проецируется на жизнь и труд поэта (образ автобиографический, хотя и написано стихотворение от третьего лица). Как отмечает В.С.Баевский, «...поэтами оказываются оба: один – поэт – гений поступка, другой – поэт слова»; в «двухголосой фуге», отмечает исследователь, «Сталин – это первый голос, пропоста, ... а поэт – рипоста...»³⁶.

Постепенно тучи над Пастернаком стали сгущаться. Ведь поэт в этот период открыто пошел против власти. Он ходатайствовал за мужа и сына А.А.Ахматовой, Н.И.Пунина и Л.Н.Гумилева, первый раз арестованных в 1935 году ненадолго и освобожденных вскоре после просьбы Пастернака. Он поддерживал переписку с теми, кто находился в ссылке и в лагере (В.Шаламов, А.Эфрон и др.), помогал семьям репрессированных. В 1936 и 1937 годах Пастернак написал обреченному Бухарину два письма, чтобы поддержать его. Переломным моментом в отношениях Сталина и

³² Мандельштам Н.Я. Воспоминания. М., 1999. С. 171.

³³ Ответ Пастернака: «Писательские организации этим не занимаются с 27 года, а если б я не хлопотал, вы бы, вероятно, ничего бы не узнали...». Затем Пастернак прибавил что-то по поводу слов «друг», желая уточнить характер отношений с О.М., которые в понятие дружбы, разумеется, не укладывались. Эта ремарка была очень в стиле Пастернака и никакого отношения к делу не имела. Сталин прервал его вопросом: «Но ведь он же мастер, мастер?» Пастернак ответил: «Да дело не в этом...». «А в чем же?» – спросил Сталин. Пастернак сказал, что хотел бы с ним встретиться и поговорить. «О чем?» – «О жизни и смерти», – ответил Пастернак. Сталин повесил трубку. Пастернак попробовал снова с ним соединиться, но попал на секретаря. Сталин к телефону больше не подошел. Пастернак спросил секретаря, может ли он рассказывать об этом разговоре или следует о нем молчать. Его неожиданно поощрили на болтовню – никаких секретов из этого разговора делать не надо... Собеседник, очевидно, желал самого широкого резонанса. Чудо ведь не чудо, если им не восхищаются» (Мандельштам Н.Я. Указ. соч. С. 171 – 173).

³⁴ Мандельштам Н.Я. Указ. соч. С. 173 – 174.

³⁵ Доклад Бухарина опубликован в: Первый Всесоюзный съезд советских писателей. 1934. Стенографический отчет. М., 1990.

³⁶ Баевский В.С. Пастернак-лирик: Основы поэтической системы. Смоленск, 1993. С. 218 – 219.

Пастернака, вероятно, стал отказ поэта написать большое произведение о вожде и его эпохе (в духе поэмы «Девятьсот пятый год»). Возможно, это произошло во время встречи Сталина с Пастернаком в 1936 году, когда повсюду шли аресты, а Пастернака не печатали. Кроме того, известно об одном очень опасном для поэта эпизоде. Иосиф Виссарионович позвонил поэту и попросил его дать свою оценку стихам, автор которых – «один его друг» (Борис Леонидович сразу понял, что речь идет о стихах самого Сталина). Когда через несколько дней эти стихи были доставлены Пастернаку, он увидел, что «вирши» слабы. Когда, через длительное время раздался повторный звонок, Пастернак, по воспоминаниям Г.Нейгауз, решительно сказал, что стихи плохие и «пусть его друг лучше займется другим делом, если оно у него есть. Помолчав, Сталин сказал: „Спасибо за откровенность, я так и передам!“ После этого Пастернак ожидал, что его посадят. Но жизнь проходила спокойно»³⁷. Оба собеседника знали, о ком и о чем идет речь, и оба выдержали свою роль до конца.

13 марта 1936 года в разгар дискуссии о формализме на Общемосковском собрании писателей Пастернак открыто заявил о несогласии со статьями в «Правде», обвиняющими в формализме лучшие произведения советской музыки, литературы, изобразительного искусства.

В 1937 году широко отмечался столетний юбилей со дня смерти Пушкина. Союз писателей проводил торжественный пленум. Подверглись критике многие поэты – Н.Асеев, И.Сельвинский, С.Кирсанов, И.Уткин... Но больше всего досталось Пастернаку. Ораторов заводило в тупик сопоставление современной поэзии с пушкинской и желание мерить ее достижения несравненной меркой его высоты. Доклад Тихонова подвергся упрекам за слишком мягкую критику Пастернака, «поэта, меньше всего претендующего на роль представителя пушкинских начал». Наиболее четкая тенденция противопоставления пленума атмосфере съезда была сформулирована в речи А.Суркова, который напомнил о происходившей «здесь, в этом зале, два с половиной года тому назад» «канонизации той части нашей советской поэзии, для которой характерна пресловутая тонкость». При этом в первую очередь подразумевались Пастернак и Сельвинский. В выступлениях Дж.Альтаузена, Д.Петровского, А.Безыменского открыто звучали обвинения Пастернака в намеренном проведении чуждых и враждебных идей под видом тонкости и сложности образов. Пастернаку пришлось приехать на последнее заседание и выступить на нем, напомнив о своих предыдущих превратно понятых выступлениях и возникавших из этого недоразумениях. Пастернак сказал только, что никогда не думал противопоставлять себя обществу и народу и не понимает выдвигавшихся обвинений³⁸.

В марте 1936 года Пастернак послал Сталину книгу своих переводов «Грузинские лирики» (М., 1935). В сборник был включен ряд стихотворений, воспевавших вождя в традициях восточной панегирической поэзии (В.Гаприндашвили, П.Яшвили, Н.Мицишвили). Поэт сопроводил сборник письмом³⁹. Письмо это очень интимно: в нем доверительная, дружеская интонация обращения к вождю, поэтичность, задушевная искренность. И это при всей уважительности к адресату, при подчеркнутой скромности автора. Письмо отличает чувство собственного достоинства, понимание своего значения как художника, позволяющее беседовать с вождем на равных. Отсюда и доверительность, и ответственность суждений – о грузинских лириках, о Маяковском, об Ахматовой, об общественном мнении, о своем творчестве, о себе и о своем адресате. Ощущается уверенность автора в своей правоте, в своем праве высказывать объективную оценку всему. Письмо отмечено последовательно проводимой в нем мыслью об органическом единстве «поэта и царя» как двух разных, может быть, даже полярных началах

³⁷ Нейгауз Г. Воспоминания // Литературная Грузия. 1988. № 2. С. 205.

³⁸ Пастернак Е.Б. Указ. соч. С. 532.

³⁹ Пастернак Б.Л. – Сталину И.В. // Шнейберг Л.Я., Кондаков И.В. От Горького до Солженицына. Пособие для поступающих в вузы. М., 1995. С. 203.

мироздания: всемогущества, истинного величия вождя – и скромности, жизненной уединенности поэта, движимого интуитивными порывами и прозрениями. В письме ощущается уверенность поэта в том, что вождь его, безусловно, поймет. Она проявляется даже в самом неблагоприятном для поэта контексте признания своей слабости, несамостоятельности, неспособности «поднести» Сталину достойный плод своих трудов; в косвенном отказе от выполнения некоего принятого на себя обязательства; в благодарности за то, что Сталин публично назвал «лучшим, талантливейшим поэтом нашей, советской эпохи» Маяковского, тем самым освободив Пастернака от тяготящего титула и соответствующих ему политических обязанностей. Эта особая доверительность звучит и в благодарности за чуткость (освобождение мужа и сына Ахматовой), и в намеке на собственную художественную неординарность – «скромная тишина», «неожиданности», «таинственности», особая, поэтическая любовь к жизни, которую может адекватно понять и оценить только близкий человек – адресат, сама личность неординарная⁴⁰. Наконец, как замечает В.С.Баевский, «обращает на себя внимание дважды выраженное ощущение мистической связи, соединяющей поэта и вождя: уверенность в том, что не выраженное чувство признательности все равно до Сталина дойдет, и слова о чем-то тайном, что привязывает автора письма к Сталину»⁴¹.

Таким образом, письмо-дифирамб, представленное столь значительными именами, занимает далеко не последнее место в ряду «писем вождю».

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Баевский В.С. Указ. соч. С. 225.

Димитрина Лесневска

ПРЕПОДАВАНИЕ БИЗНЕС РУССКОГО ЯЗЫКА В НЕФИЛОЛОГИЧЕСКИХ ВУЗАХ БОЛГАРИИ

В эпоху глобализации обучению студентов иностранному языку в нефилологических вузах Болгарии уделяется большое внимание. Иностранные языки приобрели сегодня особое значение и являются необходимым компонентом системы обучения в нефилологических вузах. Знание языков – залог будущей успешной научно-профессиональной деятельности выпускников вузов независимо от их профиля.

Преподавание иностранных языков студентам неязыковых специальностей является сложным процессом. Студенты, специализирующиеся в разных областях знаний, должны овладеть иностранным языком, чтобы осуществлять международное деловое общение и пользоваться зарубежной научной и справочной литературой по своей специальности. Используемые в преподавании тексты по специальности должны отвечать определенным стилистическим нормам. Особенность преподавания иностранных языков для специальных целей общения состоит в том, что оно направлено на удовлетворение потребностей конкретной специальности. Обучение иностранному языку проводится в соответствии с профессионально-ориентированной учебной программой.

Изучение и преподавание языков для специальных целей является одним из приоритетных направлений современной прикладной лингвистики и методики языкового обучения. В лингводидактике появилась новая отрасль – профессиональная лингводидактика, которая ставит и разрабатывает вопросы теории и практики профессионально-ориентированного иноязычного обучения.

Главная задача обучения иностранному языку в нефилологических вузах – приобретение студентами языковой и коммуникативной компетенции (говорение, аудирование, чтение, письмо), уровень которой позволяет использовать иностранный язык в профессиональной практической и научной деятельности. Цель обучения – возможность осуществления студентами профессионального общения на иностранном языке.

Язык для специальных целей (Language for Specific Purposes – LSP) представляет собой средство формирования иноязычной профессиональной компетенции студента – будущего специалиста.

Существуют различные взгляды на сущность термина «язык для специальных целей»: его определяют либо как подход, совокупность методических приемов [Крупченко 2006], либо как разновидность языка «в целом» [Комарова 1996].

При определении языка для специальных целей как подхода подчеркивается его роль эффективного средства обучения языку специальности. LSP представляет собой синтез лингвистики и методики преподавания иностранных языков. При таком понимании LSP в центре внимания находятся обучаемые и их профессиональные лингвистические потребности.

При определении языков для специальных целей как разновидности языка подчеркивается их неоднородность: они представляют собой совокупность разнообразных подязыков науки, техники, экономики, а не целостный континуум. LSP

– иностранный язык специальности в неязыковых вузах, профессионально ориентированный регистр речи, функционирующий в тех областях знаний, которые имеют глубокую и разветвленную систему понятий. В языковом плане LSP характеризуется определенной идиоматической и стилистической ограниченностью.

Эффективность преподавания языка для специальных целей возрастает при наличии четко поставленных и сформулированных задач и целей, учебных программ, которые позволяют упорядочить учебный процесс.

Мы присоединяемся к определению языка для специальных целей как разновидности языка «в целом».

В литературе по лингводидактике подчеркивается функционально-стилистическая неоднородность языка для специальных целей, имеющего как функции сообщения, так и функции общения.

Бизнес русский язык (русский «бизнес-язык») изучается в экономических вузах Болгарии, в частности в Университете национального и мирового хозяйства (УНХМ) в Софии. В зависимости от специальности студенты УНХМ имеют возможность обучаться трем подъязыкам современного русского языка: бизнес-языку, языку политики и языку туризма. Бизнес русский изучают студенты специальности «международные экономические отношения», русский подъязык политики преподается студентам-международникам, русский подъязык туризма – студентам специальности «туризм».

Бизнес-язык (язык коммерции) обслуживает сферу профессионального общения в торговле. Его составляющими являются деловая риторика и технология ведения переговоров, заключение контракта, решение бизнес-задач, ведение деловой/коммерческой корреспонденции, документация по контракту, торговая реклама.

Курс иностранного языка на профессионально ориентированном уровне специалиста-экономиста имеет целью развитие навыков устной и письменной речи в сфере бизнес-общения. Для достижения этой цели необходимо:

- усвоение специальной терминологии;
- усвоение структурно-грамматических и стилистических особенностей бизнес-текстов (научных, официально-деловых, публицистических).

Бизнес русский язык, будучи языком для специальных целей (LSP), представляет собой совокупность неоднородных в функционально-стилистическом плане языковых разновидностей. Объединяющим звеном языковых пластов бизнес-языка является общая понятийная база – общая терминология в сфере коммерции. Именно общая терминологическая система представляет собой стержень бизнес-языка [Георгиева 2004]. Данная терминологическая система распределяется по целому ряду лексических тем бизнеса.

Преподавателями сектора «Русский язык» кафедры иностранных языков и прикладной лингвистики УНМХ разработана учебная программа по бизнес русскому языку для студентов специальности «Международные экономические отношения». В этой программе выделяются следующие лексические темы:

- деловая встреча/ профессиональное общение (профессиональные диалоги и полилоги);
- рынок, рыночная экономика;
- учреждение фирмы, фирменная деятельность и документация;
- торговые переговоры;
- банки и банковские операции;
- биржи;
- реклама;
- маркетинг;

- сделка о купле-продаже;
- внешнеторговая сделка;
- деловая и коммерческая корреспонденция;
- внешняя торговля;
- мировая экономика;
- Европейский Союз;
- внешнеторговые операции;
- контракт (условия контракта);
- пошлины, таможенные операции;
- цены;
- бухгалтерский учет;
- страхование;
- иностранные инвестиции и др.

В рамках бизнес русского (один из многих LSP) выделяются следующие функциональные разновидности речи:

- устное деловое/ профессиональное общение в рамках официально-делового функционального стиля;
- научный подъязык коммерции в рамках научного функционального стиля (подъязык экономики);
- переписка и документация по контракту в рамках официально-делового стиля;
- реклама в рамках публицистического функционального стиля.

Таким образом, русский бизнес LSP объединяет три функциональных стиля: научный, официально-деловой и публицистический.

Для эффективной языковой работы со студентами следует тщательно подбирать учебные тексты, иллюстрирующие различные функциональные стили: деловые и профессиональные диалоги и полилоги; научные экономические тексты (из специальных журналов, учебников и монографий); образцы деловой и коммерческой переписки; рекламные тексты из журналов и газет. Для обучения русскому «бизнес-языку» как иностранному необходимо выбирать современные разнообразные по своему характеру тексты, а также использовать современные информационные технологии, в частности, Интернет.

Сходство русского и болгарского бизнес-языков как подъязыков славянских родственных языков необходимо по возможности широко использовать в преподавании: учитывать положительную интерференцию и избегать отрицательной интерференции посредством комплексов упражнений и тестов. Сопоставительный подход необходим при обучении деловой переписке на русском языке, при этом следует учитывать, что болгарские студенты – будущие бизнесмены – должны уметь составлять коммерческие письма и другую документацию как на русском, так и на родном языке.

В настоящее время активного межкультурного общения бизнес русский как иностранный выходит за рамки учебной дисциплины в вузе. Знание бизнес русского значительно расширяет возможности деловой коммуникации и профессиональных контактов. У специалиста, владеющего иностранным языком, повышается готовность к самообразованию и самореализации, что является проявлением новой, личностно ориентированной парадигмы образования. В эпоху электронной революции набирает все большую силу новая концепция образования – образование на протяжении всей жизни. Это открытая система образования, предполагающая приобретение все новых специальных знаний и постоянное совершенствование профессиональных умений и навыков.

ЛИТЕРАТУРА

Георгиева 2004 – *Георгиева С.* Болгарско-русский, русско-болгарский словарь. С., 2004.

Комарова 1966 – *Комарова А.И.* Язык для специальных целей (LSP): теория и метод. М., 1996.

Крупченко 2006 – *Крупченко А.К.* Введение в профессиональную лингводидактику. М., 2006.

Анна Липовска

УЧЕБНА ДИСКУСИЯ

(симулиране на речева дейност в условия, близки до реалните)

Във връзка с предстоящи промени в учебните планове на висшите училища в България, наложени от необходимостта за хармонизиране на образованието ни с това в Европейския съюз, си позволявам да изложа мнение по един актуален въпрос, свързан с процеса на обучение и финалната форма на контрол на знанията, уменията и навиците по чуждоезикова устна реч на студентите русисти: какъв да бъде формата на устния държавен изпит по руски език (за степен бакалавър)?

Предложението се прави не с цел да се унифицира работата на преподавателите, а с цел да се обменят идеи и виждания по поставения въпрос, да се приведе нашата работа в състояние на съчетаемост и взаимно съответствие, в състояние на една съобразена с другите свобода на действията.

Предлагам на вашето внимание учебната дискусия като комплекс от учебни форми на работа, които могат да бъдат използвани както в обучението по устна реч, така и при контрола на постигнатите от студентите резултати в този вид речева дейност. По своята същност учебната дискусия в много голяма степен се доближава до естествената реч и това я прави една от най-ефективните форми на обучение и контрол.

Комплексът е представен в няколко схеми. Те отразяват един и същ обект – учебната дискусия, но от различни гледни точки. Това е «схематичният» отговор на въпросите КАКВО? КОГА? КАК? С КАКВА ЦЕЛ? се извършва в рамките на този учебен комплекс. Всеки от поставените въпроси е представен в отделна схема.

На *Схема 1* учебната дискусия се предлага като начин за симулиране речевата дейност на студентите в условия, близки до реалните.

ОСЪЩЕСТВЯВАНЕ НА УЧЕБНА ДИСКУСИЯ

Схема 1

Отговорът на въпроса *КАКВО се прави?* включва:

подготовка на дискусията

- генериране на идеи и теми за дискусия;
- изработване на сценарии за провеждане на дискусия;
- изработване на въпросници и анкетни схеми за провеждане на интервюта, анкети, репортажи;
- подбор и обработка на материали за дискусия на руски и на български език (запис на дискусии по радио; видеозаписи на дискусии в телевизионни предавания; писмени варианти на устни дискусии (от вестници, списания, научни публикации; интернет материали; материали и текстове от всякакъв характер, на базата на които може да бъде проведена устна дискусия; учебни сценарии на дискусии, беседи, интервюта, репортажи и др.).

осъществяване на дискусията

- участие в дискусия в ролята на водещ (въвеждане в темата; представяне на обекта; формулиране на основния проблем; резюмирано излагане на

- различни позиции; открояване на определени моменти; предложения за решения по проблемни въпроси; формулиране на изводи и др.);
- участие в дискусия в ролята на един от участниците (аргументирано изразяване на собствено мнение; аргументирано изразяване на съгласие / несъгласие с мнението на опонента; сравнителен коментар на различни мнения и др.);
- участие в дискусия в ролята на преводач (превод от руски на български и от български на руски – консекутивен, синхронен; реферативен);
- вземане / даване на интервю;
- представяне на материали от проведена анкета, интервю;
- представяне на материали от източници на руски и на български език.

На *Схема 2* е представена спиралата, по която се върви от една учебна година в друга, за да се достигне до възможността за осъществяване на устна дискусия на руски език. Тук се дава отговор на въпроса *КОГА?*

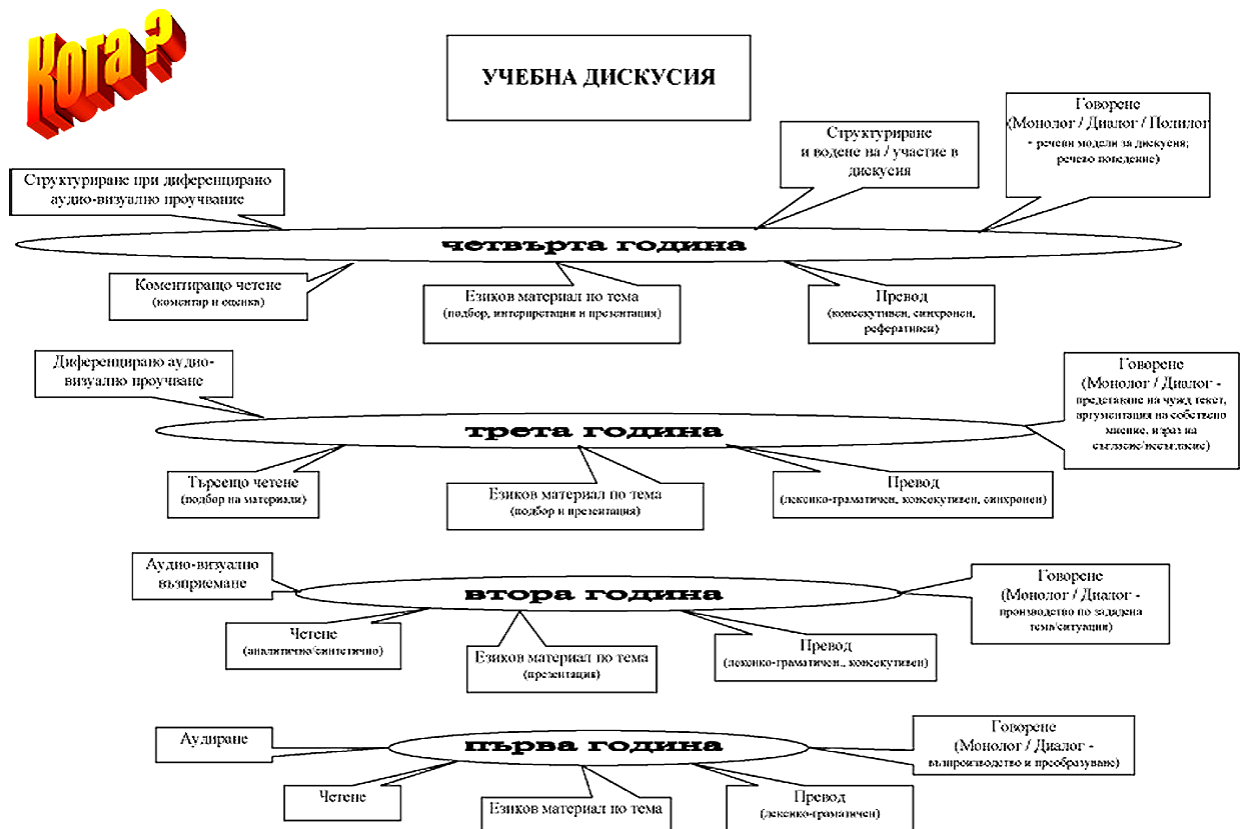

Схема 2

През първата учебна година се работи в рамките на различните видове речева дейност на начално ниво:

- въвеждане на езиков материал (главно на лексика по теми);
- превод, имащ за основна цел усвояването на определен лексико-граматичен материал;
- аудиране на текстове, свързани с определена тема;
- четене на текстове, свързани с определена тема;
- говорене (монологична реч – възпроизвеждане и преобразуване; диалогична реч – възпроизвеждане и преобразуване).

През втората учебна година работата по всички изброени видове дейности се усложнява:

- аудирането на текстове на руски език се допълва с възприемане на учебни филми;
- четенето се диференцира (аналитично и синтетично);
- работата с лексиката се усложнява с изработване на умения за различни начини за презентацията ѝ;
- въвежда се консекутивен превод;
- говорене (монологична реч – производство на текст по зададена тема; диалогична реч – производство на диалог по зададена ситуация).

През третата учебна година различните видове дейности са представени както следва:

- диференцирано проучване на аудио- и видеозаписи на дискусии (цел – подбор на думи и изрази по определена тема; речеви интенции и съответстващите им речеви /лингво-поведенчески/ модели за водене на дискусия);
- четене с основна цел – подбор на материал по зададена тема;
- работа на студентите по лексика с цел подбор и презентация на думи и изрази по зададена тема;
- въвежда се синхронен превод;
- монологична реч (представяне на чужд текст; аргументирано представяне на собствено мнение по определен въпрос);
- диалогична реч (изразяване на съгласие / несъгласие с мнението на опонента).

През четвъртата учебна година всички упоменати видове дейност преследват крайната цел – осъществяването на устна дискусия със свободно използване на придобитите навици и умения в естествени речеви ситуации.

Тези видове дейност са разположени в схемата на най-горната – най-голямата – окръжност от спиралата. Те са:

- структуриране на дискусиата въз основа на проучване на аудиовизуални материали;
- коментирано четене с оценка на проучени материали (писмени дискусии; писмени версии на устни дискусии);
- подбор и интерпретация на речеви интенции и съответстващите им речеви модели за водене на дискусия;
- използване на различни видове превод, включително реферативен;
- полилог (в допълнение към монолога и диалога);
- отработване на съответно речево поведение (вербално и невербално) на студента по време на дискусия в качеството му на водещ или участник.

Със *Схема 3* се отговаря на въпроса *КАК?* и се представят различните видове учебни форми, с помощта на които се въвеждат нови знания и се работи за придобиване на определени навици и умения за осъществяване на устна дискусия.

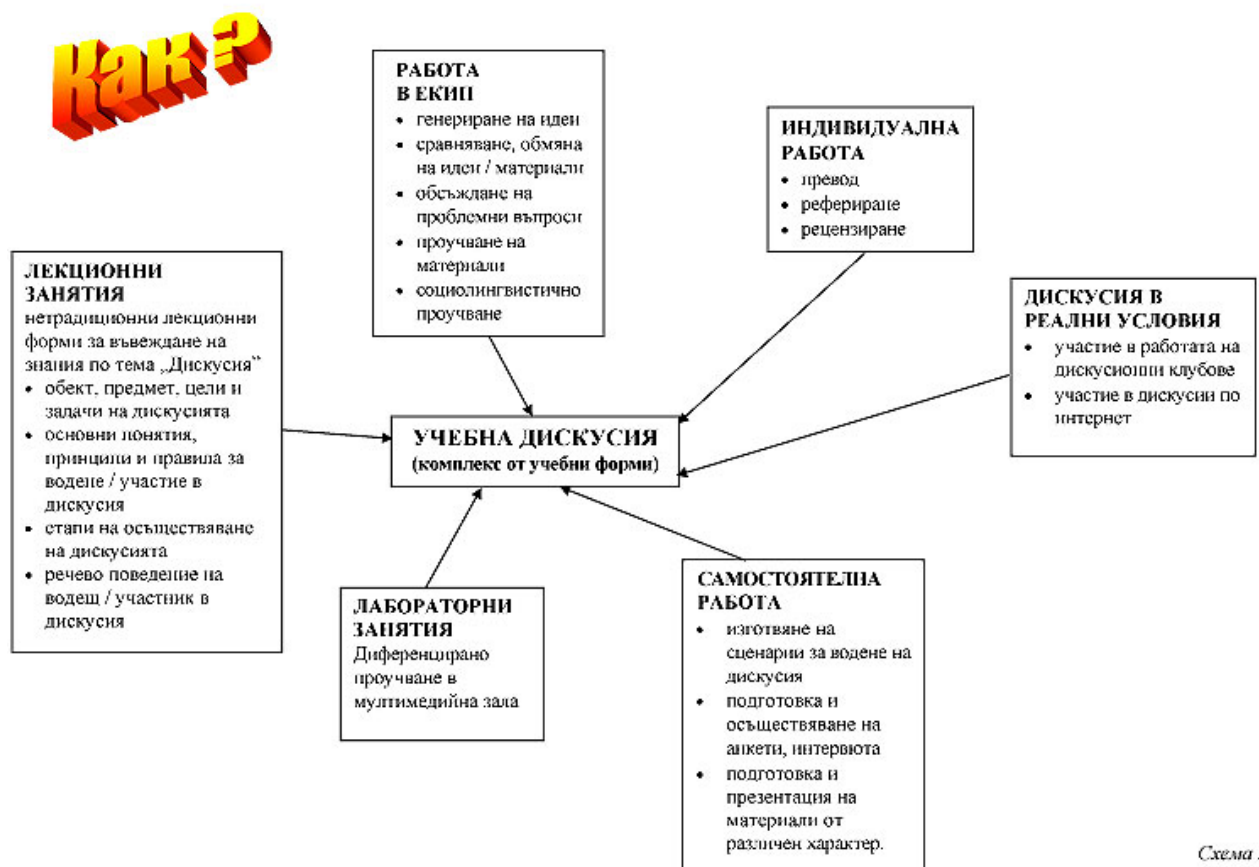

Схема 3

Подготовката и провеждането на устна дискусия представлява комплекс от учебни форми, които предполагат, от една страна, относително пасивно участие на студента, от друга – неговата повишена активност, от трета – консолидиране на придобитите знания и умения за прилагането им в рамките на реално събитие. Тези учебни форми са:

- лекционни (имат се предвид нетрадиционни лекционни форми – неформална лекция, мини-лекция, прекъсната лекция);
- лабораторни (във фонетичен кабинет, във видеозала, в компютърна зала);
- тюториал (самостоятелна работа под ръководството и чрез консултации с преподавател);
- проучване на типичен случай (проучване на аудио- и видеозаписи на дискусии);
- работа в екип (обмен на информация, разработка на проблем, вземане на решение, сравняване на мнения);
- участие на студентите в реални устни дискусии (например в работата на студентски дискуссионни клубове).

На *Схема 4* е показано *С КАКВА ЦЕЛ?* се прави всичко това.

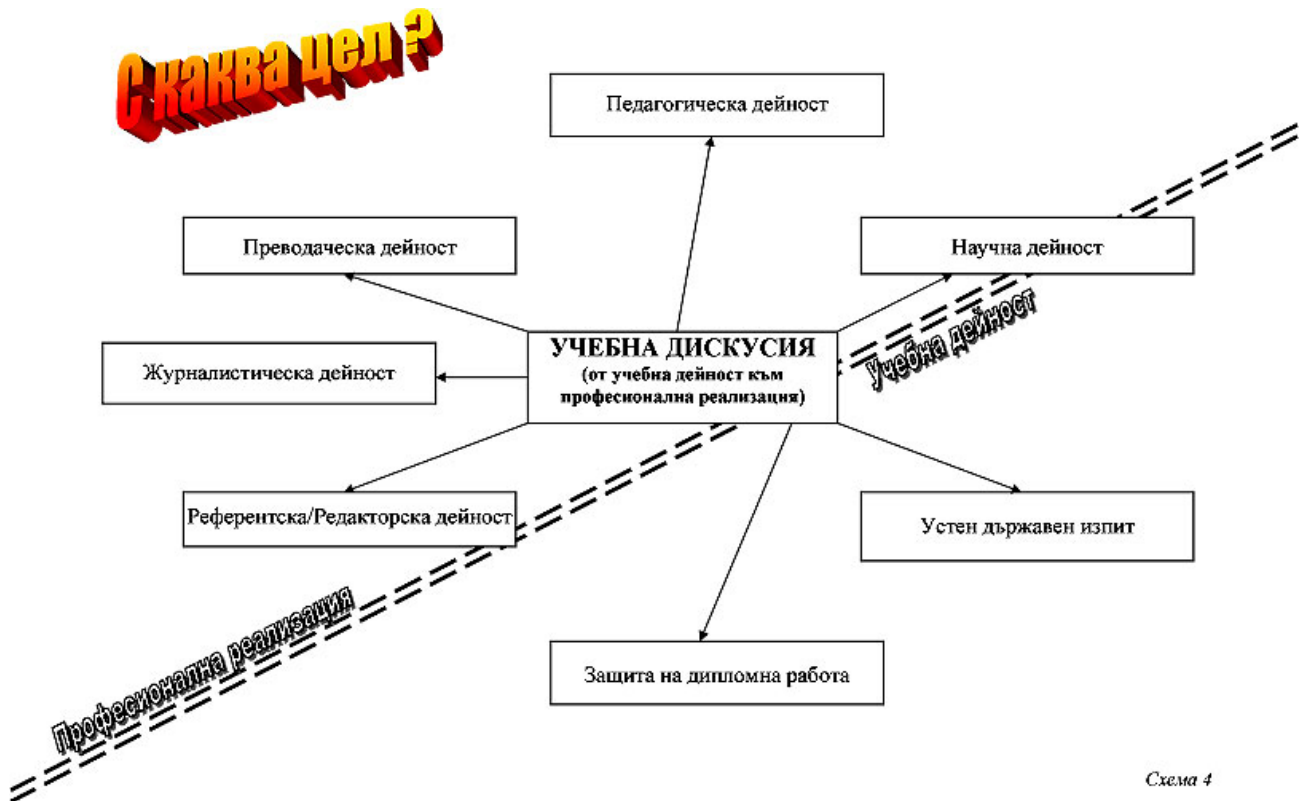

Схема 4

Придобитите от студентите знания, умения и навици им служат при представянето им на устен държавен изпит по руски език и по време на защита на дипломна работа или магистърска теза. Дипломиралите се вече висшисти могат да прилагат придобитите знания и умения в рамките на бъдеща си педагогическа, преводаческа, журналистическа, редакторска, научна дейност.

Владимир Манчев

**НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ВОЕННОЙ ЛЕКСИКИ
ПОВЕСТИ ВИКТОРА НЕКРАСОВА «В ОКОПАХ СТАЛИНГРАДА»
С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ИХ ПЕРЕВОДА НА БОЛГАРСКИЙ ЯЗЫК**

Произведения с военной тематикой составляют существенный пласт русской литературы, в особенности литературы периода после второй мировой войны. Одной из первых книг о войне, написанных объективно и правдиво, и принесших ее автору подлинную славу, была повесть Виктора Некрасова «В окопах Сталинграда», опубликованная в 1946 году. Выбор этой повести не случаен, он продиктован прежде всего тем, что, по словам Вячеслава Кондратьева, эта книга «...явилась неким эталоном честности и искренности, и из “шинели” некрасовского солдата, можно сказать, вышла вся наша военная проза» [Кондратьев 1991: 5]. Кроме того, повесть написана офицером-фронтовиком, и потому текст произведения насыщен разного рода военными терминами и лексемами, относящимися к фронтовому жаргону тех лет.

Безусловно, наличие в книге специфической военной лексики делает перевод достаточно затруднительным. В данной ситуации переводчику необходимо обращаться к специализированным словарям, справочникам и иным авторитетным изданиям.

Кроме того, необходимо определиться, для кого делается перевод и нужно ли привязывать тот или иной термин к реалиям страны, для которой перевод предназначен (различия в военной лексике разных стран могут быть колоссальными), или же необходимо отталкиваться от реалий России и бывшего СССР, где эти лексемы возникли. Нам представляется, что переводчику следует принять усредненный вариант как более понятный максимальному количеству читателей, не знакомых с советской реальностью той исторической эпохи.

Немалые трудности при переводе текстов с военной тематикой вызывает передача специальной терминологии, а также расшифровка и перевод специфических военных сокращений. В качестве примера можно привести такие обычные в речи военных сокращения, как *комроты* – командир роты, *комбат* – командир батальона, *комдив* – командир дивизии и т.п., вошедшие в военный обиход еще во время первой мировой и гражданской войн (примеры из повести «В окопах Сталинграда» даются по изданию [Некрасов 1991]):

Клишенцова – *комбата* – убило. Бомбой. Прямое попадание (с. 108).

Мы – я, Валега и адъютант *комдива*, молодой парень с невероятно круглым и плоским лицом, – еле поспеваем за ним (с. 138).

В подвале тесно, негде повернуться. Двое представителей *политотдела*. Один из *штадива*. Начальник связи из полка (с. 146).

Полчаса тому назад его отвезли в *медсанбат* на ту сторону (с. 222).

В приведенных выше примерах лексемы-сокращения *комбат* (командир батальона), *комдив* (командир дивизии), *политотдел* (политический отдел), *штадив* (штаб дивизии), *медсанбат* (медицинско-санитарный батальон) следует перевести на болгарский язык развернутыми словосочетаниями, а именно: *батальонен командир*, *командир на дивизията*, *политическия отдел* (*на дивизията*, *на армията* и т.п.), *штаб на дивизията*, *полеви госпитал*.

Необходимо отметить, что несмотря на довольно большое сходство русского и болгарского языков в области военной лексики в целом, наблюдаются и определенные различия, в основном на уровне общераспространенных (как правило, нетерминологических) названий. Наглядно это можно показать на следующих примерах:

Где-то за курганом противно скрежещет «*шиак*» – шестиствольный миномет (с. 138).

Потом прилетает бомбардировщик, тяжелый, ночной, трехмоторный. Его у нас почему-то называют «*туберкулез*» (с. 201).

Ночью приходят танки. Шесть стареньких, латаных и перелатаных *тридцатьчетверок* (с. 229).

В свою очередь, для лучшего понимания лексемы *кукурузник* могут помочь словарные определения. Например: «КУКУРУЗНИК м. разг. 1. Один из видов легкого учебно-тренировочного самолета, приспособленного для ночного бомбометания на бреющем полете во время Великой Отечественной войны (обычно с оттенком шутливости)» [Толково-словообразовательный электронный словарь].

Гудят самолеты – немецкие днем, наши «*кукурузники*» – ночью (с. 187).

В данном примере лексему *кукурузник* можно было бы перевести на болгарский язык словосочетанием *лекомоторен самолет* или словом *биплан*.

В ряде случаев перевод облегчается наличием авторских пояснений в сносках или в самом тексте повести:

И занятия с утра до вечера, уставы, *БУПы**, ручной пулемет... *БУП – боевой устав пехоты. (Прим. авт.) (с. 56).

Часа через два мы начнем так же думать о воде. В термосе не больше двух литров – пулеметный *НЗ** *НЗ – неприкосновенный запас. (Прим. авт.) (с. 169).

КСП вам ничего не сказал? – «*КСП*» на его излюбленном языке донесений – это «командир стрелкового полка», в данном случае майор Бородин (с. 204-205).

Семантическая тождественность русского сочетания «командир стрелкового полка» и болгарского «командир на стрелкови полк» позволяет в данном случае сохранить аббревиатуру в тексте перевода.

Безусловно интересным примером того, как подчас может быть «закодирована» историческая информация в наименовании оружия, является следующий отрывок:

Хорошо *КВ** подошел, ахнул прямо в дом. *КВ – танк «Клим Ворошилов» (Прим. авт.) (с. 75).

Данный пример иллюстрирует советскую традицию присваивать имена политических и государственных деятелей оружию и боевой технике. В качестве наиболее известных, кроме вышеупомянутого тяжелого танка КВ (Клим Ворошилов), можно привести наименования тяжелых танков СМК (Сергей Миронович Киров) и ИС (Иосиф Сталин).

Переводчику следует быть внимательным и при передаче лексических единиц, обозначающих виды вооружения, вышедшего из употребления и потому малоизвестного обычному читателю:

Белобрысый, с водянистыми глазами Самусев – командир *ПТР* – презрительно улыбается... (с. 10).

Упомянутый в приведенном отрывке вид оружия – ПТР (противотанковое ружье) – вышел из употребления после второй мировой войны в связи с появлением более эффективных средств борьбы с танками и иной бронетехникой. В данном случае возможны два варианта перевода – сохранение аббревиатуры (тогда, однако, возникает

необходимость сопроводить авторское пояснение в сноске пояснением переводчика) и перевод аббревиатуры на болгарский язык с последующей ее «расшифровкой» под чертой.

Еще одним образцом вооружения, применявшегося в тот период, является легендарный гвардейский миномет БМ-13, более известный как *катюша*:

Второй овраг от вашего. Где «*катюша*» подбитая стоит (с. 237).

Нередко в повести встречаются фрагменты с относительно высоким содержанием военной лексики (в том числе немецкой), и переводчику приходится прилагать особые усилия, чтобы найти наиболее подходящие болгарские соответствия:

P.S. Нашел наконец взрыватель «LZZ» обрывно-натяжной, о котором ты все мечтал. Без тебя не разбираю. Теперь у нас уже совсем неплохая трофейная коллекция – мины «S» и TMI-32, есть совсем новенькие, пять типов *взрывателей* в мировых коробочках (на порттабачницы пойдут) и замечательная немецкая *зажигательная трубка с терочным взрывателем* (с. 237).

В приведенном отрывке мы имеем дело с целым рядом единиц военной лексики. При их переводе можно использовать аналогичные аббревиатуры, ввиду их иностранного происхождения, а также для сохранения колорита произведения. Что касается терминологических сочетаний и терминов, то их можно было бы передать на болгарский язык существующими в нем аналогичными терминами: *взрыватель* – *взривател*, *зажигательная трубка с терочным взрывателем* – *запалка с триец се взривател*.

Очевидно, что проблему адекватного (равноценного) перевода можно решить только на основе функционального подхода к содержанию переводимого текста, т.е. методом установления функционального тождества. Для выявления функции исходного речевого произведения необходимо учитывать не только чисто лингвистическое содержание текста со значением всех его семантических единиц, но и ряд экстралингвистических факторов, также обладающих определенным смысловым содержанием и часто передающих определенную часть смысла помимо речевого произведения. Кроме того, в ряде случаев переводчик вынужден обращаться к субъективному мировосприятию получателей сообщения и принимать во внимание уровень их информированности. Иными словами, переводчику приходится учитывать некоторые стороны реальной действительности, в которой живет читатель перевода, его возможную неосведомленность (или недостаточную осведомленность) о событиях, описываемых в художественном произведении. В противном случае переводчик рискует не передать некоторые существенные нюансы смысла, что неизбежно повлечет за собой искажение как смысла текста перевода по отношению к его оригиналу, так и функции речевого произведения.

Встречающаяся в повести Виктора Некрасова военная лексика, большая часть которой остается употребительной до наших дней, выполняет соответствующую семантическую и стилистическую функцию, обусловленную сюжетом и фабулой повествования. Присутствие военной лексики в рассматриваемом произведении свидетельствует о том, что произведения русской литературы послевоенного периода могут служить достоверным источником военной терминологии в военно-исторических и лингвокультурологических исследованиях.

В сфере перевода военных текстов выбор конкретных языковых средств определяют как содержание и предназначение текста, так и жанр, к которому он принадлежит. Для понимания и адекватного перевода данных текстов надо знать законы жанра и уметь адекватно использовать языковые средства, присущие каждому жанру и языку перевода.

ЛИТЕРАТУРА

- Жук А.Б.* (сост.) Справочник по стрелковому оружию. М., 1993.
- Кондратьев 1991 – *Кондратьев В.* Два лика войны. Предисловие к кн.: Некрасов В.П. В окопах Сталинграда. М., 1991.
- Некрасов 1991 – *Некрасов В.П.* В окопах Сталинграда. М., 1991.
- Толково-словообразовательный электронный словарь – Толково-словообразовательный электронный словарь (<http://dic.gramota.ru/search.php>).

ЯЗЫК – ЭТО ПУТЬ ЦИВИЛИЗАЦИИ И КУЛЬТУРЫ ...

(А.И.Куприн)

Что такое язык? Система или антисистема, четкая структура или стихийно развивающееся явление, средство выражения мыслей или способ их формирования, или, может быть, что-то еще? К чему мы можем его отнести: к индивиду, к языковой семье, к народности? Кто его создает: отдельная личность или народ?

В нашей европейской христианской цивилизации нельзя не обратить внимания на то, что говорится о языке в книге книг – в Библии. Слово «было в начале у Бога» (Иоанн, 1:1). Слово в Библии имеет множество ипостасей – оно «радость человеку» (Соломон, 15:23), «золотое яблоко в серебряных прозрачных сосудах» (Соломон, 25:11), «всеисцеляющее», «всемогущее», «грозный воин» (Книга премудрости Соломона, 16:12, 18:15-16).

О языке писали многие выдающиеся личности. И каждый определял его по-разному, так, как чувствовал и понимал его.

Человек становится частью своего народа только тогда, когда с детства усваивает язык, а вместе с ним и культуру нации. В. Гумбольдт говорил: «Границы языка моей нации означают границы моего мировоззрения». А если не «ограничиваться» только родным языком? Границы нашего мировоззрения тем шире, чем больше языков мы знаем. Изучение иностранного языка расширяет границы нашего мироощущения и мировосприятия. Мы усваиваем не просто язык, но и культуру через язык, потому что всякий язык фиксирует и воплощает в себе «народный дух».

Считается, что язык – это то, что связывает окружающую действительность с внутренним миром человека. Известно также, что мир познается сквозь призму языка. К. Леви-Строс писал: «Язык одновременно и продукт культуры, и ее важная составная часть, и условие существования ее». Как бы то ни было, ни у кого нет сомнения насчет ценности языка как феномена человеческой мысли и духа, как пути к самопознанию, к новым незнакомым мирам, мирам других народов.

В каждом отдельном языке – в этимологии его слов, во фразеологизмах и особенно в пословицах и поговорках – можно проследить развитие культуры, истории и менталитета народа. Все явления, которые волновали когда-то людей, нашли свое выражение в их языке. Для нас наш язык – это связь с нашими предками. В языке они запечатлели весь свой опыт, всю свою мудрость и передали все это нам.

Язык выражает мышление всех людей, которые на нем говорят, их представление о мире и человеке в нем, о том, что в жизни важно, и о том, о чем стоит помнить и говорить. Русские, например, любят от души поговорить о душе, поэтому в русском языке так много слов и выражений, обозначающих оттенки чувств и отношений. Способность умело использовать сокровища языка – иметь, как говорится, хорошо подвешенный язык – представляет ценность для любого народа.

Именно в языке наилучшим образом – и притом в осмыслении самого народа – отражены все этапы истории этого народа, все ступени, по которым совершала движение его культура. Поэтому богатое прошлое народа, насыщенное важными событиями, интенсивное развитие его культуры – залог

богатого и мощного развития самого языка. Именно таков русский язык. В его силе и богатстве нашли свое выражение длительность пройденного народом исторического пути и интенсивность культурного развития русской нации на протяжении всей ее истории.

Люди влияют на язык (ведь они его творят), и язык оказывает влияние на людей. Тем более в сфере художественной литературы, где слова создают образы – чем правильнее подобраны слова, тем точнее и прекраснее картины. Возможности и богатство языка особенно ярко проявляются в творчестве мастеров слова. Пушкин не мог родиться в Болгарии, потому что для его творчества был необходим именно русский язык со всей его спецификой, но и Ботев не мог родиться в России. Творчество великих писателей было бы совершенно иным в пределах другого языка и культуры.

Изучая языки, родственные нашему родному, мы приобщаемся к истории народов, с которыми мы были когда-то одно целое. Это открывает перед нами новые и в то же время близкие нам культуры.

Духовные ценности народа отражены в поэтической речи, в романистике, в повестях, в пословицах и поговорках, использующихся в повседневной речи. Для каждого народа специфичен его фольклор – песни, сказки, мифы, легенды. Русский язык хранит память о древнейшей истории славян, накопленную в течение веков народную мудрость. В русском языке паремиологический пласт – настоящая сокровищница. В нем не трудно найти связь с русской природой, бытом и культурой. Богатство русского языка – это богатство, прежде всего, нюансов, тонкостей, «приправ».

Эмоциональность, экстравагантная «загадочность» русского характера складывалась на протяжении веков. Многие исторические обстоятельства и повседневные трудности влияли на ментальность русских. Однако нельзя исключать и язык как фактор формирования национального характера.

Наверное, нет в мире народа, у которого закрепилось бы в языке такое огромное количество крылатых выражений из литературы, драматургии и кино. А ведь общение с использованием этих образных языковых средств – один из излюбленных у русских способов общения в дружеской атмосфере. Более того, эти средства сами зачастую создают такую атмосферу. И так жаль, что иностранцу не ощутить задорность фразы «ключ от квартиры, где деньги лежат», иронию в выражении «без вины виноватые» и милое, всепрощающее отношение к собеседнику в словах «ты заблудился, как ежик в тумане»!

Характерной чертой русских и их языка является эмоциональность. Если взять, к примеру, слово «сердце», то в русском языке оно существует как живой организм, испытывающий все оттенки и нюансы чувств, эмоций, переживаний. Оно даже совершает действия, несвойственные никакому другому организму. Сердце – оно и большое, и доброе, и чистое, и легкое и тяжелое, и открытое; сердце и замирает, и падает, и разрывается, и обливается кровью... Нет, это не анатомический орган, это – интимная чувственность, уязвимость, глубина личности... Эмоциональность русских выражается и в отношении к предмету говорения, а русский язык позволяет показывать это отношение, например, благодаря особенностям морфематики. Уменьшительные суффиксы неизменно присутствуют при описании процесса еды и ее приготовления: русский человек пьет *чаек*, *водочку*, закусывает *огурчиками* и черным *хлебушком*; он кладет в суп *морковку*, *картошку*, *горошек*, *мясо*; приглашает гостя попробовать *вареньице* и *тортик*. Слова с уменьшительно-ласкательными суффиксами показывают отношение русского к природе: *березка*, *речка*, *кустик*, *дождичек*, *облачко*,

солнышко, полянка, грибки, пенек и т.д. Гнев свой русский тоже умеет выражать, искусно жонглируя как суффиксами, включительно уменьшительными, так и образными выражениями, которые способны бросить в дрожь самого что ни на есть смельчака.

Подобная эмоциональность языка вызывает некую чрезмерную в представлении большинства народов откровенность и стремление ревностно отстаивать свою позицию, причем, заметим, таким нестандартным оружием, как языковые средства! Это, вероятно, и есть причина некоторой настороженности и неутраченного любопытства других народов к «загадочной русской душе».

В последние годы наблюдается настоящий бум в изучении иностранных языков. Языки других народов изучают люди разных возрастов и профессий. Русский язык – один из шести рабочих языков ООН. Польза его изучения проявляется во многих аспектах. Так, изучение русского языка знакомит нас с Россией, ее историей и культурой. Сейчас страна осуществляет политику реформ и открытости внешнему миру. Мы все более убеждаемся в том, что процессы глобализации необратимы. В этих условиях люди нуждаются в обмене мнениями, в понимании, а не в конфронтации. Нам нужны передовые мысли и опыт. Первым барьером на пути плодотворного общения представителей разных культур является другой язык. Поэтому изучение иностранного языка, в частности русского, нам особенно необходимо.

Чем больше иностранных языков мы знаем, тем полнее наше мировосприятие, тем больше мы видим, слышим, чувствуем и понимаем. Мир становится безграничным, если человек готов принять и понять безграничное.

*Анелия Рачева, Виктор Христов, Евгения Буда,
Иванка Стайкова, Николина Нечаева, Соня Иванова,
(студенты IV курса отделения русской филологии
Софийского университета)*

60 години Руска филология в Софийския университет. Сборник научни статии. С.: Университетско издателство «Св. Климент Охридски», 2006. Раздели «Езикознание», «Методика».

Сборник научных трудов «60 години Руска филология в Софийския университет» посвящен знаменательному событию – 60-летию со дня открытия специальности «Русская филология» в нашем университете. Если для преподавателя и исследователя 60 лет – возраст зрелости и мудрости, тот возраст, когда накопленные знания и профессиональный опыт позволяют покорять недоступные ранее вершины, то университетская специальность, отмечающая такой юбилей, обладает всеми этими характеристиками в высшей мере. Аккумулируя опыт нескольких поколений, сохраняя традиции, она учитывает и изменяющиеся условия существования, стремится соответствовать современным требованиям, открывает для своих студентов новые возможности.

О вкладе университетских преподавателей в развитие русистики, славистики, сравнительного языкознания, методики преподавания русского языка и литературы, о роли отделения русской филологии Софийского университета в подготовке специалистов-русистов, о нашем стремлении обогащать опыт коллег, уважать и развивать академические традиции говорится в небольших по объему вступительных обращениях к читателям, подготовленных заведующими кафедр русского языка и русской литературы – доц. Цветаной Ралевой и доц. Румяной Евтимовой.

Статьи сборника распределены по трем разделам: *Языкознание*, *Литературоведение* и *Методика*.

Раздел *Языкознание* открывается статьей проф. Румяны Павловой «Да благословит Бог Болгарию и болгарский народ и его церковь». Названием статьи послужили слова протоиерея Димитрия графа Игнатьева, о встрече и беседах с которым рассказывает проф. Р.Павлова. Протоиерей Димитрий – член руководства русской заграничной церкви, участник научного симпозиума в Бонне, во время которого и произошла описываемая встреча, – замечательным образом оказался связан с Болгарией и ее историей. Он является правнуком известного графа Игнатиева и хранителем русской печати, поставленной в марте 1878 г. при подписании Сан-Стефанского мирного договора, в соответствии с которым Болгария получила долгожданную свободу.

Тему истории продолжает ряд статей, посвященных вопросам изучения церковнославянского языка, его норм, а также проблемам палеославистики.

Статья проф. Пенки Филковой «Древнерусская и русская разновидность (тип) церковнославянского языка» посвящена сложным и дискуссионным проблемам становления и функционирования древнерусской и русской редакции древнеболгарского литературного языка, известной в славистической науке под термином *церковнославянский язык*. Статья носит обобщающий характер. Лингвистический, генетический и функциональный статус разновидностей церковнославянского языка определяется на основе критериев, выработанных проф. П.Филковой в результате многолетних широкомасштабных, глубоких и детальных исследований.

Вопросы палеославистики разрабатываются в статьях доц. Цветаны Ралевой «Нарах legomena со значением лица в Изборнике 1073 года» и доц. Ростислава Станкова «Еще раз о *нприази*». Трудоемкое палеографическое и лексико-текстологическое исследование памятников, этимологический анализ зафиксированных в них лексем позволяет авторам названных работ прийти к важным выводам, сделать еще один шаг на пути к решению проблем славянской исторической лексикологии и вопроса об использовании лексического критерия при определении происхождения древних славянских переводов.

Обзорная статья доц. Сыбки Богдановой «О научно-исследовательской работе в Лингвотекстологической лаборатории при кафедре русского языка Софийского университета им. св. Климента Охридского» рассказывает об основных событиях в 25-летней истории созданной и руководимой проф. Р.Павловой научно-исследовательской лаборатории, о ее функционировании, целях, направлениях и проблематике исследований, о членах научной группы и их работах. Статью завершает впечатляющий перечень трудов, опубликованных членами Лингвотекстологической лаборатории. В целом же статья доц. С.Богдановой предоставляет читателю содержательный научный отчет о деятельности лаборатории и об исследовательских достижениях ее сотрудников.

Далее следуют две программные статьи из области сопоставительных исследований.

Работа проф. Ирины Червенковой «Попарный сопоставительный анализ лексических единиц: принципы и методика» представляет собой проспект сопоставительного изучения и описания русской и болгарской лексики. В исключительно емкой и глубокой по содержанию статье перед исследователем поставлены конкретные цели и задачи, описана тщательно разработанная автором статьи методика исследования, его принципы, аспекты и этапы. Эта методика успешно применялась в работе сотрудников кафедры русского языка по научному проекту «Сопоставительное исследование современной русской и болгарской лексики».

Оригинальный проект многоаспектного сопоставительного лексикографического исследования двуязычных словарей содержит статья гл. асс. д-ра Анны Липовской «О сопоставительном лексикографическом анализе словарей: теоретические и прикладные аспекты (на материале русско-болгарских и болгарско-русских словарей)». Статья посвящена разработке методики такого исследования, описанию корпуса параметров для сопоставительного анализа и принципов построения электронного продукта, представляющего собой наиболее адекватный способ репрезентации материала при сопоставлении большого числа словарей.

В двух следующих работах рассматриваются вопросы сопоставительного исследования морфологических категорий русского и болгарского языков.

Доц. Нина Ковачева в статье «Место существительных с двумя родовыми характеристиками в структуре категории рода в русском и болгарском языках» со свойственной ей глубиной анализа представляет теоретические проблемы, связанные с изучением существительных так называемого общего рода. В работе описываются также принципы сопоставительного исследования таких существительных в русском и болгарском языках.

В статье гл. асс. д-ра Красимиры Петровой «К характеристике морфологической категории рода аббревиатур в русском и болгарском языках с точки зрения теории грамматических оппозиций» в сопоставительном плане исследуется морфологическая категория рода русских и болгарских буквенных аббревиатур. В соответствии с принципами современной объяснительной лингвистики автор статьи ищет ответов на вопрос о *причинах* отнесения буквенных аббревиатур к тому или иному роду, а также о причинах колебаний в роде, отмечаемых у таких наименований.

Исследованию закономерностей образования безличных диатез посвящена работа доц. Аллы Градинаровой «Об использовании русской безличной конструкции для передачи ситуации издавания звука».

Лингвистическая прагматика представлена в сборнике статьей гл. асс. д-ра Сильвии Петковой «Метакоммуникативная деятельность говорящего в плане соблюдения правил речевого общения». Работа содержит стройное и аргументированное описание функций и особенностей употребления метакоммуникативных сигналов в условиях кооперативного диалога.

Одна из интереснейших тем паремииологии развивается в статье доц. Валерия Занглигера «Русские пословицы библейского содержания, не имеющие генетической связи с библейскими изречениями». Известно, что в русской истории христианское мировоззрение играло особую роль. По словам А.Коринфского, высказывание которого приводит В.Занглигер, «христианское мировоззрение нашло слишком много родственного в русском народе и быстро приросло к его стихийной душе...». Ср. также мнение известного философа И.Ильина, на которое ссылается автор статьи: «В течение веков русский народ осмысливал свое бытие не хозяйством, не государством и не войнами, а верою и ее содержанием. В течение веков православие считалось отличительной чертой русскости». Неслучайно в русском языке так много пословиц библейского содержания. В.Занглигер знакомит читателей с разработанной им типологией пословиц типа *Совет да любовь, на этом свет стоит; Кто добро творит, того бог благословит; Лучше в обиде быть, нежели в обидчиках; Тому тяжело, кто помнит зло; Гордым быть – глупым слыть; В лихости и зависти нет ни проку, ни радости; Жадность – всякому горю начало; Смерть – душе простор; Дураком на свете жить – ни о чем не тужить; Один в поле не воин*.

Лингвокультурная специфика фрагментов русской и болгарской языковой картины мира увлекательно изложена в работе гл. асс. Светланы Василевой «Семейные взаимоотношения в зеркале русской и болгарской фразеологии».

Тесно связана с вопросами лингвокультурологии и актуальная проблематика статьи доц. Илианы Владовой «Инокультурный художественный текст и его включение в другое культурное пространство в результате переводческого акта».

Каждая по-своему интересны посвященные проблемам стилистики художественной речи статьи доц. Константина Попова «О языке и стиле одного стихотворения Льва Озерова» и доц. Риммы Спасовой «Символика цвета как эстетическая доминанта в системе художественного текста».

Раздел *Методика* составляют четыре статьи, в трех из которых исследуются современные проблемы методики преподавания русского языка и литературы в болгарской средней школе.

Какая роль в новой системе среднего образования должна отводиться принципам межкультурной коммуникации, каким должен быть комплекс

учебных занятий, направленных на формирование нового культурного сознания, в каком объеме при обучении иностранному языку должна изучаться и иностранная литература, следует ли разграничивать и тем более противопоставлять в школьном обучении язык и литературу, какое место должна занимать литература в учебных программах, каково отношение этих программ к жанру анекдота, как представлен анекдот в школьных учебниках – вот далеко не полный перечень вопросов, рассматриваемых в статьях доц. Илки Любеновой «Межкультурная коммуникация в обучении русскому языку», гл. асс. д-ра Антони Радковой «Художественная литература в чуждоезиковом обучении: тенденции и проблемы» и ст. асс. Аглаи Мавровой «Status quo на вица в пространството на учебниците по руски език».

Заключает раздел и сборник статья доц. Натальи Андриюшиной, д-ра Надежды Делевой и гл. асс. д-ра Анны Липовской «Тестирование и сертификация уровней владения русским языком в Софийском университете: состояние и перспективы», знакомящая читателя с работой по проекту, который кафедра русского языка Софийского университета считает важным направлением своей деятельности.

Сборник опубликован Университетским издательством им. св. Климента Охридского, и мы пользуемся случаем выразить свою искреннюю благодарность нашим коллегам – сотрудникам уважаемого издательства, профессионализм которых является гарантией высокого полиграфического качества изданий.

Доц. Алла Градинарова

60 години Руска филология в Софийския университет. Сборник научни статии. С.: Университетско издателство «Св. Климент Охридски», 2006. Раздел «Литературознание».

В литературоведската част на сборника, в съответствие с цялостната му концепция, са представени всички поколения на българските русисти, посветили се на изучаването на поетиката и историята на руската литература. Със свои статии участват както доайените на специалността проф. Иван Цветков, проф. Мария Гургулова, доц. Евдокия Метева, така и представителите на средното поколение в целия му диапазон (доц. И.Захариева, доц. Л.Терзийска, доц. Й.Мороз, доц. Р.Евтимова, доц. Р.Божанкова, доц. Л.Димитров, доц. А.Вачева, гл. ас. д-р И.Чекова, гл. ас. д-р Г.Петкова, гл.ас. Р.Корсемова) и най-младите, поели по трудния път на научните изследвания, нашите докторанти Д.Михайлов и И.Пеев. Повечето от авторите, предоставили за публикуване свои работи, са настоящи и бивши преподаватели от катедрата по руска литература. Много ни радва съпричастността и на колегите от секцията по руска литература на Института за литература на БАН ст.н.с. II ст. д-р Хр.Манолакев и ст.н.с. II ст. д-р Р.Илчева, изявяващи се и много години като хонорувани преподаватели към катедрата. И възрастовият диапазон на участниците, и тематичното многообразие на техните търсения в областта на руската литературна историография предполагат разнообразието на проблематиката и подходите в публикуваните статии.

В сборника са представени общо 17 статии, третиращи проблематика от руския фолклор, руската литература на XVIII, XIX, XX век до наши дни с битиуването ѝ в Интернет.

Мястото на популярните християнски светци-воини Св. Георги Победоносец и Св. Димитрий Солунски в руския народен календар, в езическите обреди и земеделски култове е предмет на статията на Илиана Чекова. Авторката разглежда материал от руски народни песни, духовни стихове, поговорки и др. жанрове, потърсени са паралели с българския и славянския фолклор, отчетат се особеностите на иконографията на двамата светци.

По хронологичен ред следва статията на Ангелина Вачева, която разглежда основен компонент от поетиката на автобиографията на Екатерина II – така наречения «автобиографичен пакт» – своеобразния «договор» на авторката с предполагаемия читател, тясно свързан с основния за мемоарния жанр проблем за искреността на разказа и определящ стратегиите в изграждането на собствения образ на мемоаристката и тези на останалите персонажи.

Людмил Димитров остава верен на търсенията си като пушкинист. Този път той се обръща към символиката и поетичния строй на малкото и малкоизвестно стихотворение на поета «Роза».

На особено внимание в сборника се радва творчеството на Лермонтов, на което са посветени три статии. Евдокия Метева съсредоточава анализа си върху романтичната експресия и символиката на природата в поемите и лириката на поета. Акцент е поставен върху колористиката на Лермонтовите стихове,

съотнесена с летния слънчев кавказки юг, върху вътрешната динамика и развитие на пейзажите в неговите произведения. Особен интерес представляват и другите две статии, визиращи съотнесеността на творчеството на Лермонтов с това на други автори. Мария Гургулова провежда паралели между психологическата проза на Лермонтов и Всеволод Гаршин, а Христо Манолакев поставя неизследвания досега въпрос за сходството между образите на Печорин от «Герой на нашето време» и Свидригайлов от «Престъпление и наказание» на Ф.М.Достоевски.

Младият изследовател Димитър Михайлов е избрал нетрадиционен подход към личността и творчеството на Гогол, като си поставя за задача да разгледа ролята на феномена страх в живота на писателя, отчитайки както характерологичните му особености, така и условията на неговото възпитание, общуването му с други личности, религиозността му.

Друг автор от руската класическа литература, привлякъл вниманието на нашите автори, е А.П.Чехов. На специфичния проблем за епифанията на лицето (термин заимстван от «новата антропология» на Левинас) в късната Чехова проза е посветила усилията си Румяна Корсемова. Въз основа на редица разкази («Светлини», «Съседи», «Дамата с кученцето», «Цигулката на Ротшилд», «Йонич» и др.) се анализира майсторството на писателя да пресъздава ролята на мимиката в междуличностното общуване на персонажите. Ивайло Пеев пък избира темата за телесното познаване на комичното в ранната проза на Чехов («Дебелият и тънкият», «Щерка на Албион»), вписвайки се в актуалната днес тенденция за отчитането на семантиката на езика на тялото.

На символическия «мегаобраз» на легендарния град Китеж в руската литература и фолклорните му реминисценции (в творчеството на З.Гипиус, Дм.Мережковски, М.Пришвин, Н.Клюев, А.Ахматова, М.Волошин, Д.Андреев) посвещава статията си Ирина Захариева.

Дихотомията «живот-смърт» в пиесите «Балаганчик» и «Незнакомка» и парадигмата на образите на смъртта разглежда Йосиф Мороз в изследването си за феерията от маски на смъртта в драматургията на Александър Блок.

Една от безспорно най-интересните работи в сборника – тази на Галина Петкова – е посветена на малкопознатия феномен на литературна мистификация от началото на ХХ в. със създаването на образа на поетесата Черубина де Габриак от Максимилиан Волошин и Елизавета Дмитриева. Въз основа на историята на мистификацията, разказана впоследствие поотделно от всеки от създателите в официална (печатна) и неофициална (епистоларна) форма, на читателското внимание се предлагат интересни изводи за процеса за институционализация на жените писателки в руския модернизъм.

Лидия Терзийска разглежда особеностите на сюжетостроенето и връзките му с различните видове роман (приключенски, семеен, исторически) в романа «Бялата гвардия» от М.Булгаков.

Еlegantна покана за прочит на метафоричността на «Покана за екзекуция» от Владимир Набоков отправя към читателите Румяна Евтимова.

Иван Цветков пък размишлява над проблема за класическата традиция в поезията на Александър Твардовски.

Върху руските политически вицове от ХХ век изгражда атрактивната си статия Радослава Илчева. «Животът след смъртта» на руските държавници се интерпретира от нея през призмата на характерното за руската култура митотворчество, изработило своите валидни и до днес механизми през далечното осемнадесето столетие.

В заключение ще се спра на статията, с която започва литературоведският раздел на юбилейния сборник – «Аспекти на дигиталната филология» от Ренета Божанкова. Тя очертава ясно както съпротивата на традиционното филологическо мислене, постепенно свикващо с дигитализирането на книгата, така и перспективите, които ни откриват новите технологии.

Накрая искам да изразя нашите благодарности към деканското ръководство на Факултета по славянски филологии за подкрепата при публикуването на този сборник

И така, сега имате думата вие, нашите читатели. Искрено се надявам, че всички ние, въпреки разнопосочността на изследователските си интереси, сме успели в едно – да спечелим вашия интерес и да ви предизвикаме да разгърнете страниците на тази книга, която ще запази моментната снимка на нашите интелектуални търсения.

Доц. Ангелина Вачева

**«ВСТРЕЧИ С РОССИЕЙ» –
УЧЕБНИК, КОТОРЫЙ НЕ ХОЧЕТСЯ ВЫПУСКАТЬ ИЗ РУК**

E.Kollarova, L.B.Trusinova. Встречи с Россией. Slovenske pedagogicke nakladatelstvo, Druhe vydanie, 2004.

Культурологический подход в преподавании иностранного языка является обязательным и общепризнанным среди преподавателей и специалистов, занимающихся методикой обучения иностранным языкам. Такой подход способствует преодолению ряда недостатков обучения в современной школе – чрезмерной фактологии без необходимого анализа и обобщения, сверхобъема информации почти по каждому предмету за счет недостаточной степени ее осознания, ориентации прежде всего на интеллектуальное формирование личности учащегося, а не на эмоциональное его развитие и т.д. Культурологическая установка в области современного обучения и, в частности, в области преподавания иностранного языка предполагает более углубленный взгляд на культуру, носителем которой является тот или иной язык, а также формирование более широкого духовного кругозора молодых людей. Это, безусловно, развивает учащегося в плане эмоциональном, что не менее важно для формирования и развития его личности.

Все это лишь небольшая часть ориентиров, послуживших авторам учебника «Встречи с Россией» в их нелегкой задаче – обучая русскому языку учащихся-гимназистов Словакии, представить им искусство и литературу народа, чьи достижения в области духовной культуры столь значительны.

Для Э.Колларовой и Л.Б.Трушиной содержание обучения русскому языку не исчерпывается темами типа «Немного о себе», «Знакомство», «В столовой» и т.п. Они убеждены в том, что культура любого человека формируется в результате постоянного усвоения личностных и национальных, художественных и этических ценностей, вечных и неизменных истин, составляющих суть духовной культуры. С такими истинами и ценностями общечеловеческого значения знакомят авторы учащихся, разрабатывая любую тему своего двухтомного учебника. Вызывая интерес к русскому искусству и литературе, к жизни выдающихся современников России и показывая неразрывную связь духовных достижений России с духовными достижениями мира и, прежде всего, Европы, Э.Колларова и Л.Б.Трушина закладывают начало долгому и сложному процессу приобщения учащихся к русской культуре, процессу, который в школе только начинается и продолжается всю жизнь.

Учебник даже внешне, своим полиграфическим исполнением производит самое благоприятное впечатление. Это два красочно оформленных тома большого формата в твердом переплете. Первый том содержит 300 страниц, второй – 370. На обложке первого тома помещено 13 иллюстраций (фотографий, портретов, репродукций с картин), на обложке второго тома – 12.

Обращает на себя внимание прежде всего то, что в учебник включено много репродукций с картин русских художников, более или менее известных широкой аудитории (И.Репин, В.Суриков, В.Серов, В.Васнецов, А.Рябушкин, М.Шагал, А.Куинджи, К.Петров-Водкин, И.Крамской, А.Дейнека, П.Кончаловский, Д.Жилинский, И.Глазунов, З.Серебрякова и др.). Даже неполный перечень имен показывает, насколько широко представлена здесь русская живопись. Учебник богат фотоматериалами, на которых показаны известнейшие архитектурные памятники и

достопримечательности (Кремль, Покровский собор, Большой театр, Третьяковская галерея, Московский университет, Музей изобразительных искусств им. А.С.Пушкина и др.), даны портреты выдающихся людей, внесших особенно заметный вклад в развитие российской культуры. Множество фотоматериалов рассказывает о буднях большого города (напр., к теме «Мы шагаем по городу...» и вопросам *Где можно купить...? Где у вас продают...?* подобран фотоматериал с вывесками «Мороженое», «Молоко», «Фрукты», «Соки», «Рыба-консервы», «Хлеб», «Сувениры»).

На страницах «Встреч с Россией» – в двадцати главах первого тома и девятнадцати главах второго – учащиеся знакомятся со многими писателями и поэтами (Н.Гоголем, Ф.Достоевским, Л.Толстым, А.Чеховым, А.Пушкиным, М.Лермонтовым, М.Цветаевой, В.Высоцким), композиторами и артистами (Д.Шостаковичем, М.Барышниковым, Е.Максимовой, Н.Михалковым, И.Смоктуновским), архитекторами, меценатами и т.д.

Из материалов учебника учащиеся узнают о русском авангарде, о русском балете и музыке, знакомятся с интересными эпизодами из истории русского театра и кино. Учащиеся получают сведения о развитии науки в России и о российских лауреатах Нобелевской премии. Авторы не забыли и о спорте, много внимания уделено известным спортсменам – шахматистам, фигуристам, легкоатлетам и т.д.

Иными словами, авторами сделана удачная попытка на исключительно богатом художественном и документальном фотоматериале, связанном с литературой, музыкой, театром, изобразительным искусством, архитектурой, спортом и т.д., не только представить важнейшие эпизоды из истории русской культуры, но и заглянуть в будничную и не менее интересную жизнь наших современников из России. При этом следует особо подчеркнуть, что помещенный в учебнике иллюстративный материал дается в прекрасном полиграфическом исполнении.

Особенностью учебника является также и то, что авторы стараются проследить связь между культурой России и культурой Словакии (и Чехословакии). Рассказывается, например, не вообще о гастролях М.Барышникова, а о его выступлении на сцене Пражского театра, говорится не вообще о распространении русской литературы в мире, а о переводе романа «Доктор Живаго» на словацкий язык. Проследивается и связь с фактами и именами, принадлежащими истории мировой культуры (Леонардо да Винчи, П.Пикассо, Ч.Чаплин, Э.Шимерова-Мартинчекова и др.).

Работая с ответами на вопросы типа *Откуда вы? Из какой страны? Из какого города? Кто вы по национальности? Куда вы поедете?* и т.п., авторы учебника не ограничиваются сведениями лишь о российских достопримечательностях, но рассказывают и о других, не менее известных местах в Европе и в мире. Излагая материал, авторы стремятся соизмерять духовные достижения русских с высочайшими достижениями европейской и мировой культуры, искать взаимосвязь, проводить параллели между русской и любой другой культурой, каждый раз с восхищением относясь к духовному полету человека-творца в любом его проявлении. Тем самым расширяется кругозор учащихся, а сведения о России включаются в общий контекст их представлений о мире. Читая материалы учебника, убеждаешься не только в глубоких знаниях Э.Колларовой и Л.Трушиной в области русской и мировой культуры (я с удивлением узнала, что все репродукции с художественных произведений взяты из книг и альбомов, собранных в домашней библиотеке Э.Колларовой), но и в их благородном стремлении передать свои знания молодому поколению и мотивировать школьников продолжить и дальше свой самостоятельный путь к пониманию глубин русской душевности, секретов русского творческого духа, высокой культуры России.

И в этом, на мой взгляд, самая большая заслуга учебника – он воспитывает людей-творцов, в чьей жизни искусство и литература будут занимать важное место! Можно с уверенностью сказать, что именно общения с искусством не хватает сегодня нашим детям. Работая по такому учебнику под умелым руководством учителя-русиста, эту пустоту можно в значительной степени восполнить.

От перечисления столь многих и разнообразных имен и событий, представленных так или иначе на страницах «Встреч с Россией», может создаться впечатление о какой-то случайности и беспорядочности в отборе и подаче материалов по русской культуре. Однако методический талант и многолетний преподавательский опыт позволяет авторам учебника представить отобранный материал с исключительным чувством меры и вкусом.

Весь языковой и культурологический материал учебника объединяется вокруг определенных тем. Каждая тема разработана и представлена настолько живо и увлекательно, что с учебником интересно работать всем – и ученику, только начинающему изучать русский язык, и опытному преподавателю с многолетним стажем работы.

Вызывает искреннее восхищение умение авторов оригинальным способом соединить воедино факты о стране и ее выдающихся творцах с объемом и формами подачи грамматического материала, умение естественно и ненавязчиво сформулировать речевые задания, провоцирующие на творческое восприятие и мышление не только учащихся, но и преподавателя. За много лет моей работы в школе в качестве учителя русского языка я пользовалась разными учебниками, среди которых были и очень хорошие, и, на мой взгляд, менее удачные. Но я всегда мечтала именно о таком учебнике – интересном, духовном, богатом переживаниями, вызывающем столько размышлений.

В последнее время мы так часто читаем и слышим о диалоге культур, о межкультурной коммуникации, о культурологическом подходе в работе над иностранным языком. Но *как* все это осуществить в школьной и даже университетской практике преподавания русского языка, *как* применить этот подход на страницах учебников для иностранцев? Учебник «Встречи с Россией» как раз и является примером того, как эти правильные теоретические установки реализуются на практике.

Предназначенный для иностранцев учебник «Встречи с Россией» восторженно встретили бы и в самой России. Из-за его культурологической ценности и ряда других достоинств. На IX Международном симпозиуме МАПРЯЛ, состоявшемся в апреле 2006 года в Велико Тырново, учебник был представлен и вызвал очень большой интерес среди преподавателей. Мне запомнилось, как молодая учительница из Перми трепетно держала в руках двухтомное издание, говоря: «Да! Это учебник, который не хочется выпускать из рук!» Я бы добавила: «Это ценная книга-альбом, достойная занять видное место в домашней библиотеке любого человека, прикоснувшегося к духовному богатству России!».

Наталья Канчева-Хинова,

преподаватель русского языка

35 средней языковой школы им. Д. Войникова г. Софии

ПРОФЕССОРУ МИХАИЛУ БОНЕВУ 80 ЛЕТ

22 октября 2006 года доктору педагогических наук профессору Боневу Михаилу Петрову исполнилось 80 лет. Своими научными исследованиями в области функциональной стилистики русского языка и методики обучения русскому языку в неязыковых вузах профессор М.Бонев внес весомый вклад в развитие болгарской и международной русистики.

Михаил Бонев родился 22 октября 1926 года в с. Дединци Велико-Тырновского округа. Среднюю школу он окончил в г. Велико-Тырново.

В 1952 г. Михаил Бонев окончил Софийский университет имени св. Климента Охридского и в том же году стал преподавателем в Военной школе имени Васила Левского в Софии.

С 1954 г. Михаил Бонев – преподаватель русского языка в Высшем экономическом институте имени Карла Маркса (сейчас Университет национального и мирового хозяйства – УНМХ) в Софии.

В 1966-1969 гг. он учится в заочной аспирантуре на кафедре русского языка МГУ, возглавляемой акад. Виноградовым. Его научный руководитель – акад. Н.М.Шанский. В 1970 г. М.Бонев защищает кандидатскую диссертацию «Семантическое переоформление русизмов в болгарском языке». Личное внимание акад. В.Виноградова и акад. Н.Шанского оказало заметное влияние на формирование научных интересов Михаила Бонева.

В 1972 г. М.Бонев избран доцентом. Его научный труд на соискание доцентуры «Формирование и стабилизация болгарской общественно-политической лексики под влиянием русского языка» затрагивает вопросы сопоставительной лексикологии. В этой работе он развивает проблематику своей кандидатской диссертации.

В дальнейшем научная деятельность М.Бонева направлена в основном на разработку проблем методики преподавания русского языка студентам-нефилологам. В 1976 г. в Академии педагогических наук в Москве М.Бонев защищает докторскую диссертацию на тему: «Лингводидактические основы практического курса русского языка для болгарских студентов-нефилологов гуманитарного профиля» и получает ученую степень доктора педагогических наук. Его научными консультантами при подготовке докторской диссертации были акад. Н.М.Шанский, акад. В.Г.Костомаров, проф. О.А.Митрофанова.

В 1982 г. М.Бонев избран профессором. Его научный труд на соискание звания профессора «Эффективность и целеустремленность обучения русскому языку в нефилологических вузах – сопоставление целей, языкового материала и методов обучения» посвящен решению кардинальных вопросов лингводидактики.

На протяжении 30 лет (с 1962 по 1992 г.) Михаил Бонев был заведующим кафедрой иностранных языков в Высшем экономическом институте в Софии (сейчас это кафедра иностранных языков и прикладной лингвистики УНМХ). С 1976 по 1981 г. М.Бонев – заместитель декана Факультета международных экономических отношений ВЭИ.

На протяжении многих лет профессор М.Бонев преподает русский язык студентам-международникам, а также студентам – будущим специалистам в области экономики и международных экономических отношений. Он читает лекции по болгарскому языку и стилистике журналистам-экономистам.

Основными научными областями, в которых работает и преподает М.Бонев, являются лингводидактика, сопоставительная русско-болгарская лексикология, стилистика, страноведение, этнография, фольклор.

Дпн, профессор М.Бонев – автор более 80 научных исследований в области научного стиля речи, а также методики обучения русскому языку студентов-нефилологов. Он замечательный преподаватель русского языка, автор многих учебников и специализированных учебных пособий по русскому языку.

Профессор Бонев – активный участник организации болгарских русистов.

С 1973 по 1979 г. он зампредела Общества русистов Болгарии, с 1994 по 2000 г. – член Президиума МАПРЯЛ. В этом своем качестве проф. Бонев регулярно занимается организацией и проведением международных научных конференций по русскому языку. М.Бонев – ученый секретарь II Конгресса МАПРЯЛ, состоявшегося в 1973 г. в Варне. М.Бонев принимает активное участие во всех конгрессах МАПРЯЛ. Сейчас он член организационного комитета по подготовке и проведению XI Конгресса МАПРЯЛ, который состоится в 2007 г. снова в Варне.

В 1973 – 1991 гг. проф. М.Бонев являлся членом редколлекции журнала «Болгарская русистика». Многие годы он был главным редактором Научных трудов ВЭИ имени Карла Маркса, а также членом международного редакционного совета журнала «Русский язык за рубежом».

За свои достижения в преподавательской, научно-исследовательской и общественной работе М.Бонев награжден орденом Кирилла и Мефодия I и II степени, медалью А.С.Пушкина и другими отличиями и наградами.

По случаю 80-летнего юбилея проф. М.Бонев получил официальные поздравления от:

- г-на К.Атанасова, замминистра образования и науки Республики Болгарии;
- проф. Л.А.Вербицкой, ректора Санкт-Петербургского государственного университета, Президента МАПРЯЛ;
- доц. д-ра И.Владовой, председателя Общества русистов Болгарии;
- проф. д-ра З.Захариева, председателя Федерации дружбы с народами России и СНГ, председателя фонда «Славяне»;
- проф. Д.Дэвидсона, президента Американского совета интернационального обучения.

Сердечные личные поздравления проф. М.Бонев получил от акад. В.Костомарова, Генерального секретаря МАПРЯЛ проф. И.Бакони и др.

Мы присоединяемся к этим поздравлениям! От имени коллектива кафедры иностранных языков и прикладной лингвистики УНМХ и от себя лично поздравляю Вас, уважаемый Михаил Петрович, с 80-летним юбилеем! Мы искренне желаем вам творческих успехов, оптимизма и бодрости духа, а самое главное – крепкого здоровья!

Основные научные труды дпн, проф. Михаила Бонева

О некоторых методах создания и обогащения экономического словаря-минимума по русскому языку для студентов-экономистов I курса // Труды ВЭИ. С., 1966, 1.

Основные принципы лексико-семантической организации фразеологических сочетаний в экономической литературе // Труды ВЭИ. С., 1968, 3.

О некоторых фразеологических сочетаниях в экономической литературе // Русский язык за рубежом, 1968, № 4.

Влияние русского языка на язык и стиль болгарских писателей и публицистов в конце XIX – начале XX века // Славистични изследвания, 1973, том 3.

Некоторые вопросы профилированного обучения русскому языку в экономическом вузе НРБ // Русский язык для нерусских, 1975.

Преодоление лексической интерференции при обучении болгарских студентов // Русский язык в национальной школе, 1975, № 4.

О построении практического курса русского языка для болгарских студентов-нефилологов // Русский язык за рубежом, 1976, № 5.

Соотношение целей, языкового материала и методов обучения русскому языку студентов-нефилологов // Русский язык за рубежом, 1977, № 5.

Научные основы и практика преподавания русского языка и литературы // Русский язык за рубежом, 1976, № 5.

Лексико-семантическая ассимиляция русизмов в болгарском литературном языке // Болгарская русистика, 1978, № 2.

Основные учебники и учебные пособия дпн, проф. Михаила Бонева

Русский язык. Учебник для студентов института международного туризма. С., 1969.

Русский язык. Учебник для студентов экономических вузов НРБ. С., 1959 (в соавторстве).

Русский язык. Учебник для студентов экономических вузов. С., 1967 (в соавторстве).

Учебник русской коммерческой корреспонденции для студентов старших курсов внешней торговли ВЭИ. С., 1969 (в соавторстве).

Пособие по русскому языку для студентов-экономистов I и II курса. С., 1972 (в соавторстве).

Основи на езиковата стилистика. С., 1978.

Речевой этикет и функциональные стили речи. Пособие по русскому языку для студентов I и II курсов специальности «Международные отношения». С., 1981.

Учебник русского языка для студентов III-IV курсов специальности «Международные отношения». С., 1982 (в соавторстве).

Толково-сочетаемый словарь экономических терминов. С., 1988 (в соавторстве).

Езикова култура и стилистика. С., 1991.

Доц. Димитрина Лесневска

ПРАЗДНОВАНИЕ 60-ЛЕТИЯ СО ДНЯ ОТКРЫТИЯ СПЕЦИАЛЬНОСТИ «РУССКАЯ ФИЛОЛОГИЯ» В СОФИЙСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

5 декабря 2006 г. в Софийском университете им. св. Климента Охридского был торжественно отмечен юбилей специальности «Русская филология». Праздничная программа включала несколько мероприятий: открытие в Центральной университетской библиотеке юбилейной выставки, торжественное собрание в Актовом зале, оперный концерт молодых исполнителей-студентов, коктейль для преподавателей и гостей. По случаю юбилея болгарской фирмой «Индекс» – официальным представителем РАН и ведущих издательств России – в центральном фойе Софийского университета была организована выставка-распродажа русских книг.

Юбилейная выставка была открыта заместителем директора Университетской библиотеки Р.Василевой. Приветственные слова произнесли проректор Софийского университета доц. д-р Д.Гюров и Посол Российской Федерации в Республике Болгарии А.В.Потапов. С экспонатами выставки собравшихся познакомила ее координатор Р.Минчева. Заведующая кафедрой русского языка доц. Ц.Ралева рассказала об истории специальности и перспективах ее развития, о роли отделения русской филологии Софийского университета в подготовке специалистов-русистов. Приводим полный текст высказывания доц. Ц.Ралевой.

«Уважаеми колеги! Скъпи гости! Ваше Превъзходителство!

Добре дошли на нашата юбилейна изложба!

На днешния ден преподавателите и възпитаниците на «Руска филология» в Софийския университет отбелязват 60-годишнината на своята специалност. Честването е израз на уважение към дълголетната традиция на специалността, на благодарност към учените, които са я развивали и запазили през годините. То е знак към обществото ни, че в него има място за руския език и култура.

Бих искала в самото начало да благодаря на ръководството на Университетската библиотека и на колектива, подготвил изложбата. Колегите вложиха не просто професионално умение, но много ентузиазъм и душа в тази изложба, проявиха се като поклонници на руската култура, с което ни изненадаха много приятно. Затова, моля ви, колеги, приемоте нашата най-искрена благодарност!

Няколко думи за нашата специалност. Както знаете, началото ѝ е поставено през есента на 1946 г., когато тя получава самостоятелност в рамките на Славянския институт. С нейното създаване преподаването на руски език в Алма Матер, застъпено от самото възникване на висшето училище, получава нови измерения.

Университетът се превръща в основен център за изучаване и разпространяване на руския език и култура в България. През изминалите 60 години той подготвя над 5000 специалисти по руски език и

литература, намерили реализация в различни сфери на обществения и икономическия живот на страната ни.

През годините на своето съществуване специалността се развива, приспособявайки се към нуждите на обществото ни и в крак с развитието на хуманитаристиката. Засилва се теоретичната подготовка на студентите. Въвеждат се избираеми дисциплини, специализиращи профили – учителски и преводачески.

През деветдесетте години в специалност «Руска филология», както и в цялото българско висше образование започва процес на преустройство. От 1997 г. обучението в нея се осъществява в две степени: в образователно-квалификационна степен «бакалавър» (4 години) и в образователно-квалификационна степен «магистър» (1 година). Сега специалността предлага две магистърски програми: «Език. Култура. Превод» и «Руско литературознание».

През 2003 г. беше въведена единна система за кредитиране (European Credit Transfer System), която осигурява сравнимост на българските учебни програми със западноевропейските и дава възможност за студентски обмен между нашия университет и университетите от Централна и Западна Европа.

През последните години се наблюдава една много радостна тенденция – все повече студенти в СУ проявяват интерес към руския език и все по-често го избират като I, II или III чужд език. В момента той се изучава от 630 студенти нерусисти в 9 факултета на университета. Това ни дава кураж да мислим, че трудните времена за руския език у нас са вече минало. Изчистен от идеологическия прах той, както и руската култура въобще, получават престижа, който им приляга.

Нашата специалност не би съществувала без всеотдайните и ентузиазирани преподаватели русисти. За тези 60 години в специалността са работили над 120 души. При това за болшинството от тях Университетът е бил не просто кратка спирка по професионалния им път, а съдба – някои са прекарвали тук почти целия си творчески живот. Университетските преподаватели имат голям принос не само за подготовката на студентите, но и за развитието на българската русистична и славистична наука. Много от тях са отличени с академични и държавни награди. Научните им интереси са многостранни, и изложбата, която днес откриваме, много добре показва това. Тук могат да се видят постиженията на университетските преподаватели в основните направления на тяхната научна дейност: езикознание, литературознание, теория и практика на превода, методика на преподаването на руски език и литература в българското основно, средно и висше училище. Нашите преподаватели са били и продължават да бъдат търсен партньор за международно сътрудничество: участват в международни научни проекти и форуми, четат отделни лекции или работят като гост професори в чуждестранни университети. Години наред катедрата по руска литература е организатор на литературоведски симпозиум под егидата на Международната асоциация на преподавателите по руски език и литература (МАПРЯЛ). С участието на колеги от катедрата по руски език неотдавна бе създадено електронното списание «Балканская русистика», в което си сътрудничат русисти от балканските страни.

Преподавателите в специалността винаги са били активни дейци на Дружеството на русистите в България и чрез него – на МАПРЯЛ, чийто колективен член е дружеството. От нашите среди са излезли повечето председатели на дружеството, мнозина членове на ръководството му и на редколегиата на неговия печатен орган – сп. «Болгарская русистика».

Представените в тази изложба експонати са само малка част от създаденото от нас и нашите предшественици. Разбирате трудността, пред която бяхме изправени – да вместим 60-годишна продукция, изработена от над 120 души в тесните рамки на няколко изложбени витрини. Непосилна задача! Вероятно има пропуски, които вашето критично око ще открие! Но бъдете снизходителни. Предстоят ни и други юбилеи. Пропуснатото днес може да бъде наваксано утре. Все пак сега ние не закриваме специалност «Руска филология». Напротив – ще ми се да вярвам, че днес ние отваряме нова страница в нейната история».

После открытия выставки ректор Софийского университета проф. Б.Биолчев принял в своем кабинете Посла Российской Федерации в Республике Болгарии А.В.Потапова. На встрече присутствовали также: директор департамента «Политика в высшем образовании» Министерства образования и науки Болгарии Э.Добрева, председатель Форума «Болгария – Россия» С.Шаренкова, декан факультета славянских филологий проф. В.Стефанов, заместитель декана факультета славянских филологий доц. Р.Божанкова, заведующая кафедрой русского языка доц. Ц.Ралева, заведующая кафедрой русской литературы доц. Р.Евтимова.

Торжественное собрание, посвященное юбилею специальности, состоялось в Актовом зале Софийского университета. В числе почетных гостей в зале присутствовали атташе по культуре Посольства Российской Федерации в Болгарии К.Воронцов и советник Посольства А.В.Шабанов. Торжественное собрание открыла заместитель декана факультета славянских филологий доц. Р.Божанкова. С приветственным словом к собравшимся обратились проректор Софийского университета проф. Г.Бакалов и декан факультета славянских филологий проф. В.Стефанов.

От имени работников Посольства Российской Федерации в Болгарии университетских русистов и всех присутствующих в зале поздравил Посол России А.В.Потапов. Отметив успехи университета в подготовке высококвалифицированных филологов-русистов, большой вклад преподавателей отделения русской филологии в развитие связей с российскими партнерами, возрастающий в Болгарии интерес к русскому языку и культуре, значительный рост студентов, желающих изучать русский язык и русскую литературу, А.В.Потапов выразил надежду на то, что в будущем двусторонние гуманитарные связи между Болгарией и Россией будут укрепляться и расширяться.

Поздравление от имени заместителя министра образования и науки Болгарии К.Атанасова прочитала главный эксперт по русскому языку С.Почеканска. От имени директора Российского культурно-информационного центра в Софии В.П.Иванова собравшихся поздравил доц. В.Лесневский. С приветственным словом к русистам Софийского университета обратилась также председатель Общества русистов Болгарии доц. И.Владова.

Поздравительные адреса от коллег-русистов прочитали заведующая кафедрой русской филологии Пловдивского университета доц. С.Георгиева, доцент кафедры русского языка Шуменского университета Д.Митев, доцент кафедры русского языка Велико-Тырновского университета В.Ченева, заведующая Сектором русской литературы Велико-Тырновского университета профессор М.Каназирска. Софийские преподаватели получили также от своих коллег памятные подарки. Приводим тексты прозвучавших поздравлений.

«Дорогие коллеги!

Кафедра русской филологии Пловдивского университета им. Паисия Хилендарского сердечно поздравляет Вас с 60-летием!

Ваша кафедра 60 лет тому назад, первой в Болгарии, занялась подготовкой специалистов по русскому языку и русской литературе. На кафедре русского языка Софийского университета им. Климента Охридского учились и работали наши преподаватели. Здесь были написаны первые болгарские работы, связанные с русским языком. Здесь всегда можно было получить профессиональную поддержку и помощь.

С вашей кафедрой связано начало русистики в Болгарии. Имена многих профессоров, доцентов и преподавателей навсегда остались в летописи болгарской и мировой русистики.

Ваша кафедра постоянно оказывала помощь в создании центров русистики в других университетах, в том числе и в Пловдивском университете.

У нас всегда были общие цели, задачи и даже трудности у нас общие.

Ряд преподавателей кафедры русского языка Софийского университета и сейчас помогает нашей кафедре и активно участвует в ее работе, в воспитании нового поколения русистов.

От всего сердца желаем Вам, дорогие коллеги, крепкого здоровья и больших творческих успехов в поисках новых путей работы на благо болгарской русистики!

Кафедра русской филологии
ПУ им. Паисия Хилендарского

P.S. Наша кафедра заказала для Вас картину у известного пловдивского художника Владимира Харбалиева, мать которого (Имшерина Иванова) окончила русское отделение Софийского университета в 1951 году. Художник нарисовал картину специально для Вас. Картина впитала энергетику и магию древнего города, древних культур. Это фрагмент из «Старого города» Пловдива. На картине нарисована улица, которая ведет к Дому учителя. Послание картины: Никогда не забывайте своих учителей! Не забывайте зиждителей русской филологии!

С праздником Вас, дорогие коллеги! На многая лета!»

«Ръководството на Факултета по хуманитарни науки и преподавателите по руски език и руска литература в Шуменския университет “Епископ Константин Преславски” най-сърдечно

поздравяват преподавателите и студентите от специалност Руска филология в Софийския университет “Св. Климент Охридски” със славния 60-годишен юбилей.

60-годишният юбилей на специалността Руска филология във водещия български университет е важно събитие за цялата българска русистика. Благодарение на пионерския труд на първите преподаватели от Софийския университет в България се създаде стабилна традиция в подготовката на специалисти по руски език и руска литература. През изминалите години в нашата страна са подготвени хиляди такива специалисти. Те се трудят както в университетите, специализираните езикови училища, в масовото училище, така и в различни области на българската култура. Именно в Софийския университет се постави началото на научното изследване на руския език и руската литература и се издадоха първите научни монографии и учебници за българските русисти.

Специалността Руска филология в Шуменския университет “Епископ Константин Преславски” е създадена с изключителната подкрепа на Софийския университет. Първият ръководител на катедрата по руски език в Шумен беше проф. Блажо Блажев. Шуменските студенти имаха възможността да слушат лекции при такива изтъкнати български русисти като проф. Кирил Бабов, проф. Симеон Русакиев, проф. Пенка Филкова, проф. Цветан Йотов, проф. Тотка Стоева, доц. Евдокия Метева, доц. Милка Бочева, доц. Йордан Цонев и др. Повече от половината хабилиитирани преподаватели в катедрите по руски език и литература в Шуменския университет са възпитаници на катедрите по русистика в Софийския университет.

Високият авторитет на Софийския университет се поддържа от сегашното поколение млади преподаватели. Те са активни, амбициозни, открити към новите идеи и направления в славистиката и русистиката, правят много за популяризирането на българската и балканската русистика. Създаденият от тях сайт “Балканска русистика” печели все по-голяма популярност и създава възможности за контакти между русистите от различни страни.

Шуменските русисти пожелават на славните юбилеари здраве, творчески успехи, нови значими постижения в областта на русистиката. Бъдете достойни продължители на славните традиции на първата специалност Руска филология, радатели на руския език, литература и култура в България!

Преподавателите и студентите от специалност
Руска филология на Шуменския университет
“Епископ Константин Преславски”»

«Уважаемые коллеги!

Этот юбилей – праздник не только вашего коллектива, но и знаменательная дата для всей болгарской русистики, у истоков которой стояли ваши предшественники.

Сердечно поздравляем вас – преподавателей, сотрудников и студентов кафедры русского языка Софийского университета с 60-летним юбилеем!

Вы многого добились за эти годы.

Замечательный творческий, по-настоящему интеллигентный, широко образованный коллектив преподавателей, увлеченных своим делом, – все это способствовало тому, чтобы в наше непростое время вы сохранили у студентов интерес к русскому языку, русской науке и культуре, к творческому поиску, к самосовершенствованию.

Желаем вам работать с таким же энтузиазмом и успехом и в последующие десятилетия.

Творческих успехов, творческого горения, блестящих выпускников, интересных дел и новых начинаний!

Примите наши заверения в глубоком уважении и искренней симпатии.

Зав. кафедрой русского языка
Велико-Тырновского университета доц. Гочо Гочев»

«Глубокоуважаемый господин проректор!

Ваше превосходительство!

Глубокоуважаемый господин декан!

Прежде чем преподнести свои поздравления, я бы хотела поприветствовать с нашей замечательной годовщиной – 60-летием со дня открытия специальности “Русская филология” в Софийском университете – всех присутствующих в этом торжественном Актовом зале нашей Alma mater и, прежде всего, наших преподавателей (я не хочу называть их бывшими): профессоров Пенку Филкову, Ирину Червенкову, Ивана Цветкова, доцента Евдокию Метеву и многих других – и пожелать им доброго здоровья и долголетия, поблагодарить их за то, что они открыли нам секреты русского языка и очарование русской литературы!

Об этих преподавателях я говорю с особым чувством, так как я была их студенткой 40 лет тому назад. Но мы храним светлую память и о тех, кого уже нет среди нас, но кто оставил глубокий след в наших душах. Я хочу вспомнить о тех, кто стоял в начале нашего пути – о лидере болгарской русистики в течение многих десятилетий профессоре Николае Михайловиче Дылевском, о докторе Марии Федоровне Джанановой, Андрее Петровиче Евдокимове, Анатолии Владимировиче Бинецком, Федоре Георгиевиче Александрове, Николае Владимировиче Ставровском, о профессорах русской литературы Велчо Велчеве и Симеоне Русакиеве. Все они были у истоков создания специальности “Русская филология” в университете. Низкий им поклон!

Я хочу вспомнить о всех наших дорогих преподавателях русского языка, среди которых была и моя учительница Валентина Владимировна Тотева. Мы с благодарностью вспоминаем Нину Васильевну Григорьеву, Марию Петровну Мещерскую, Наталью Ефремовну Ховрину, Нину Борисовну Комарову, Александра Константиновича Людсканова. Благодаря их усилиям и стараниям преподавание практического русского

языка студентам-филологам всегда велось на самом высоком уровне. И этот высокий уровень кафедра русского языка удерживает до сих пор.

Позвольте мне от имени Сектора русской литературы Велико-Тырновского университета поздравить всех членов кафедры русской литературы Софийского университета во главе с ее заведующей доцентом Румяной Евтимовой. Недавно наши софийские коллеги были у нас в гостях на юбилейных чтениях, посвященных 75-летию проф. А.Анчева. Наши крепкие связи имеют давнюю историю. 40 лет тому назад, когда создавался наш вуз, кафедра Софийского университета оказала нам неоценимую и своевременную помощь в преподавании русской литературы, в подборе и формировании кадров. Тогда для чтения лекций нашим студентам из Софии приезжали профессора Георгий Германов, Иван Цветков и Христо Дудевский.

Дорогая Румяна! Дорогие коллеги – преподаватели кафедры русской литературы! Преподнося этот букет алых роз, я сердечно поздравляю вас с замечательным юбилеем. Примите благопожелания от ваших коллег в Велико-Тырнове! Желаю вам, прежде всего, здоровья, личного счастья и дальнейших успехов в ответственном деле преподавания и исследования русской литературы!

Благодарю членов кафедры русского языка за прекрасно составленный альманах, описывающий славный путь русистики в Софийском университете!

Счастья и дальнейших успехов всем русистам!

С праздником болгарской русистики!

профессор д-р Маргарита Каназирска,
заведующая Сектором русской литературы
Велико-Тырновского университета
имени св. Кирилла и Мефодия»

С трибуны собрания прозвучали также теплые слова поздравлений и приветствий от коллег с кафедры славянской филологии Санкт-Петербургского государственного университета – заведующей кафедрой проф. М.Ю.Котовой, проф. Е.Ю.Ивановой, доц. Г.В.Крыловой, доц. З.К.Шановой, ст. преп. О.В.Васильевой. Русисты Софийского университета получили и другие поздравительные адреса, в числе которых сердечное и искреннее письмо от Союза болгарских писателей, подписанное председателем Союза известным болгарским писателем и журналистом Н.Петевым.

После завершения торжественной части собрания доц. А.Градинарова и доц. А.Вачева представили первую и вторую части юбилейного сборника научных статей «60 години Руска филология в Софийския университет»¹, подготовленного преподавателями кафедр русского языка и русской литературы и опубликованного Университетским издательством им. св. Климента Охридского.

¹ Соответствующие тексты опубликованы в настоящем номере журнала в разделе *Рецензии, обзоры*.

Гл. асс. д-р А.Липовска познакомила собравшихся с юбилейным альманахом «Преподавание и исследование русского языка в Софийском университете». Ниже приводится прозвучавший с трибуны текст.

«Уважаемые коллеги, драги гости!

Отначало бих искала да поздравя всички тук присъстващи по случай юбилея на специалността Руска филология в Софийския университет: всички онези, които преди години са получили отначало своето образование, а после са преподавали в Софийския университет руски език и руска литература; всички онези, които сега работят в катедрите по руски език и руска литература; всички онези, които сега са студенти в специалността Руска филология; всички онези, които са били студенти Руска филология, а сега работят в училищата и университетите в страната. Всички ние сме тук, защото чувстваме връзката си със специалността Руска филология в Софийския университет – връзка, която е много здрава, много богата, изпълнена със силни емоции.

Именно чувството ни за принадлежност към нещо мило, свято, наше накара нас – сега работещите в специалността Руска филология – да направим така, щото в този празничен ден да можем да ви зарадваме със спомени за отминали моменти, да ви разкажем за периодите, през които е преминала специалността ни, за сегашните ни делници и за мечтите ни. Всичко това се постаряхме да представим в излезлия наскоро алманах «Преподавание и исследование русского языка в Софийском университете. К 60-летию специальности».

Изданието е плод на съвместните усилия на много хора и редица институции. Ще започна оттам, откъдето в повечето случаи се завършва, а именно от издателите. Без тях, колкото и да искахме, каквото и да бяхме подготвили, както и да го бяхме замислили, нищо нямаше да се случи, както не се е случило преди 20 години, когато е имало идея за такова издание, но не е имало кой да го издаде. Алманахът е продукт, великолепно изработен от Университетско издателство “Св. Климент Охридски” и Обществен форум “България – Русия”. Тези две институции не веднъж са доказвали своята готовност за подкрепа и осъществяване на перспективни проекти, свързани с руския език и руската литература в България. Председателят на Форума г-жа Светлана Шаренкова и Директорът на Издателството г-н Димитър Томов са хората, които разбраха значимостта и необходимостта от реализация на представения им идеен проект, и веднага откликнаха. Ето защо първите ни благодарности отправяме към тях!

Книгата, която предлагаме на вашето внимание, не е само разказ за онези личности, които са създали специалността, за онези, които през годините са я развивали, и тези, които градят съвременния ѝ облик; не е и обикновен енциклопедичен библиографски справочник за преподавателите в Руска филология на Софийския университет; не е просто албум с усмивки от старите ленти и запечатани моменти отпреди няколко месеца. Искахме това да бъде един пъстър пейзаж от думи и образи, едно пътуване в миналото и в бъдещето, едно преживяване.

И то действително беше едно много голямо преживяване. Запознанството с архивни документи, свързани с историята на специалността, издирването на материали, свързани с живота и

дейността на нашите предшественици, разговорите с бивши и настоящи русисти, спомените на съвременници... Най-искрени благодарности отправяме към нашите учители, колеги и големи приятели, направили всичко възможно да подпомогнат общото дело. Най-напред ми се иска да произнеса името на проф. Кирил Бабов, чиито работи, посветени на историята на Руска филология в Софийския университет, бяха основата, върху която стъпихме. Благодарности към В.Б.Еленска, която през цялото време играеше ролята на изключително деен посредник между поколенията и катедрите в специалността. Благодарение на нея издирихме материали за наши бивши колеги, получихме много снимки. С голямо желание предоставиха части от личните си архиви и проф. Стоева, проф. Павлова, проф. Йотов, доц. Еленски, Кира Георгиевна Андрейчина, Валентина Еленска и др.

Специални благодарности към г-жа Нина Костенко – дъщеря на колегата ни Надежда Костенко, и г-жа Светлана Манева – дъщеря на колегата Варвара Манева, предоставили ни архивни и мемоарни материали за алманаха. Трогнати сме от готовността за съвместна работа от страна на г-жа Мила Мазакова, чийто голям приятел е бил незабравимият Андрей Петрович Евдокимов. Тя предостави на специалността ни архивни материали както за изложбата в Университетска библиотека, така и за алманаха, а още през 1959 година дарява на библиотеката книгите на Евдокимов, останали при нея след смъртта му. Връзката ни с г-жа Мазакова дължим на проф. Червенкова и доц. Васева. Най-сърдечни благодарности към тях отправяме и за помощта им, оказвана ни през цялото време на подготовката на изданието. Те – проф. Червенкова и доц. Васева, а също така Валентина Николаевна Кюркчиева, Лариса Михайловна Йотова и Кира Георгиевна Андрейчина по случай 60-та годишнина на специалността дариха свои библиотеки от специализирана литература по руски език с общ обем около 1000 тома.

Уважаваните и обичаните от много поколения русисти доц. Васева, проф. Блажев, проф. Филкова, Нина Николаевна Лежинская, проф. Червенкова, проф. Гочева, участват в Алманаха със спомени за специалността. В частта “История специалности в воспоминаниях современников” със своя поглед към юбилея се представят още г-н Веселин Димитров, възпитаник на нашата специалност, а понастоящем професор във Факултета по журналистика на Софийския университет, и ст.н.с. Елена Паскалева от Института по информатика и математика на БАН. В спомените на тези колеги пред читателите на алманаха ще оживеят преподавателите-легенди Николай Михайлович Дилевски, Мария Федоровна Джананова, Андрей Петрович Евдокимов, Николай Владимирович Ставровски, Федор Григориевич Александров, Нина Борисовна Комарова, Анатолий Владимирович Бинецкий, Наталия Ефремовна Ховрина; а също така такива ярки личности, като Александър Люцканов, Кирил Бабов и много други, свързали професионалния си живот с нашата специалност. Откъсите от мемоарите на проф. Блажев, включени в алманаха, са посветени не само на изтъкнати учени и преподаватели в нашия факултет от средата на изтеклия ХХ век, но са изпълнени и с прекрасни спомени за състудентите му от историческия първи випуск Руска филология.

Страниците на алманаха са изпъстрени и с много снимков материал, който (да се надяваме, че ще ни бъде простено) не винаги е с добро качество. Желанието да покажем разностранната дейност в рамките на специалността – учебна, научна, извънаудиторна – беше по-голямо от възможността да се постигне добро качество при обработката на старите снимки. Но благодарение на професионализма и изключителното търпение на колегите от Университетско издателство – главния художник Борис Драголов и Соня Спасова – беше постигнато това, което имам честта и изключителното удоволствие да Ви представям. Галерия от снимки може да се види и в интернет на адрес <http://orus.slavica.org/expo>. Проектът е реализиран от доц. Алла Градинарова със съдействието на издателство Eurasia Academic Publishers.

И както проф. Веселин Димитров е озаглавил статията си в алманаха – Опит за спомен, така и на мен ми се иска накрая да кажа, че на вашето внимание предлагаме този първи наш опит за алманах. Живот и здраве с общи усилия за следващия юбилей на специалността ще се постареем да издадем нещо по-пълно, по-добро, по-по-по- от това, което сега имаме.

Моля да бъдем извинени, ако пропускаме в момента на някого да благодарим, нещо важно да отбележим. Такава ни е молбата и по отношение на евентуални пропуски, неточности и допуснати фактологични грешки в Алманаха. Всички свои забележки и пожелания можете да отправяте към нас – носещите отговорността за алманаха – Алла Градинарова, Надежда Делева и мен.

А сега, уважаеми колеги, преди да си пожелаем «До нови срещи на следващия юбилей на специалността!» имам приятното задължение заедно с доц. Цветана Ралева – ръководителя на катедрата по руски език и доц. Румяна Евтимова – ръководителя на катедрата по руска литература – в знак на дълбока признателност да поднесем представения юбилеен сборник и алманаха на нашите ветерани.

От все сърце честитим юбилея на специалността на нейния Доайен г-жа Варвара Павловна Манева. Сред нас са представители на първия випуск Руска филология и впоследствие преподаватели в специалността – проф. д-р Блажо Блажев, доц. д-р Константин Попов. Тук са и бивши ръководители на катедри проф. д-р Пенка Филкова, проф. д-р Цветан Йотов, проф. д-р Георги Германов, проф. д-р Боряна Бунджулова. Честит юбилей и на изтъкнатите учени изследователи, запомнени от много поколения русисти – лекторите по основните теоретични дисциплини в специалността – проф. д-р Румяна Павлова, проф. д-р Тотка Стоева, проф. д-р Емилия Гочева, проф. д-р Ирина Червенкова, проф. Иван Цветков, а също така: доц. д-р Иванка Васева, доц. д-р Илиана Владова, доц. д-р Валерий Занглигер, доц. д-р Нина Ковачева, доц. д-р Евдокия Метева, доц. д-р Ирина Захаријева, д-р Теменуга Димитрова.

Нашите най-искрени поздравления отправяме и към любимите ни преподаватели по практически руски език: д-р Андрейчина Кира Георгиевна, г-жа Лежинска Нина Николаевна, доц. д-р Лиляна Дончева, доц. д-р Йордан Еленски, д-р Илинка Райкова, д-р Екатерина Станчева, г-жа Валентина Еленска, г-жа Людмила Атанасова, г-жа Зоя Котева.

Дорогие наши ветераны, дорогие коллеги, мы вас очень, очень любим, уважаем, чтим! Никогда не забываем! Желаем вам здоровья и всего самого хорошего!

До новых встреч на следующем юбилее специальности!».

После представления юбилейного альманаха студент 4 курса отделения русской филологии Виктор Христов прочитал с трибуны собрания эссе «Язык – это путь цивилизации и культуры... (А.И. Куприн)»², которое было признано лучшим в конкурсе, объявленном по случаю юбилея специальности. Эссе написано студенческим авторским коллективом в составе: Анелия Рачева, Виктор Христов, Евгения Буда, Иванка Стайкова, Николина Нечаева, Соня Иванова (4 курс). Награды победителям конкурса вручила управляющая фирмой «Индекс» г-жа Елена Павловска.

После окончания торжественного собрания юбиляров и их коллег ждало приятное чаепитие в Центре русского языка Софийского университета и организованный руководством факультета славянских филологий коктейль в университетском ресторане «Яйцето».

Праздничную программу завершил посвященный юбилею специальности оперный концерт. В актовом зале университета перед зрителями выступали молодые исполнители-студенты Ивайло Донков, Катя Бенинг, Ангел Антонов, Даниэла Панчевска, Ирина Жекова, Миглена Павлова, Миглена Славова, Диляна Филипова.

Доц. А.Градинарова

² Текст эссе опубликован в настоящем номере журнала в разделе *Дебюты*.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ СИМПОЗИУМ НА ТЕМУ: «ИННОВАЦИИ В ИССЛЕДОВАНИЯХ РУССКОГО ЯЗЫКА, ЛИТЕРАТУРЫ И КУЛЬТУРЫ». Болгария, Пловдив, 31 октября – 3 ноября 2006 г.

Международный симпозиум «Инновации в исследованиях русского языка, литературы и культуры» под эгидой МАПРЯЛ был организован Пловдивским университетом им. Паисия Хилендарского, Обществом русистов Болгарии, Министерством образования и науки Болгарии, Российским культурно-информационным центром в Софии. Симпозиум проходил в Пловдиве – городе с древнейшей историей, где сохранились следы многих древних цивилизаций: фракийцы, римляне, византийцы, славяне, турки, болгары. Символ города – «Алеша», поэтому не случайно в Актовом зале университета звучала любимая всеми русистами песня «Алеша».

Симпозиум ставил себе целью собрать преподавателей и исследователей русского языка из разных стран, чтобы обменяться мнениями о новых исследованиях в области русистики, поделиться своим опытом, связанным с преподаванием русского языка как иностранного в эпоху глобализации, в изменившихся социальных и международных условиях.

В работе симпозиума приняло участие около 150 русистов из более чем 20 стран: Армении, Башкирии, Беларуси, Болгарии, Греции, Грузии, Ирана, Казахстана, Киргизии, Канады, Латвии, Литвы, Монголии, России, Румынии, Сербии, Турции, Украины, Хорватии, Чехии, Эстонии, Японии.

Участников симпозиума приветствовали: руководитель направления «Образование, культура и региональные связи», советник при посольстве Российской Федерации в Болгарии г-н Прохоров Сергей Михайлович, мэр города Пловдива д-р Иван Чомаков, вице-президент МАПРЯЛ и Председатель Общества русистов Болгарии доц. д-р Илиана Владова, заместитель управляющего Пловдивской областью г-жа Миглена Русинова, главный эксперт по русскому языку Министерства образования и науки Болгарии г-жа Стоянка Почеканска, заместитель ректора Пловдивского университета доц. д-р Запрян Кузлуджов, директор Российского культурно-информационного центра в Софии г-н Иванов Владимир Павлович. Все выступавшие пожелали участникам симпозиума успешной и плодотворной работы. С красочной художественной программой перед участниками симпозиума выступили ученики пловдивских школ.

После торжественного открытия симпозиума состоялись пленарные заседания, на которых было заслушано три доклада об инновациях в разных научных направлениях: *Принципы функционального сопоставления русского и болгарского языков* (проф., д.ф.н. Стефана Димитрова – Болгария), *Феномен междоментия. Универсальное и уникальное в различных языках* (проф., д.ф.н. Игорь Шаронов – Россия), *Перспективы развития и совершенствования коммуникативной системы обучения русскому языку* (доц. д-р Снежана Пейчева – Болгария).

Работа симпозиума проходила в 4 секциях: 1. **Лингвистика** (инновации в исследованиях русского языка: фонетика, лексикология, фразеология, морфология, синтаксис, стилистика); 2. **Литература** (инновации в исследованиях русской литературы: фольклор и древнерусская литература,

литература XIX-XX вв., новейшая литература, культура); 3. **Язык и культура**; 4. **Лингводидактика**. На заседаниях секций было заслушано около 140 докладов, после которых проходили оживленные научные дискуссии.

В последний день работы симпозиума был проведен круглый стол «Русский язык в эпоху глобализации», на котором представители разных стран обсуждали вопросы, связанные с профессиональной реализацией филологов-русистов, были представлены магистерские программы для русистов Пловдивского, Софийского и Шуменского университетов. Представитель Министерства науки и образования Болгарии г-жа Стоянка Почеканска познакомила болгарских и зарубежных участников с актуальными вопросами обучения русскому языку в Болгарии. Во время работы круглого стола участники познакомились с новейшими учебниками и словарями русского языка.

Незабываемым останется «Вечер русиста», организованный гостеприимными хозяевами симпозиума в ресторане гостиницы «Лейпциг».

Интересной была и культурная программа, организованная для участников симпозиума: прогулки по старинному центру города, экскурсия в Бачковский монастырь, посещение памятника Алеше, знакомство с другими достопримечательностями «города на семи холмах».

Международный симпозиум «Инновации в исследованиях русского языка, литературы и культуры» в Пловдиве прошел на высоком организационном и научном уровне. Это был симпозиум единомышленников, энтузиастов, которых собрал в Болгарии интерес к научным исследованиям, интерес к русскому языку.

Материалы симпозиума будут опубликованы в специальном сборнике, который в настоящее время готовится к печати.

*Доц. д-р Стефка Георгиева,
председатель оргбюро симпозиума*

**VIII МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ СЛАВИСТОВ
«WYRAZ I ZDANIE W JĘZYKACH SŁOWIAŃSKICH:
OPIS – KONFRONTACJA – PRZEKŁAD».
Wrocław, 2006**

В конце ноября 2006 г. в польском городе Вроцлаве состоялась VIII Международная конференция на тему: «Слово и предложение в славянских языках: описание – конфронтация – перевод». В работе конференции приняло участие около 100 филологов-славистов из девяти стран Европы (Беларуси, Германии, Польши, Российской Федерации, Сербии, Словении, Украины, Хорватии, Чешской Республики). Подобные научные конференции проводятся каждые два года по инициативе Института славянской филологии при философском факультете Вроцлавского университета.

Торжественное открытие конференции состоялось в старинном здании Вроцлавского университета в зале «Oratorium Marianum» под эгидой ректора университета проф. Лешека Пахольского. Участников и почетных гостей конференции приветствовали декан философского факультета проф. Михал Сарновски и директор Института славянской филологии проф. Анна Пашкевич. В рамках торжественного открытия состоялось вручение почетной премии им. проф. Брониславы Конопелько.

Первый день конференции проходил в формате пленарного заседания, на котором свои доклады прочитали Г.А.Золотова (Москва) – *Глагольные категории как композиционное средство*, Диана Вечорек (Вроцлав) – *Языки как предмет любви*, Малгоржата Корытковска (Лодзь) – *O zdaniach ekstensjonalnych w świetle procesów nominalizacyjnych w języku bułgarskim i polskim*, Матей Гроховски (Торунь) – *O hierarchii kryteriów w opisie przysłówków formalnie odprzymiotnikowych*, Анатолий Загнитко (Донецк) – *Внутрішньореченневий статус прийменника*, Ежи Шашевски (Сосновец) – *Wykładowiki formalne klas rzeczowników abstrakcyjnych w językach słowiańskich*, Михаил Алескиенко (Щецин) – *Женские стереотипы в русской диалектной речи*, Харри Вальтер, Валерий Мокиенко (Грайфсвальд) – *Классики марксизма-ленинизма в русских антипословицах*, Майя Шимонюк (Сосновец) – *Реализация научного стиля в жанре филологической статьи, особенности польских и русских текстов*, Андрей Бабанов (Санкт-Петербург) – *Некоторые проблемы изучения заимствований в славянских языках*, Александра Дерганц (Любляна) – *Славянизмы в русских фраземах*, Бранко Куна (Осиек) – *O antecedentu povratno-posvojne zamjenice svoj i hrvatskom jeziku*, Татьяна Волюнец (Минск) – *Производное слово в художественном мире поэта*, Ивана Видович Болт (Загреб) – *Wybrane frazeologizmy zoonimiczne w języku chorwackim w porównaniu z językiem polskim*.

В пятницу 24 ноября работа конференции проходила в четырех секциях. Тематика зачитанных докладов была весьма разнообразна и затрагивала целый ряд общих и более частных лингвистических вопросов, а именно: **фразеологию** (в частности соматизмы; фразеологизмы, связанные с Богом; фраземы в современном украинском молодежном сленге и др.), **словообразование** (компрессивное словообразование; словообразование существительных, обозначающих части тела; театральная лексика; названия алкогольных напитков в русско-немецких словарях; компьютерная лексика), **заимствование слов и языковые контакты** (межславянские трансплантации в языке современной прессы; межязыковые контакты на материале диалектов Прикарпатья; полонизмы в современных донских говорах), **ономастику**

(антропонимы в современных польских текстах; роль глобализации в ономазиологических процессах), **когнитивную лингвистику** (образ Польши и поляков в российской прессе; медиальная картина Польши; концепт тоски в русском языке), **синтаксис** (способы выражения каузальности; проблемы таксиса в русско-польском сопоставительном плане; выражение отрицания на разных языковых уровнях), **лингвопрагматику** (язык Интернета, проблематика директивов), проблемы **украинской речи** и памятников культуры. Каждый тематический блок докладов заканчивался оживленной и плодотворной дискуссией.

На заключительном пленарном заседании свои доклады зачитали видные представители вроцлавской славистики Лариса Писарек – *Единицы белорусского речевого этикета на фоне русских и польских* и Антоний Фурдал – *Podstawy tożsamości narodów słowiańskich*. После всех заседаний были подведены итоги конференции. Организаторы отмечали высокий профессиональный уровень всех докладов, многие из которых содействовали решению открытых вопросов славистической проблематики. Все заслушанные доклады будут опубликованы в очередном сборнике *Slavica Vratislaviensia*.

Ладислав Воборжил
(Оломоуц, Чешская Республика)

ПРАЗДНИК НА УЛИЦЕ БОЛГАРСКОЙ РУСИСТИКИ

6-го декабря 2006 года Специализированный ученый совет по литературоведению при Болгарской академии наук присудил звание профессора преподавателю Велико-тырновского университета Маргарите Каназирской.

Две недели спустя, 20-го декабря, в этом же ученом совете преподаватель Шуменского университета Дечка Чавдарова защитила диссертацию на соискание ученой степени доктора филологических наук.

Не так часто в последние годы научная работа болгарских русистов получает такое высокое признание. Редакция журнала «Болгарская русистика» поздравляет уважаемых коллег с присуждением им высших научных степеней и званий и желает им крепкого здоровья и новых успехов в изучении русской литературы. Вместе с тем, эти события являются хорошим поводом для того, чтобы коротко отметить вклад Маргариты Каназирской и Дечки Чавдаровой в болгарскую литературоведческую русистику.

Маргарита Каназирска работает в Велико-тырновском университете с 1966 года. Защита ее кандидатской диссертации на тему «Повести Леонида Леонова. Проблемы жанра» состоялась в 1974 году. В этом исследовании наметился ее многолетний научный интерес к личности и творчеству Леонида Максимовича Леонова. В 1981 году последовала монография «Леонид Леонов. Эстетические взгляды и художественное творчество». Работа над творчеством Леонова продолжается уже три десятилетия, и результаты этой работы получили высокую оценку леоноведов всего мира. Личное общение с классиком русской литературы XX века привело к созданию книги «Леонид Леонов. Этюды. Встречи», вышедшей в Велико-Тырнове в 2005 году.

Маргарита Каназирска является одним из признанных исследователей русского модернизма. Об этом свидетельствует подготовленный и отрецензированный ею сборник научных докладов «Западноевропейский модернизм и славянские литературы» (1998), а также второе издание антологии «Русская современная поэзия» и монография «Серебряный век. Акмеизм. О предметности в искусстве» (2004). Вместе с тем М.Каназирска последовательно занимается изучением культуры русской эмиграции в Болгарии 20 – 30-х годов XX века. Эта проблематика полностью соответствует научной программе Российской академии наук, осуществляемой под руководством академика Е.Челышева. Целью этой программы является приобщение литературного и культурного наследия, созданного за пределами отечества, к культуре России. Часть этого исследования напечатана в солидном научном издании «Диаспора. Т. 4». Готовится к изданию в России и ее книга «После России. К проблеме культуры русской эмиграции в Болгарии 20-х – 30-х годов». Редактор этого издания Сергей Федякин высоко оценил кропотливую научно-исследовательскую работу болгарской коллеги. Высокую оценку работам Маргариты Каназирской высказывали и другие известные литературоведы, среди которых проф. П.С.Выходцев, проф. Мирослав Заградка, проф. В.А.Ковалев, акад. Леонид Леонов, сотрудники Пушкинского Дома Н.А.Грознова и Т.М.Вахитова, болгарские исследователи проф. Стоян Илиев, проф. Здравко Петров, проф. Иван Цветков и др. У автора этих строк не раз была возможность присутствовать на выступлениях М.Каназирской на разных научных форумах, где ее доклады отличались своим углубленным подходом и всегда вызывали всеобщий интерес.

Особого внимания заслуживает ее преподавательская работа в Велико-тырновском университете, подготовка докторантов, руководство дипломниками. Всю эту нелегкую ношу Маргарита Каназирска взвалила на свои хрупкие плечи и подчинила ей всю свою жизнь преподавателя и исследователя, сохраняя верность избранной научной проблематике. Результаты налицо, и они не нуждаются в дополнительных комментариях.

Дечка Чавдарова – исследователь несколько другого плана. Сфера ее научно-исследовательской и преподавательской работы – русская литература XIX века. Одно из ее пристрастий – творчество Н.Гоголя, ему посвящена ее кандидатская диссертация. Вместе с проф. Николой Георгиевым она является инициатором создания сборника «Как шита “Шинель” Гоголя», в котором предложено новое болгарское прочтение текста русской классической литературы. Специалистам хорошо известна книга Д.Чавдаровой «*Ното legens* в русской литературе XIX века», многие из них просто не ожидали такого оригинального подхода. Благодаря своей работе в Польше и своим научным интересам Д.Чавдарова сделала очень многое для установления дружеских контактов с проф. Эжи Фарыно. Болгарские встречи с польским теоретиком и исследователем русской литературы превратились в торжество духа для друзей, разделяющих взгляды Э.Фарыно. Следует отметить и участие Дечки Чавдаровой в сборниках «Идеи в России» (Лодзь, 2000). Она также является организатором многих научных конференций, среди которых особенно выделяются «Вино в этнокультуре и литературе» и «Интерьер». Д.Чавдарова – один из авторов журнала «*Russian literature*», редактор многих научных изданий.

Почти целое десятилетие она работала над своей докторской диссертацией «Понятие естественности и автопортрет русского в русской литературе XIX века». Автор поставила перед собой сложную задачу проанализировать соотношение литературы и нелитературы, как и соотношение «жизнь» – «литература». Известно, что для многих читателей и литературоведов главное в художественном произведении – миметизм, отражение жизни. Но Д.Чавдарова в своей работе убедительно доказывает, что литература создает новую реальность, что она утверждает новые модели поведения. Вместе с тем литература способна создавать и утверждать мифологемы, концепты, идеи. Основным своим вкладом в изучение русской литературы Д.Чавдарова считает постановку вопросов о соотношении жизни и литературы, о воплощении понятий/ идей русской культуры в литературе, а также о способности литературы «творить» реальность, формулировать и утверждать такие идеи.

В отзывах рецензентов были проанализированы конкретные аспекты диссертации Д.Чавдаровой. Специально для журнала «Болгарская русистика» проф. Никола Георгиев высказал свое мнение. Он, в частности, отметил: «Диссертация заслуживает внимания. В истории литературоведения не было периодов, когда оно было бы единым. Последние годы отличаются противоречивостью и напряжением, так как возникает вопрос: а теперь куда? Мы были свидетелями множества анализов при помощи других понятий, но наметилось и сопротивление такому подходу. В каком направлении пойдет литературоведение сегодня, трудно предвидеть.

Для меня существуют две линии – за пределы литературы и в рамках (внутри) литературы, в предметном мире и в так называемой “литературности”. Исследование Дечки Чавдаровой объединяет обе эти линии очень хорошо, при этом автор остается верным и другим направлениям. Возникает, однако, вопрос, насколько литература им подчиняется. Предлагаю идею: литература их использует, принимает участие в их создании, а потом сама их разрушает. Эту разрушительную линию можно проиллюстрировать еще ярче. Трудно сказать, почему существует искусственность и естественность в литературе. В чем именно разница между русским понятием

“повесть” и болгарским понятием “повест”, между словами “душа” в русском и болгарском языке? У слова “левша” в английском языке три перевода и ни одного в болгарском – эту проблему надо решить. В целом перед нами замечательное исследование, предлагающее ответ на вопрос: существует ли разъединение в решении проблемы, естественна или искусственна литература». После этого высказывания выдающегося болгарского теоретика литературы и друга болгарской русистики Ученый совет присудил Дечке Чавдаровой степень доктора филологических наук.

В коротком обзрении трудно проследить и отметить все, что сделано нашими коллегами. Перефразируя известные слова, можно сказать, что болгарской русистике не только нужны литературоведы хорошие и разные, они уже есть. От имени Общества русистов Болгарии желаю им творческого вдохновения в покорении новых научных вершин. Спасибо Маргарите Каназирской и Дечке Чавдаровой за их плодотворный труд на ниве изучения и популяризации русской литературы, за тот весомый вклад, который они внесли в развитие болгарской русистики накануне XI конгресса МАПРЯЛ.

Доц. д-р Ивайло Петров